

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

2/2019

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацеров**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Pyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 8 от 27.09.2019 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология и
психология

№ 2/2019

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Белоконь С. А.* Особенности сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа 3
- Дроздов В. А.* Архаизмы в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях на англоязычной основе 8
- Касьяненко Н. Е.* Собственное имя в когнитивном аспекте (на материале повести-предостережения В. Забирко «Вариант Пата») 17
- Кудрейко И. А.* Просторечные формы имени прилагательного в донецком региолекте 25
- Миннуллин О. Р.* Аксиологическое осмысление поэтического творчества в концепции А. А. Кораблева 30
- Фатьянова И. В.* Коммуникативные стратегии и тактики в современном англо-американском политическом дискурсе 40
- Шульдишова А. А.* Из наблюдений над фрагментом идиолекта А. А. Блока: к изучению предикатно-актантного поля «петь» 48
- Лялюк А. А.* Типология аббревиационных конструкторов как особой разновидности морфем в структуре аббревиатурных наименований 55

Слово молодому ученому

- Смирнова И. Р.* О составном абброконструкте 62

Психология

- Максименко Е. Г.* Модель психики как функциональной системы 71
- Безродный В. И.* Психологические причины детского травматизма 79
- Гордеева А. В.* Психологические механизмы воздействия социальной рекламы на молодежь 86
- Руденко С. В.* Особенности детского чтения: психологические аспекты и рекомендации 93
- Картузова Н. А.* Стилиевые особенности саморегуляции учебной деятельности у студентов с разным уровнем принятия неопределенности 101

- Правила для авторов 107

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 2/2019

CONTENTS

Philology

<i>Belokon S.A.</i> The peculiarities of the plot-compositional organization of the intellectual novel	3
<i>Drozdov V.A.</i> Archaisms in the English-based bahamian, belizian, trinidado-tobagonian and jamaican creoles	8
<i>Kasyanenko N.E.</i> Prerer name in the cognitive aspect (based on the matter of the story-caution V. Zbirko "Pata variant")	17
<i>Kudreiko I.A.</i> Vernacular form of an adjective in Donetsk regiolekt	25
<i>Minnullin O.R.</i> Axiological interpretation of poetic creativity in the A.A. Korablev's concept	30
<i>Fatyanova I.V.</i> Communicative strategies and tactics in Modern Anglo-American political discourse	40
<i>Shuldishova A.A.</i> From observations about the A.A. Blok's idiolect fragment: predicative and actantial field "to sing"	48
<i>Lyalyuk A.A.</i> Typology of abbreviation constructs as a special variety of morphemes in the structure of abbreviations	55

Commencing scholars, have your say!

<i>Smirnova I.R.</i> About complex abbroconstruct	62
---	----

Psychology

<i>Maksimenko E.G.</i> Model of the psyche as a functional system	71
<i>Bezrodny V.I.</i> Psychological reasons of child injury	79
<i>Gordeeva A.V.</i> Psychological mechanisms of influence of social advertising on youth	86
<i>Rudenko S.V.</i> Child reading peculiarities: psychology aspects and recommendations	93
<i>Kartuzova N.A.</i> Style features of self-regulation of educational activities among students with different levels of tolerance for uncertainty	101
Guidelines for authors	107

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-25 “20”

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА

© 2019. С.А. Белоконь

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье предпринята попытка рассмотрения особенностей сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа. При этом особое внимание уделено обзору существующих трактовок сюжета и композиции в современном литературоведении. Сделан вывод о специфической «двусюжетности» интеллектуального романа.

Ключевые слова: сюжет, сюжетно-композиционная организация, жанр, интеллектуальный роман.

Сюжетно-композиционная организация произведения – одна из важнейших характеристик художественного целого. Можно говорить о том, что особенности сюжетно-композиционных построений являются достаточно характерными признаками не только родо-жанровой природы художественного произведения, но и его конкретной жанровой разновидности. Так, не вызывает сомнений, что каждая жанровая разновидность романа имеет свои отличительные черты на уровне сюжетно-композиционной организации.

Цель нашего исследования – выявить особенности сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа, обусловленные его жанровой природой.

Н. Т. Рымарь утверждает: «Художественное содержание произведения рождается только в результате словесной “материализации” замысла, в результате работы художника со словом во всем богатстве его значений и смыслов, обертонов и ритмов, в результате работы со всей полнотой сюжетно-композиционных, архитектурных, жанровых форм организации произведения» [7, с. 6].

Важным в контексте нашего исследования является тот факт, что Н. Т. Рымарь в один ряд ставит сюжетно-композиционную и жанровую форму организации произведения. Таким образом, они оказываются неразрывно связанными, так как конкретная жанровая форма предполагает определенную специфику сюжетной организации.

Однако, прежде чем говорить непосредственно о сюжетной организации интеллектуального романа как жанра, нам необходимо прояснить вопрос: что мы будем понимать под сюжетом. Проблема эта достаточно сложная и решение ее требует предметного рассмотрения.

Б. М. Сарнов в своей статье «Что такое сюжет?» отмечает: «Вопрос о сюжете – это, пожалуй, самый острый, самый дискуссионный из всех вопросов теории литературы» [8, с. 92]. Ученый категорически не согласен с «пониманием работы над сюжетом только как процесса воплощения уже познанных закономерностей действительности» [8, с. 114]. Напротив, Б. М. Сарнов считает, что «художник в своих произведениях мыслит образами, а не облакает мысль в образную форму. Мыслить образами – это, собственно, и значит мыслить сюжетно» [8, с. 114].

Здесь мы находим переключку идей Б. М. Сарнова с идеями М. М. Гиршмана, последний в рамках своей теории целостного анализа предлагает следующую трактовку сюжета: «Сюжет соотносится именно с конкретизацией целостности в развертывающихся событиях, переживаниях, действиях, которые в своей совокупности воссоздают воображаемую реальность, *опредмечивают* ее...» [2, с. 102].

Таким образом, сюжет, по М. М. Гиршману, это «развертывание событий, переживаний, действий», конечной целью такого развертывания является акт творения – опредмечивание воображаемой реальности, художественное насыщение ее своеобразной художественной плотью и кровью.

Близкими по духу являются идеи, высказанные В. Б. Шкловским в книге «Заметки о прозе русских классиков»: «“Сюжет” произведения – не только совокупность действий, в нем описанных. Он является средством познания действительности, способом анализировать основной предмет повествования. Это делается через выяснение отношений, через сопоставления, через выявление противоречий, свойственных предмету» [12, с. 102].

Как видим, этот литературовед предлагает рассматривать сюжет достаточно широко. Сюжету при этом делегируется достаточно большой спектр функций, главной из них является «познание действительности», именно оно позволяет «анализировать основной предмет повествования».

В свою очередь, Н. Т. Рымарь также предлагает достаточно широкое понимание сюжета и композиции, усматривая стойкую взаимосвязь между сюжетно-композиционной организацией произведения, разработкой образов и художественным пространством. Он пишет: «Так и возникает сюжет и композиция литературного произведения – из разработки образа в деятельности творческого субъекта по его развертыванию в пространстве произведения. Это – работа по углублению образа, развертыванию его внутренних противоречий, его отношений с миром» [7, с. 225].

Авторитетный литературовед в области сюжетологии – В. В. Кожин – предложил рассматривать сюжет как «определенный пласт произведения»: «...сюжет выступает как “всё” в произведении только лишь при определенном разрезе этого произведения» [5, с. 421].

В рамках концепции В. В. Кожина можно увидеть попытку осмыслить сюжет не с практической или функциональной точки зрения, а непосредственно в онтологической плоскости. Сюжет, по В. В. Кожину, может и должен соотноситься не с отдельными частями художественного произведения, а с художественным целым произведения во всей его онтологической полноте.

Понимание сюжета В. В. Кожинным имеет ярко выраженную онтологическую направленность. В определении, которое дает сюжету литературовед, явственно прослеживается стремление выявить сущностные характеристики сюжета.

Сюжет здесь предстает не как формальная последовательность событий, а как глубинное их смысловое единство. Это единство выводит сюжет на новый уровень, который сопряжен с идейным наполнением, творческим замыслом и в конечном итоге с авторской концепцией художественного произведения. Ученый утверждает «...сюжет – это не сочетание событий, а вся сложнейшая последовательность совершающихся в произведении действий и взаимодействий людей...» [5, с. 426].

В. Б. Шкловский не случайно отмечал: «В сюжет входят образующими моментами и анализ характеров, и описание природы, и мысли автора. Все это может быть и абстрагировано и описано отдельно в теории, но в самом произведении все это закономерно и неразрывно связано» [12, с. 102–103].

Сюжет в таком понимании оказывается непосредственно вовлечен в сферу авторского замысла. А авторская концепция при этом находит свое отражение в выборе жанра произведения. Таким образом, между сюжетом и жанром художественного произведения существует определенная связь, однако, чтобы конкретизировать эту взаимозависимость нужно говорить не о сюжете и жанре вообще, а о специфике сюжета произведений определенного жанра или жанровой разновидности. Ведь как отмечает Н. Т. Рымарь: «Жанровая структура как основа и регулятор творческого “поведения” художественного текста и художественного произведения сама по себе не существует и не может попасть на глаза ни читателю, ни исследователю. В этом смысле она сродни художественному методу как системе принципов, подходов к эстетическому освоению действительности. Жанровая структура всегда погружена в конкретику данного художественного текста и произведения» [7, с. 125].

Краткий обзор основных подходов к сюжетно-композиционной организации произведения дает нам возможность перейти непосредственно к особенностям сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа. Взаимосвязь сюжета и композиции настолько органична, что разграничить элементы этого художественного единства – даже в предельном абстрагировании – чрезвычайно трудно.

Сюжет представляет собой одну из важных, определяющих составляющих художественного мира литературного произведения, при этом он неразрывно связан с такой литературоведческой категорией как композиция литературного произведения. Сюжет и композиция неизбежно пересекаются, эти пересечения являются плодотворными: образуются разные сюжетно-композиционные конфигурации.

Литературовед И. Ратке называет следующие жанровые признаки интеллектуальной прозы: «отказ от традиционной миметичности; перенос конструктивно-организующей функции с сюжетно-фабульных конструкций на разветвленную систему мотивов и лейтмотивов; рационализация композиции как способа организации повествования; последовательная работа с чужим словом <...> демонстрация авторского присутствия в тексте, несущая дезиллюзионистскую функцию и подчеркивающая “сдельность” произведения» [6, с. 7–9].

В контексте заявленной проблематики особое внимание на себя обращает такая черта интеллектуальной прозы как «перенос конструктивно-организующей функции с сюжетно-фабульных конструкций на разветвленную систему мотивов и лейтмотивов». Здесь нам бы хотелось уточнить, что происходит не просто перенос функции, а в целом своеобразная «перестройка» сюжетно-фабульной организации, так как вместо одного сюжета мы имеем дело с двумя. И этот (условно второй) сюжет, как раз и реализуется на уровне мотивов и лейтмотивов, так как он более свободен в своих проявлениях, чем сюжет условно первый, традиционный.

Говоря о специфике интеллектуальной прозы, проявляющейся на всех уровнях художественного текста, нельзя обойти вниманием и совершенно особенные сюжетные построения, которые возникают в прозе такого типа.

Исследователь Н. Р. Скалон отмечает, что философская проза всегда «двусюжетна». Ученый доказывает, что «вторым сюжетом является сюжет мысли, который утверждается на наших глазах» [9, с. 5]. С нашей точки зрения, это утверждение полностью правомерно не только относительно философской, а также и относительно интеллектуальной прозы, и в частности интеллектуального романа. В нем необходимо присутствует второй сюжет, сюжет интеллектуальный.

Сложность этих взаимодействий обусловлена самой природой интеллектуального романа, который всегда является текстом с «двойным дном», этот тип романа всегда двусюжетен, так как классический сюжет здесь не единственный.

В таких произведениях всегда необходимо присутствует второй (по счету, но не по значению) сюжет – сюжет мысли. Смысловым ядром интеллектуального романа как раз и является сюжет мысли, при помощи которого осуществляется движение авторских идей, авторских концепций в пространстве единого художественного целого. Сюжет мысли в интеллектуальном романе выступает как своеобразный механизм смыслопорождения, непосредственно связанный с художественным преломлением действительности.

В современном литературоведении романы К. Вагинова традиционно причисляются к интеллектуальной прозе. «Едва ли не единственным примером продолжения традиции интеллектуального романа в литературе метрополии конца 20-х-начала 30-гг., на наш взгляд, является творчество К. Вагинова...» [6, с. 23] – отмечает уже упоминаемый нами исследователь русской интеллектуальной прозы И. Р. Ратке.

За последнее десятилетие творчество К. Вагинова неоднократно оказывалось в фокусе внимания литературоведов. Аспектами исследования становились образ города в творчестве писателя [3;10], проблема «вечного возвращения» [11], способы риторической индексации нарративной стратегии в романах К. Вагинова [4].

В интеллектуальном романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» достаточно отчетливо прослеживается «двусюжетность» на уровне сюжетно-композиционной организации. Традиционный сюжет в этом романе – история о жизни писателя Свистонова, который пишет роман. В процессе написания главный герой встречается с разными людьми, которых по его собственному определению «переводит в литературу», то есть делает героями своего романа. В данном случае эти герои – Куку, Психачев, Наденька, супруги Петя и Таня, Дерябкин – становятся одновременно «героями» двух романов: вначале романа Вагинова о Свистонове, а потом героями романа самого Свистонова.

Второй сюжет этого романа (идуший параллельно с первым, но в другой плоскости) отчетливо отражается в последней фразе романа: *«Таким образом, Свистонов целиком перешел в свое произведение»* [1, с. 268]. Здесь мы видим ситуацию достаточно нестандартную: писатель настолько поглощен своим романом, что просто «переходит» в него. Это последнее предложение произведения позволяет посмотреть на все описанное в романе под новым углом, в новом ракурсе. Исчезновение Свистонова из реального времени-пространства и переход его в художественное не покажется таким уж невероятным, если понять логику размышлений главного героя: *«Искусство – это извлечение людей из одного мира и вовлечение их в другую сферу. Литература более реальна, чем этот распадающийся ежеминутно мир»* [1, с. 194]. В результате, идея, доведенная до совершенства, до своего предела и приводит Свистонова к «переходу», то есть к своеобразному художественному «бессмертию». Ведь о своих героях писатель Свистонов говорит: *«Я потом перенесу их в другой мир, более реальный и долговечный, чем эта минутная жизнь. Они будут жить в нем, и, находясь уже в гробу, они еще только начнут переживать свой расцвет и изменяться до бесконечности»* [1, с. 194]. Автор романа Константин Вагинов, «переведя» героя в его же собственное произведение, по сути, дал ему (в логике самого Свистонова) литературную жизнь, точнее литературное бессмертие. Вот этот сюжет – процесс постепенного ментального перехода героя в свое произведение рассматривается нами в данном романе как второй сюжет романа, «сюжет мысли».

Таким образом, сюжетно-композиционная организация интеллектуального романа тоже видится нам усложненной, в некотором роде удвоенной. В данном исследовании была предпринята попытка анализа сюжетно-композиционных

особенностей интеллектуального романа. При этом анализ сюжетно-композиционной организации этого типа романа осуществлялся с учетом его жанровой специфики.

Специфика сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа непосредственно связана с особенностями его жанровой природы. Прежде всего, с двусюжетностью такого типа романов, приводящей к тому, что читательское восприятие по-разному функционирует в рамках каждого из двух сюжетов, что дает возможность многомерного прочтения интеллектуальных романов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. Стихотворения и поэмы / К. Вагинов – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
2. Гиршман М. М. Стиль литературного произведения // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 71–114.
3. Жаднова Е. Н. Петербургский текст К. Вагинова / Е. Н. Жаднова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 73–76.
4. Жиличева Г. А. Способы риторической индексации нарративной стратегии (на материале романов К. Вагинова и Б. Пастернака) / Г. А. Жиличева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 2 – С. 134–140.
5. Кожин В. В. Сюжет, фабула, композиция / В. В. Кожин // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М., 1964. – С. 408–485.
6. Ратке И. Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01. / И. Р. Ратке. – Волгоград, 2005. – 23 с.
7. Рымарь Н.Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В.П. Скобелев – Воронеж: Логос-Траст, 1994. – 264 с.
8. Сарнов Б. Что такое сюжет? / Б. Сарнов // Вопросы литературы – 1958. – № 1 – С. 90–114.
9. Скалон Н. Р. Вещь и слово: предметный мир в советской философской прозе / Н.Р. Скалон. – Алма-Ата : Гылым, 1991. – 93 с.
10. Чечнев Я. Д. Город-террариум Константина Вагинова: трансформация гения места Петербурга перед началом первой пятилетки / Я. Д. Чечнев // Вестник славянских культур. – 2017. – № 4. – С. 192–200.
11. Чечнев Я. Д. К постановке проблемы «Вечного возвращения» в творчестве Константина Вагинова / Я. Д. Чечнев // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2 (45). – С. 177–190
12. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков / В. Б. Шкловский – М.: Сов. Писатель, 1955. – 460 с.

Поступила в редакцию 27.06.2019 г.

PECULIARITIES OF PLOT AND COMPOSITION OF INTELLECTUAL NOVEL

S.A. Belokon

The article deals with the peculiarities of the plot-compositional organization of an intellectual novel. The focus is made on the problem of plot and composition interpretations in Modern literary criticism. A conclusion is made as to the specific “two plots structure” of an intellectual novel.

Key words: plot, plot-compositional organization, genre, intellectual novel.

Белоконь Светлана Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры истории литературы и теории словесности.
E-mail: clairsv@mail.ru

Belokon Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.
E-mail: clairsv@mail.ru

УДК 81'373.84(292.079):81'282.8

АРХАИЗМЫ В БАГАМСКОМ, БЕЛИЗСКОМ, ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ И ЯМАЙСКОМ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

© 2019. В.А. Дроздов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены архаизмы в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креольских языках Карибского бассейна. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить условия, при которых происходит архаизация слов и их выход из языка. В статье выявлены алломорфные и изоморфные признаки архаизмов в исследуемых креолях, приведены индикаторы архаизмов.

Ключевые слова: архаизмы, изменение значения, семантика, отсутствие семантического развития.

1. Введение. В данном исследовании на примере карибских креолей – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского и белизского на англоязычной основе рассматривается функционирование архаизмов. Заметим, что пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих... В определенных условиях развившийся расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [6, с. 8–9].

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам возникновения новых языковых общностей, и вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолей на англоязычной основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, белизским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические архаизмы тематической группы «Наименования частей тела» в ямайском, тринидадо-тобагском, багамском и белизском креольских языках; б) определены лингвистические признаки лексических архаизмов исследуемых креолей; в) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических архаизмов в исследуемых креолях.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере лексических архаизмов показать, какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения, а именно в англоязычных креолях Карибского бассейна, при каких условиях происходит архаизация слов и их выход из употребления.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) архаизмов в ямайском, тринидадо-тобагском, багамском и белизском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки архаизмов в ямайском, багамском, тринидадо-тобагском и белизском креолях; 3) выявить лингвистические индикаторы лексических архаизмов в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

К. Ажеж отмечает примечательное сходство креольских языков между собой [1, с. 41]. Публикации D. Deuber [17, с. 5–124] и D. Winford [24, с. 22–45] – последние публикации, в которых начато исследование проблемы стилистического варьирования в креольских языках Ямайки и Тринидада. Исследуя проблему меронимии, S. Lobner [21, с. 96–97] и J. Williams [23, с. 146] для обозначения понятия части используют термин партоним. В отечественной литературе проблема НЧТ на примере индоевропейских и урало-алтайских языков на синхроническом уровне была исследована в монографии О.В. Материнской [9]. В данном исследовании на примере карибских креолей – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского и белизского на англоязычной основе рассматриваются нерешенные ранее проблемы функционирования карибских архаизмов: НЧТ «Пальцы рук», слов *trust, much, gotten*, предпринимается попытка выявить дифференциаторы карибских архаизмов.

2. Архаизмы в карибских креолях на англоязычной основе.

2.1. Возникновение и вхождение в систему новых лексических единиц и устаревание и выход из нее отживших лексических единиц следует рассматривать как две стороны одного процесса развития лексики данного языка, как две диалектические тенденции, противоречивые, но взаимно связанные, дополняющие одна другую.

Архаизмы делятся на две группы: а) собственно архаизмы, или устаревшие слова, имеющие синонимы в современном языке как, например: *antic – bizzare, clown; belike – perhaps; assoil – to pardon* б) архаические формы существующих слов: *bide* вместо *abide*; *annoу* вместо *annoуance* [10, с. 104]. Собственно архаизмы подразделяются на слова, которые уже полностью устарели и поэтому подчас непонятны членам коллектива, говорящим на данном языке и такими архаизмами, которые находятся в стадии устаревания. Их значения понятны, однако, они уже почти не употребляются [2, с. 67].

Согласно словарю БОС (OED) *obsolete, a. (n.)* имеет значение: 1.1 That is no longer practised or used; fallen into disuse; of a discarded type or fashion; disused, out of date – ‘То, что больше не используется; вышло из употребления; отвергнутого типа или образца; неиспользуемое, устарелое’ [22, с. 665].

Обсолетизмы – слова, которые в современном английском языке совсем не употребляются. Если слово архаизуется или выходит из системы в целом, то мы имеем дело с полным архаизмом или полным обсолетизмом. Часто способность употребляться в речи утрачивает только один или несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова, и тогда такую лексическую единицу мы считаем частичным или семантическим архаизмом или обсолетизмом [7, с. 20–21].

2.2. В современном английском (БрА) языке существуют следующие наименования пальцев руки: 1) большой палец – *thumb, pollex (pollicis), digitus I*; 2) указательный палец – *index finger, forefinger, second finger, digitus II*; 3) средний палец – *middle finger, third finger, digitus medius, digitus III*; 4) безымянный палец – *ring finger, fourth finger, digitus anularis, digitus IV*; 5) мизинец – *little finger, fifth finger, digitus minimus, digitus V*. [8, с. 61].

Ямайский креоль занимает особое положение по сравнению с другими креолями Карибского бассейна на англоязычной основе. Специфика его заключается в том, что группа НЧТ «Пальцы рук» представлена в данном креоле архаичными лексемами, которые по данным словаря COED были в употреблении в среднеанглийский период, вышли из употребления в нем, но прижились в ямайском креоле. Для наименования ‘большого пальца руки’ в ямайском креоле используется следующий вариантный ряд: *tutpy* – описательное название, данное большому пальцу по его характерной черте – он короче, чем другие пальцы. Ср. БрА *stumpy (finger)* – ‘короткий и толстый’ (о пальцах).

Другие аллонимы НЧТ ‘большой палец (руки)’ в ямайском креоле – следующие: 1. *big tumpy*; 2. *big tum*; 3. *man /tomp/*; 4. *big tom*; 5. *man*; 6. *big finger*. *Tumpy sb dial*; ‘большой палец’ – шутливое наименование (a nickname) большого пальца в ямайском креоле. Ср.: *big finger, big tumpy*. Например: 1955 FGC *Man /tomp/*, *big finger* ‘большой палец руки’ [18, с. 453]; *big tumpy, big tum sb dial*; *big + thumb /tom/*. 1956 Mc StAnd */big tumpy/* ‘большой палец руки’ [18, с. 42].

Big finger ‘большой палец руки’. Название по аналогии с *big-toe* ‘большой палец ноги’ или в противопоставление с *little finger* ‘мизинец’. cf *big tumpy* (перевод наш). Например: 1943 GLTre, *big finger, the thumb*. 1950 Pioneer 46, *Tom stop suck him big finga*. 1952 FGC *Man /big finga/*. 1956 Mc Man StAnd */big finga/* [18, с.41].

В ямайском креоле используются следующие НЧТ «пальцы руки».

Lickpot sb dial; ‘указательный палец’ OED, *Lickpot (obs.)*. 1. a name for the first finger; НЧТ ‘указательный палец’ → с 1475. The forefinger ‘указательный палец’. Примеры: 1943 GL StT, *Lickpot, the first finger* ‘указательный палец’. 1956 McMan StAnd, *Lickpot, the forefinger* ‘указательный палец’, the others being */longman/* – ‘средний палец’, *ringman* ‘безымянный палец’, *likl-man* ‘мизинец’, *big-tom* ‘большой палец’ [18, с. 274].

Из приведенного ямайского примера 1956 года, следует, что другие НЧТ «пальцы руки» в ямайском креоле – следующие: */longman/* – ‘средний палец’, *ringman* ‘безымянный палец’, *likl-man* ‘мизинец’, *big-tom* ‘большой палец’ [18, Ibid.].

Архаизм *lickpot* ‘указательный палец’ в ямайском креоле представляет собой метафору. При дословном переводе: *lickpot* – это ‘палец, который очищает (словно лизанием) горшок (для еды)’. Ср в латинском языке одно из наименований указательного пальца – (*digitus*) *gustator* [3, с. 327], что в дословном переводе означает: ‘отведыватель, т.е. указательный палец’ [3, с. 464] и представляет собой метафору, построенную на том же основании, что и в средневековом английском языке, и в ямайском креоле: использование указательного пальца, чтобы ‘отведать; попробовать съесть или выпить немного’ [11, с. 465].

НЧТ «пальцы руки», совпадающие с ямайскими наименованиями «пальцев руки», приведены в британском словаре COED с пометой ‘архаичное’. Следовательно, ямайцизмы, лексические единицы со значением НЧТ «пальцы руки» были заимствованы в ямайский креоль из английского языка среднеанглийского периода. Примеры употребления лексемы *lickpot* ‘указательный палец’ в словаре COED относятся к периоду 1387–1475 годов XIV–XV веков. Другие лексемы данной ТГ употреблялись в среднеанглийский и в начале новоанглийского периода в БрА. Сегодня в XXI веке это полные архаизмы в БрА. В скобках указаны даты, когда рассматриваемые лексические единицы активно употреблялись в БрА согласно словарю COED: *lickpot* (1387–1475), *ringman* (1483–1879), *longman* (1879), *little man* (1390–1888).

Архаичные НЧТ «пальцы руки» в ямайском креоле. Согласно COED: НЧТ *lickpot, ringman, longman, little man* употреблялись в БрА в качестве архаизмов в английском языке XIV–XV веков (они отсутствуют в американских словарях [25] и [14]).

В Большом оксфордском словаре (COED), отражающем особенности британского варианта английского языка на протяжении всей его истории, приведена следующая информация в связи с НЧТ «Пальцы руки»:

COED *lickpot* ‘указательный палец’. *Obs* [lick v + pot sb]. 1. A name for the first finger ‘указательный палец’. Например: 1387 Trevisa *Higden* (Rolls) vii,73 *Whiche finger som men clepeth lickpot that is the finger next the thombe*. c. 1440 *Prompt Parv* 305/1 *Lykpot*

fyngyr, index. c. 1475 Pict Voc. in Wr.-Wulcker 752/36 Hic index ‘указательный палец’ *A likpot* [13, с. 968/898].

COED *ringman* ‘безымянный палец’. Obs. 1. The index finger. Obs. exc. dial. Например: 1483 *Cath.Ang.*309/1 The *rynge-man fyngyr, anularis medicus* ‘безымянный палец’. 1545 *Ascham. Toxoph.* (Arb.) 109 *Whane a man shooteth, the mighte of his shoote lyethe on the foremooste finger, and on the Ringman.* 1879 Dickinson *Cumberld Gloss. Suppl. Fingers, the nursery names for these are: humpkin, lickpot, langman, ringman* [13, с. 1596/962].

COED *longman* ‘средний палец’. Obs. Например: 1879 Dickinson *Cumberld Gloss. Suppl. Fingers, the nursery names for these are: humpkin, lickpot, langman, ringman* [13, с. 1596/962].

COED *little man* ‘мизинец’. 1. The little finger. Obs. exc. dial. Например: с. 1390 *S.Eng L.1* 308/310 *the devil wolde fayne henten heom bi the polle with ‘luttle man’, is leste finguer.* с.1475 *Pict Voc. in Wr.-Wulcker 753/3 Hic auricularis, the lythylman.* 1888 *In Sheff. Gloss.* [13, с. 985/1044].

В заключение, опираясь на данные ямайского креоля, приведем рабочее определение лексического архаизма ямайского креольского языка. Лексические архаизмы ямайского креоля – это единицы лексического уровня, которые являясь диалектизмами или архаизмами в БрА или АМА, вышли или выходят из употребления в британском или американском вариантах английского языка, но принадлежат системе ямайского креоля и функционируют в акролекте, мезолекте или базилекте ямайского креольского языка.

2.3. Представляется целесообразным рассмотреть лексему *trust* в багамском креоле, в которой реализуются архаичные значения и которая является составной частью тематической группы (далее ТГ) «Предоставление услуг».

Trust [Atlantic; cf. OED, to supply (goods) to a person on credit (*obs*). Scots, to buy on credit CSD] v. 1. To provide goods on credit: ‘Продавать кому-либо товары в кредит’. Например: *You could trust me these jeans until tomorrow?* [i. e. I’ll come back to the store to pay for them] (Exuma). <Gen.> .

2. To obtain goods on credit: ‘получать товары в кредит’. Например: 1936 *Uncle Kiah buy heself a bran’ noo secon’ han’ hat from Missa Wish an’ trus’ wan heavy coat* (Dupuch 7). <Gen.> [15, с. 212].

Trust vb tr (Car – общекарибское) [IF] [Of a shopkeeper] ‘To sell goods to sb on credit’ ‘Продавать кому-либо товары в кредит’. Например: *The old businessman had to trust the porkknocker when he gave him three months rations not knowing whether he will ever strike it rich – or return.* – Ср SE to trust a (customer) for (goods given) [Ср EDD *trust* 2.’to buy on credit or ‘trust’ + cits from Lnk, Oxf, Cor] [12, с. 568].

Наличие этого значения в британских диалектах является доказательством того, что хронологически более оправдано рассматривать значение *trust* ‘продавать кому-либо товары в кредит’ в багамском креоле как более позднее, которое развилось под влиянием ланкаширского, оксфордширского и корнуольского диалектов Великобритании.

Добавочным аргументом в пользу архаичности рассматриваемого значения является его наличие в компактном издании «Большого Оксфордского словаря» [COED]. *Trust* v. 7. a. ‘To give (a person) credit for goods supplied; to supply with goods on credit’ (*obs*); ‘to supply goods to a person on credit’ (*obs*) ‘предоставлять товары в кредит’ (*уст*). Рассмотрим некоторые показательные примеры.

1530. Palsgr. 763/2 *I truste a dettoure. No man will trust me, except I have ready money.*
1687. Petty Pol. Arith. (1690) 113 *Any tradesman of good reputation will be trusted with above 1000L worth of Commodities* [13, с. 2122/625].

Следует заметить, что не наблюдается семантического развития значения между исходной лексемой БрА *trust* ‘to supply with goods on credit’ (obs.); ‘to supply goods to a person on credit’ (obs) ‘предоставлять товары в кредит’ (уст.) и производным значением данной лексемы в багамском креоле ‘to sell goods to sb on credit’ ‘продавать кому-либо товары в кредит’ (уст.). Таким образом, рассматриваемое значение лексемы *trust* в багамском креоле является архаизмом.

2.4. Архаизмы ТГ «Слова со значением «много» имеют общие черты в тринидадо-тобагском, ямайском, белизском и багамском креолях. В качестве примера рассмотрим архаизм *much*. Использование *much* перед исчисляемыми существительными во множественном числе (вместо *many*) характерно для авторизованного перевода Библии (AVB) 1611 года, выполненного при короле Якове, например: ‘1535 Deut. Xxviii.38 *Thou shalt carry out moche sede into ye felde, and shalt gather but little in as it is this day, to save much people*’, ‘*and much people of the city was with her*’. ‘*Him That much horses they might give*’ [20, с. 678].

Использование слова *much* перед исчисляемыми существительными было характерно для предыдущих периодов истории английского языка. В «Большом оксфордском словаре» [OED] первое использование *much* перед исчисляемыми существительными датируется 1205 годом, а последнее использование в американском варианте английского языка – 1952 годом. Приведем некоторые показательные примеры из «Большого оксфордского словаря» [OED].

OED с 1205 Lay. 23204 *Muche moncum* [с 1275 *moche folk*] *he þer of-sloh.* 1470–85 Malory Arthur i. i. 36 *There was ·moche peple slayne.* с 1425 Hampole's Psalter Metr. Pref. 15 *Mych vertu he may him wynne.* 1710 Swift Jrnl. to Stella 10 Oct., *Mr. Harley ·presented me to the Attorney-General, Sir Simon Harcourt, with much compliment on all sides, etc.* *Much* 2 a. b. 1390. Gower Conf. 1.49 *So schal I much thing forget. d.* Now chiefly US dialectal. 1660. Gauden Browning 238 *All these died in the fore sight and fear of much future miseries impending over us.* 1889 Kansas City (Missouri) Times & Star 13 Dec., *For the latter's fall-down, much thanks.* 1952 E. O'Neill Moon for Misbegotten i. 17 *You didn't get much thanks from Mike, I'll wager, for your help* [22, с. 44].

Использования лексемы *much* являются характерными для многих карибских креолей. *Much* adv (Car) [AF] [перед существительными во мн. числе, особенно после *how, so, too*] *many* ‘много’ а. *She didn't get much customers the night before* – PCOS: 29; b. *I said ‘how much children do you have’ and he said one.* – Na; c. *He prolonged his suffering, appealing so much times and failing* [12, с. 393].

В тринидадо-тобагском креоле отмечены следующие случаи использования *much*. *Much* adv *much; many; sometimes with a/ah/of.* Например: *Tombo! it was gran! So much ah muzick, and ah lot ah electrick lites.* (PC 8 Oct 1904). *How much apples did you buy?* (ESTT 1956). ‘*How much batteries you want?*’ ‘*Bring three. That is all.*’ (Lovelace 1968:169). *How much pounds he have? How much miles it is? Look at how much women take all kind of dotishness from all kind ah man, and never say a word.* (Doh Say Dat, TG 27 Oct 1991 : 16) [19, с. 617].

В багамском креоле *much* [cf. Atlantic *how much how many*; cf OED *much* is used with a plural noun taken collectively *obs.* However the origin of this usage lies in the general breakdown of European number distinctions in creole languages. ‘В словаре OED слово *much* употребляется с именами существительными воспринимаемых как коллективное

множественное. Однако, происхождение данного употребления объясняется общим распадом различения категории числа в креольских языках']. В багамском креоле представляют интерес следующие примеры *much*: *I never seen so much people out so late* (Nassau). *So much unwanted children* (COB). *How much years?* (Nassau). [15, с.137].

В багамском креоле употребляется прилагательное *many* в качестве гиперкорректной формы вместо *much*. Например: *I have so many money, I don't know what to do with it* [15, с. 131].

В белизском креоле слово *moch* употребляется в функции имени прилагательного перед неисчисляемыми существительными, например: *Ah no ga moch moni bot at lees Ah chrai luk gud* [16, с. 233] 'денег у меня не много, но я, по крайней мере, пытаюсь хорошо выглядеть'.

В белизском креоле с исчисляемыми существительными употребляются наречия *plenti, lat, nof*. Например: *Ih teeoh wi plenty moa ting bifo wi gaahn hoahn*. 'Он научил нас гораздо большему (количеству дел) до того, как мы пошли домой'. Пример употребления прилагательного *nof* (вариантная форма *inof*) в значении *plenty*: *Da man ga nof moni ah ih stil geechi* [16, с. 269]; 'У того человека много денег, а он все еще жадный'. Приводим пример употребления прилагательного *lat* в белизском креоле: *Whan lat a hareenj mi lef pahn di grong* [16, с. 210]; 'много апельсинов осталось на земле'.

В ямайском креоле слово *much* употребляется в следующих значениях. *Much* adj dial. 1. Many – esp after *how, so*. 1956 Mc Man /ai riili duon nuo hou moch mailz/; StE /hou moch yu kyach sins maanin/. 1957 JN StAnd, *So much children don't come to dat school like dis one*. 2. In phr. *How much* = what number. Например: 1956 Mc StE /ho moch chapter/ which (what number) chapter? [18, с. 310].

С точки зрения хронологии употребления слова *much* перед исчисляемыми существительными во множественном числе в карибских креолях на англоязычной основе являются архаичными, поскольку в качестве архаизмов такие употребления слова *much* были характерны для БрА в предшествующий период истории английского языка, до появления англоязычной Вест-Индии.

Таким образом, в вышеприведенных примерах МКвА слово *much* вступает в синтагматические связи с исчисляемыми существительными во множественном числе: *much customers, much children, so much times*. Можно сделать предположение, что употребление слова *much* вместо *many*, вероятно, объясняется характерной чертой креольских языков Карибского бассейна, связанной с экономным выбором слова, особенно в ситуации, когда этот выбор не влияет на содержание высказывания.

2.5. Следующим архаизмом в карибских креолях и, в частности, в багамском креоле на англоязычной основе является использование причастия прошедшего времени *gotten* вместо вариантной формы *got* в структурах, включающих таксисные (перфектные) формы. Носители карибских креолей, имеющие хорошее образование, используют вместо вариантной *have got*, американскую таксисную форму *have gotten*, и она все чаще встречается в письменной речи. *Gotten* (БагаСг: багамский креоль) vb ра. part. Например: *If the Draytons had ever gotten a fair break, spouge would have been more popular* [12, с. 264]. 'Если бы Дрейтонам удалось получить хорошую интерпретацию, танец спудж пользовался бы большим успехом'.

Ранее нами были проведены исследования словоформы *have gotten* на материале британского и американского вариантов английского языка [5; 4, с. 11–13].

На протяжении диалектального периода английского языка в североамериканских колониях в XVII–XVIII веках и в британском английском словоформа *gotten*

используется в четырех синтаксических функциях и четырнадцати акциональных значениях. При окончательной кодификации литературной нормы БрА к середине XVIII века форма *have gotten* полностью выходит из употребления в БрА, где ее замещает конкурирующая форма *have got*. В АМА XIX–XXI веков форма *have gotten*, выступая в роли архаизма, используется в восьми акциональных значениях. Имеет место архаизация данной акциональной формы в АМА. Процесс, который привел к снятию всех акциональных значений из семантической структуры данного причастия II в БрА середины XVIII века, повлек за собой снятие многих акциональных значений из семантической структуры причастия II *have gotten* в АМА XIX–XXI веков.

В этот период существования американского варианта английского языка, т.е. в АМА XIX–XXI веков у архаичной формы *have gotten* вырабатывается ряд благоприятных синтаксических контекстов для реализации своих акциональных значений. Если в английском языке Америки колониального периода формы *have gotten* и *have got* находились в свободном распределении, то в АМА XX–XXI веков у архаичной формы *have gotten* и ее варианта *have got* вырабатываются отношения дополнительной дистрибуции. В предложениях с прямым и косвенным дополнением типа *I have gotten Peter a toy* ‘я преобрел Питеру игрушку’ возможен трансформ *I have gotten a toy for Peter*. Но в этих предложениях в БрА XIX–XXI веков замена форм *have gotten* на форму *have got* невозможна так, как она приведет к появлению неграмматичных предложений в БрА. Дело в том, что вариант *have got* является одноактантным глаголом, допускает одно дополнение и имеет значение равное глаголу *have* «есть, имеется».

Наличие лексико-семантических и синтаксических ограничений на употребление формы *have gotten* в АМА XIX–XXI веков указывает на сужение сферы функционирования данной словоформы в ее глагольных употреблениях по сравнению с английским языком Америки диалектального периода XVII века и ее архаизацию. В АМА XIX–XXI веков процесс вытеснения словоформы *have gotten* формой *have got* также имеет место. Однако в АЕ XXI века данный процесс не завершен, он не прошел весь цикл, который характерен для БрА середины XVIII века в отношении данной акциональной словоформы. В АМА XXI века он достиг как бы полпути: между рассматриваемыми словоформами вырабатываются отношения дополнительной дистрибуции, что ведет к специализации их употреблений [4, с. 11–13].

Итак, словоформа *gotten* в ее акциональных употреблениях архаизовалась в БрА к середине XVIII века и полностью вышла из употребления в перфектных формах, но продолжает функционировать в качестве архаизма в АМА XIX–XXI веков. В других карибских креолях на англоязычной основе и в белизском креоле, в частности, форма *have gotten*, заимствованная из АМА, также имеет статус архаизма, но ею реализуется одно глагольное значение ‘преобретать’.

3. Заключение.

3.1. Анализ словарных дефиниций толковых словарей карибских креольских языков и словарей национальных вариантов английского языка позволил выявить следующие индикаторы архаизмов карибских креолей: а) сужение семантического объема производных лексем карибских креолей на англоязычной основе по сравнению с исходными американскими, британскими, испанскими и др. лексемами (*gotten*); б) наличие синонимов у архаизмов исследуемых карибских креолей; в) отсутствие отношений семантической деривации и семантического развития между исходным ЛСВ-архаизмом и производным креольским ЛСВ (*gotten, trust, much*, НЧТ «Пальцы рук»). Выявленные индикаторы архаизмов карибских креолей являются общими, интегральными признаками и образуют зону изоморфных черт карибских креолей.

3.2. К сфере изоморфизма исследуемых карибских креолов на англоязычной основе относится использование слова *tush* перед исчисляемым существительным. Употребление слова *tush* вместо *manu*, вероятно, объясняется характерной чертой исследуемых карибских креолов на англоязычной основе, связанной с экономным выбором слова, особенно в ситуации, когда этот выбор не влияет на содержание высказывания.

3.3. Сферу алломорфизма образуют НЧТ «пальцы рук» в ямайском креоле. Ни в одном другом из четырех исследуемых креолов данные НЧТ не повторяются.

Перспективным представляется дальнейшее исследование лексических явлений, расположенных на оси времени: архаизмов, историзмов, инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки; [пер. с фр.] / Клод Ажеж. / Пер. с фр. Б.П. Нарумова. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: ИЛИЯ, 1958.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – Около 50 000 слов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Рус. язык, 1976. – 1096 с.
4. Дроздов В.А. Дифференциация морфологических признаков американского и британского английского (диахронический анализ). – Автореф. канд. дис.: специальность «германские языки» 10.02.04. / В.А. Дроздов. – К., 1992. – 19 с.
5. Дроздов В.А. Об одном расхождении в морфологии американского и британского вариантов английского языка / В.А. Дроздов // Сопоставительное изучение лексики и грамматики германских, романских и славянских языков: Сб. науч. трудов / Ред. кол.: Калиущенко В.Д. / отв. ред. / и др. — Киев: УМК ВО, 1989. – С. 151–167.
6. Дьячков М.В. Креольские языки / М.В. Дьячков. – Москва: Наука, 1987. – 106 с.
7. Жлуктенко Ю.О. Процеси архазації англійської мови // наук. зб. «Іноземна філологія». – Вип. 79. – 1985. – С. 20–24.
8. Зубкова О.Т. Англо-русский тематический иллюстрированный энциклопедический словарь: [Словарь энциклопедический] / О.Т. Зубкова, В.Л. Иолтуховский, С.М. Крысенко, Н.Н. Лоточук. – Харьков: Весть, 1998. – 784 с.
9. Материнська О.В. Типологія найменувань частин тіла: Монографія (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т.5) / О.В. Материнська. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – 295 с.
10. Мороховский А.Н. Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Киев: Выща школа, 1991. – 271 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
12. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage / ed. by R. Allsopp. With a French and Spanish Supplement ed. by Jeanette Allsopp / OUP, 1996. – 697 p.
13. COED, Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press Inc. – N.Y., Second edition, 1993. – 2572 p.
14. DAENP. Mathews M. A Dictionary of Americanisms on historical principles / M. Mathews. – The University of Chicago press. – Chicago, 1951. – 1946 p.
15. DBahaE. Dictionary of Bahamian English / John A. Holm, Allison W. Shilling. – Lexik House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
16. DBelizE. Herrera Y. Kriol-English dikshineri, English-Kriol Dictionary / Y. Herrera, M. Manzanares, S. Woods, C. Crosbie, K. Decker. – Belize Kriol Project. – Belmopan, Belize, 2009. – 465 p.
17. Deuber, D. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad / Deuber Dagmar. – Cambridge University Press, United Kingdom. – Clays, St Ives, 2018. – 239 p.
18. DJE. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. – Cambridge At the University Press, 1967. – 489 p.
19. DTr&TCr, Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. – Ed. by Lise Winer. – McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1039 p.
20. Holy Bible containing the Old and New Testaments. Commonly known as the Authorized (King James) Version. – Copyright 1978 by National Publishing Co. – The Gideons International. – Nashville, Tennessee, 1988 edition. – 1291 p.

21. Lobner S. Understanding symantics: co-published. – OUP: London. – New York, 2018. – 260 p.
22. OED. Oxford English Dictionary. Prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Rand McNelly & Co. – N.Y., Second edition. – Vol. X, 1989. – 1143 p.
23. Williams J. The lesser known varieties of English: an Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 234 p.
24. Winford, D. Re-examining Caribbean English Creole Continua / D. Winford, R. Bolton, B. Kachru // World Englishes. Critical concepts in linguistics. – London; New York: Routledge, 2017. – Vol.2. – P. 22-45.
25. WTNID. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Editor-in-chief Philip B. Gove PhD and the Merriam-Webster Editorial Staff. – Konemann. Konemann Verlagsgesellschaft MBH. – Printed in Germany. – Cologne, 1993. – 2662 p.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

**ARCHAISMS IN THE ENGLISH-BASED BAHAMIAN, BELIZIAN,
TRINIDADO-TOBAGONIAN AND JAMAICAN CREOLES**

V.A. Drozdov

The study considers archaisms in the English-based Bahamian, Belizian, Trinidado-Tobagonian, and Jamaican creoles. The aim of the investigation is to reveal conditions providing archaization of words and their leaving the language system. The article gives allomorphic and isomorphic features of archaisms in the creoles under investigation and provides their linguistic indicators.

Key words: archaisms, change of meaning, semantics, absence of semantic development.

Дроздов Владимир Александрович.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры теории и практики перевода.

E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

Drozdov Vladimir Alexandrovich.

Candidate of Philological Sciences, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the department of theory and practice of translation.

E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

УДК 81'373.2:82–311.9

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ-ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В. ЗАБИРКО «ВАРИАНТ ПАТА»)

© 2019. *Н. Е. Касьяненко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на материале повести-предостережения «Вариант Пата» донецкого фантаста В. Забирко рассматриваются когнитивные особенности собственных имен. Предметом внимания являются ключевые онимы-концепты, выявляется их содержание, рассматриваются основные вербальные реализации и их синтагматические связи. Устанавливается роль ассоциативных и структурно-словообразовательных особенностей собственных имен в выражении концептуально значимой для воплощения авторской идеи информации.

Ключевые слова: оним, когнитивный аспект, научная фантастика, В. Забирко

Традиционный взгляд на природу имени собственного предполагает, что онимы являются наименованиями целого класса объектов, выполняющими «функцию знака-различителя, знака-опознавателя» и вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, представляют собой «ущербные» знаки с учетом особенностей их семантики [16, с. 94]. Лингвисты отмечают высокую энциклопедичность собственного имени, акцентируя их тесную связь с объектом, повышенную экстралингвистичность, способность индивидуализировать объект, подчеркивая его неповторимость.

Энциклопедическая информация, которой обладают онимы, безусловно, отражает результат познавательной деятельности носителей языка, следствие накопленного ими опыта. Знание о собственных именах воплощает особенности освоения человеком окружающего мира, демонстрирует психологические механизмы его восприятия и закрепления в языке в виде определенных сущностей. Именно это позволяет сочетать речевой аспект рассмотрения онимов с когнитивным. Исследователи отмечают, что когнитивная концепция имени собственного была сформирована уже с конца 90-х годов XX века, когда «были выведены когнитивные признаки имени собственного, позволяющие носителям языка идентифицировать оним среди других единиц» [3, с. 29], и имя собственное стало рассматриваться как концепт сознания носителя языка. С этого времени когнитивное направление стало активно развиваться в рамках ономастической науки, что способствовало выделению особой области ономастического знания – когнитивной ономастики.

Проблематика когнитивной ономастики достаточно полно нашла освещение в монографии Е. Ю. Карпенко [7]. В последнее десятилетие появилось много научных публикаций, так или иначе затрагивающих когнитивный аспект функционирования собственных имен (См., например, [10], [12], [15]).

Вместе с тем, следует отметить, что в языке произведений фантастики когнитивные особенности собственных имен все еще продолжают оставаться достаточно неопределенными. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что совокупность онимов, функционирующих в произведениях названного жанра, гораздо разнообразнее (а часто и необычнее) тех собственных имен, которые мы наблюдаем в реальном именнике, поскольку среди них немало онимов, созданных творческим воображением авторов. В связи с этим можно признать справедливым замечание

С.Е. Любимовой в отношении того, что «фантастика пользуется всеми многочисленными возможностями поэтонимов, так как она не подвергается действию каких-либо ограничителей. По этой же причине научно-фантастические произведения очень отличаются друг от друга, в том числе и набором используемых имен собственных» [7, с. 228]. Кроме того, вполне очевидным является тот факт, что ономастикон фантастических произведений участвует в создании ирреального мира, что, конечно, требует особых средств и приемов их конструирования и/или воплощения. При этом для читателей или исследователей художественного текста неизбежно возникает необходимость «расшифровки» СИ, проникновения в его сущность, способствующих правильному прочтению фантастического произведения в целом, выявлению нужного объема значимой информации.

Учитывая все вышесказанное, попытаемся в настоящей статье выявить когнитивные особенности имени собственного, являющегося неотъемлемой частью языка фантастического произведения.

В качестве материала исследования избраны собственные имена повести донецкого фантаста В. Забирко «Вариант Пата» [6]. В. С. Забирко – автор многих фантастических рассказов и повестей. Ему принадлежат несколько романов, за один из которых – «Антропогенный фактор» – автор получил престижную международную премию «Бронзовый Икар» (2006) в номинации лучший научно-фантастический роман года. В. Забирко стал лауреатом и другой международной премии «Лунная радуга» (2013) за вклад в развитие фантастики.

Повесть-предостережение «Вариант Пата», созданная в жанре научной фантастики, – одно из первых произведений писателя – была написана в 1984 г., а опубликована – в 1991 г. Первоначальное ее название «Вариант». В свое время она номинировалась на премию «Бронзовая улитка–1992».

Представляется в связи с этим необходимым затронуть вопрос о том, что предполагает когнитивный аспект исследования языковой единицы вообще и собственного имени в частности. Известно, что одной из базовых единиц когнитивной лингвистики является концепт, представляющий собой единицу ментальности, обладающую инвариантными свойствами, аккумулирующую сумму знаний об объекте. В связи с этим следует обратить внимание на то, что различные исследователи подчеркивают информативность концепта как ведущую его особенность. М.В. Пименова отмечает, что «в них [концептах. – Н. К.] заключается информация о мире» [11, с. 9], Е. А. Селиванова и О. Н. Буянова называют концепт единицей, содержащей «систему знаний о свойствах объекта» [13, с. 256], [1, с. 11]. С. Г. Воркачев указывает на то, что концепт включает в себя «всю коммуникативно значимую информацию» [2, с. 66]. Статусом концепта, как считает ведущий лингвист в области когнитивной ономастики, Е. Ю. Карпенко, в той или иной степени обладают и собственные имена. Они являются «весомым фактором» «в вопросах когнитивной обработки и переработки информации» [7, с. 37]. Исследовательница убеждена в том, что, входя в ментальный лексикон носителя языка, собственные имена «осуществляют это как концепты» [там же, с. 46]. Концепты же объективируются в языке благодаря семантике языковых единиц. Именно исследование семантики дает возможность выявить содержание концепта. Процесс когниции предполагает, прежде всего, овладение знаниями, осмысление действительности. И в нем значительная роль отводится собственным именам.

Онимы, являющиеся компонентами фантастических произведений, занимают в системе собственных имен особое место. Созданные творческой фантазией автора,

прежде чем попасть в «архив» памяти человека, откуда они могут быть извлечены в процессе художественной коммуникации, эти единицы приобретают статус концепта не без влияния концептов, уже присутствующих там. При этом речь, прежде всего, идет о ментальном лексиконе читателя, воспринимающего художественное произведение. Что же касается автора, то для него даже искусственные СИ уже «живут» в произведении как концепты. Не случайно Е. Ю. Карпенко по поводу этого замечает: «Для писателя, который написал определенное произведение, все употребленные в этом произведении онимы являются концептами, а для реципиента, для читателя – не все, а только те, которые он запомнил, которые так или иначе запали ему в душу» [7, с. 51]. Рассмотрим это на примере повести В. Забирко, в которой попытаемся определить концептуально значимые собственные имена.

Повесть носит название «Вариант Пата». Уже в заглавии использовано СИ *Пат*, явно отсутствующее в реальном именнике и являющееся **ключевым**. Учитывая заглавную позицию данного онима, вспомним, что наименование произведения в свернутом виде воплощает суть последующего за ним текста, часто содержит «намек» на дальнейшее развитие событий, иначе говоря «проводит начальную презентацию художественного произведения, совмещая эту функцию с прагматической и прогнозирующей», «создает узнаваемость и самостоятельность любого авторского творения в контексте литературного творчества эпохи» [5, с. 122].

Когнитивную основу любого концепта, и концепта-онима в том числе, составляет первичное его осмысление, требующее пространственно-образного мышления. Концепт-СИ *Пат* в этом смысле не является исключением: оно сразу же подключает работу сознания носителя языка, «оживляя» соответствующие ассоциативные связи и расширяя за счет подспудного содержания смысл данного компонента – имени собственного. На первый взгляд, заглавное собственное имя является малоинформативным. Объектная соотнесенность онима, как и мотив имянаречения, важный для понимания идейного смысла повести, на данном этапе остаются не выявленными. Поэтому отправным моментом в восприятии названия становится положенный в его основу уже известный апеллатив – *пат* – который означает ничью в шахматной игре. Однако речь идет не просто о ничьей, а об определенном (одном из возможных) раскладе на шахматной доске, когда король попадает в безвыходное положение. Оним *Пат* воплощает здесь ту часть значения, которая связана с мотивирующим апеллативом. В сочетании же с лексемой *вариант* названный апеллатив называет ничью, одну из возможных, «созданную» определенной, конкретной расстановкой сил в процессе игры. Это та первичная информация, которая оказывается, пользуясь терминологией И.Р. Гальперина, *содержательно-концептуальной* [4, с. 28]. Следует заметить, что этот концептуально значимый момент, который в неясном виде присутствует в заглавном собственном имени (СИ), в дальнейшем получает развитие и выводится семантически из всего текста. Иначе говоря, первичный образ постепенно «напитывается» новыми смыслами, трансформируясь в понятие и увеличивая свой объем, что создает многослойную структуру концепта.

Далее, уже с первой строки повести «Холодная ночь опустилась на холмы славного города *Пата*», становится понятным, что СИ *Пат* является вымышленным топонимом.

Изначально содержание концепта-онима *Пат* включает элементы смысла, которые характеризуют топонимический объект как процветающий, могущественный, богатый, древний, со своими традициями. Автор, например, упоминает вымышленный

урбаноним *Карпаторийская улица*, названного «в честь одного из древнейших родов» [6]. Прошлые «заслуги» города и его главенствующий статус подчеркиваются сквозным повтором *славный город Пат, Великий Пат, слава Патскому оружию* и пр. Однако все это в прошлом, как следует из дальнейшего повествования. К концу произведения читатель видит другой Пат – город, в котором явственно проступают черты упадка. И оним-концепт *Пат* приобретает ряд иных сем ‘город интриг и политических распрей’ (будущие коммуникаторы должны быть готовы «*окунуться в зловонную клоаку откровенной лести, требующей беззащитного покровительства, наглого подкупа, шантажа*»); ‘город, в котором бунтуют рабы’ («*участились случаи восстания черни*»); ‘место разгула’ («*воистину, пир во время чумы!*»); ‘место голода и эпидемий’ («*детская смертность в стране выросла почти на порядок*»); ‘город социальных контрастов’ («*идея всеобщего равенства для Пата в настоящий момент абсурдна*») и др.

Название повести, обнажающее этимон СИ, действительно, определяет дальнейшее развитие сюжета и, в конечном итоге, – ее идею: вымышленный инопланетный мир, «устроенный» «прогрессорами» по модели древнего Рима, оказывается несостоятельным, и «*славный город Пат*» терпит крах. Не случайно в итоге один из наблюдателей, участников Проекта по контакту с внеземными цивилизациями, Гомеш, замечает: «*Пользуясь шахматной терминологией, можно сказать, что в Пате мы получили пат*» [6, с. 25]. Самому же Гелюцию Крону является откровение, что все «*начинания будут загнаны в пат...*» [6, с. 26].

Любое знание, как известно, основано на том опыте, которым обладает носитель языка, что особенно актуально для фантастического произведения. В связи с этим уместно привести высказывание В.А. Масловой, которая полагает, что без «базовых универсальных категорий человеческого сознания человек не может мыслить о мире и сформировать определенную модель мира, создать некий его образ» [9, с. 36]. Мы уже знаем, что такой универсальной категорией человеческого сознания является концепт. В процессе конструирования фантастического мира автор, безусловно, кладет в основу категории мира реального. В этом смысле в реализации содержания ключевого концепта-онима *Пат* имеет значение набор СИ-концептов, характерных для носителя языка реального мира. И здесь, конечно, следует назвать концепт *Рим*, играющий роль своеобразной матрицы в восприятии фантастического мира повести. Это не случайно, поскольку язык – это то, что транслирует культуру. Хрестоматийное определение Ю.С. Степанова о том, что концепт – это «как бы сгусток культуры в сознании человека», а с другой стороны то благодаря чему человек «сам входит в культуру» [14, с. 42], в данном случае в полной мере справедливо. Рим как культурный феномен, как воплощение величия, свободы, как всемирная твердыня давно является частью культурного багажа носителя русского языка. И не случайно фантастический город Пат в повести является трансформированным Римом – отсюда и значимая лексема в заглавии – *вариант*.

«*Славный город Пат*» (именно так та протяжении развития действия именуют его герои произведения) обнаруживает «римскую» ориентацию во всем: в государственном устройстве, в котором царит рабовладельческий строй (в числе персонажей повести – **рабыни** *Калеция, Дискарна, раб Атран*), в наличии консулов, которым принадлежит вся полнота государственной власти; в главном государственном органе – Сенате (**сенаторы** *Труций Кальтар, Гелюций Крон*), в котором отражается ранговое деление (**консул** *Кикена проконсул Корбеллий; «наследный парламентарий» Свирк Плуст, казначей Сената Пист Класт Дартага*). В этом же ключе – наличие подчиненных областей вне Пата, что было характерно для Рима времен ранней Республики

(провинции *Асилон, Табрия, Севрия, Килона* и др.), и посадников в них (*посадники Люта Конта, Вертоний Сатур, Лекотий Бран*).

Аналогии с Римом прослеживаются и во внутренней жизни Пата, существенной частью которой являются пиры, игрища, оргии. Персонажи повести участвуют в воинских походах, поднимают восстания, посещают термы. Наконец, параллели с Римом просматриваются в контекстных элементах: авторских комментариях и ремарках, репликах героев. Описывая одежду сенатора Крона, автор замечает: «*патская тога*, кроме символического обозначения принадлежности к аристократии, *имела мало общего с римской*» [6, с. 5]. Политические распри и интриги, имеющие место в Пате, сравниваются с римской действительностью: «Политические деятели привлекали на свою сторону голоса выборщиков обещаниями, посулами, деньгами, лестью, угрозами, шантажом - *взять хотя бы историю республиканского Рима*» [там же, с.5]. А декламируя эпиграмму Тримальхиона из «Сатирикона» Петрония, сенатор Крон «произвольно заменил у Петрония *Фортуна* на *Потулу* и *фалерн* на *картрет*»: «*То, чего и не ждешь, / иногда наступает внезапно./ Ибо все наши дела / Вершит своевольно Потула / Вот почему наливай, / мальчик, нам в кубки картрет*» [6, с. 7]. Если в реальном мире Древнего Рима богиней счастья, счастливого случая и удачи является Фортуна, то автор повести заменяет ее *Потулой*, сохраняя при этом общий ритмико-фонетический облик онима.

Исследование концепта в тексте обязательно предполагает анализ его синтагматики. С учетом этого следует отметить, что в приведенном фрагменте повести, как и в других ее частях, актуализированы лексика и фразеология, которые сопряжены с ключевой вербальной реализацией концепта *Пат*: *загнать в пат, получить пат, шахматная терминология, падение Пата, патовый ход*. Использование отмеченных языковых единиц способствует извлечению нужной информации из всего произведения, ее творческое переосмысление применительно к изображаемой фантастической действительности и пониманию замысла писателя.

Онимное содержание репрезентируется и благодаря структурно-словообразовательным моделям, по которым созданы СИ повести. Они также содержат значимую для понимания всего произведения информацию. Обращает на себя внимание, что имена-концепты персонажей повести В. Забирко отражают, прежде всего, социальное расслоение общества в вымышленном городе. В частности, онимы, называющие представителей патской знати, высшего сословия, имеют традиционную для граждан Древнего Рима структуру – трех- или двухчастную: владелец терм *Дистроха Кробулла*, казначей Сената *Пист Класт Дартага*, сенатор *Труций Кальтар*, посадник *Вербоний Сатур*. Эти названия обязательно включают преномен (личное имя) и номен (родовое имя). Словообразовательная же специфика названных имен демонстрирует закономерную замену в русском языке латинского окончания *-ius* окончанием *-ий*. В отличие от названной группы онимов, плебейские имена рабов или людей, более низкого сословия, напротив, имеют однокомпонентную структуру – раб *Атран*, рабыни *Калеция* и *Дискарна*, содержанка Крона *Пильпия*, жрицы храма Ликарпии *Ана*, *Кланта*, *Лонадика* и др.

Объем выявляемой информации при этом расширяется и за счет корневых морфем. Например, главный персонаж повести сенатор *Геллюций Крон*, являющийся одновременно и коммуникатором, имеет «родовое» имя *Крон*, соотносящееся с античным *Кронос* (др.-греч. *Κρόνος* – ‘время’), наименованием титана, верховного божества, олицетворяющего время. С помощью собственного имени, таким образом, передаются главенствующее положение Геллюция Крона и его «вневременной» статус.

В связи с этим уместно привести и другой пример: один из «граждан первого поколения» Пата, в прошлом богатый купец *Аурелика Крон*, не случайно является носителем такого имени. В переводе с латинского *Aurelius* (Аурелий, Аврелий) означает ‘золотой, прекрасный’. В контексте повести В. Забирко оно оказывается «говорящим». Баллотировавшись в Сенат, *Аурелика Крон* подкупами пытается завоевать голоса избирателей: звондов [золотых монет. – Н.К.] «он не жалел, предлагая приверженцам, имевшим влияние в толнном собрании и в Сенате, суммы, намного превышающие их содержание у своих патронов» [6, с. 5].

Значимую роль в выявлении когнитивного содержания онимов фантастического произведения играют **реминисценции и аллюзии**, отсылающие читателя / исследователя к реальному миру, являющемуся фоном, на котором рельефнее проступают черты мира вымышленного. Так, один из персонажей повести, коммуникатор Бортник, называя Пат «продажным городом», цитирует Гая Селлюстия Криспа, древнеримского историка, автора исторических монографий «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война»: «Так сказал когда-то Гай Саллюстий Крисп о Древнем Риме» [6, с. 21]. А оценивая «вульгарно выраженное, ничем не прикрытое стремление первенствовать во всём – начиная с издания законов и скрижалей и заканчивая соревнованиями в атлетизме и стихосложении» консула Кикены, Геллюций Крон невольно сравнивает его с римским императором Нероном: «Просто Нерон какой-то», – подумал Крон [6, с. 12].

На фантастическую принадлежность реальности мира, описываемого в повести, указывают и аллюзивные СИ, по своему характеру далекие от античности. Парламентарий Плуст, будучи в гостях у Крона, рассказывает заезженный анекдот, от которого Геллюция Крона, по его словам, коробит, «как *марктовенновского* янки». Аллюзивный характер носит и отсылка к мудрому и справедливому правителю, реальному человеку и герою сказок «Тысячи и одной ночи» *Гаруну аль Рашиду*, с хождением в народ которого Пильпия сравнивает действия Крона. Обращения к именам Марка Твена и Гаруна аль Рашида устанавливают связь происходящего в повести, с реальной действительностью и позволяют рельефнее выделить концептуальные моменты.

Сделанные наблюдения над собственными именами повести В. Забирко и их осмысление в когнитивном ключе позволяют прийти к следующим выводам:

1) собственные имена, включаясь в целостную эстетическую систему художественного произведения, приобретают статус концептов и становятся частью ментального лексикона читателя;

2) выявление когнитивных особенностей онимов, безусловно, имеет свою специфику и должно осуществляться с учетом их контекстной семантики. Синтагматическая природа концепта обуславливает использование лексики и фразеологии, устойчиво связанной с вербальными реализациями ключевого концепта;

3) в процессе интерпретации собственных имен и выявлении их когнитивного содержания в контексте художественного целого фантастической направленности, отправную роль играет заглавие художественного произведения, представляющее особый род собственного наименования. Оно в концентрированном, свернутом виде выражает сквозную авторскую идею, является по своей сути двуплановым (совмещая прямой и переносный смысловой планы) и задает первичную информацию, которая в дальнейшем обогащается, расширяется и приобретает окончательный (если не исчерпывающий в рамках конкретного произведения) характер;

4) наиболее существенная часть значения онима-концепта связана с мотивирующим его апеллятивом, который, воплощая ядерную информацию, обрастает ассоциациями. Именно они являются источником семантического содержания, которое

впоследствии осмысливается через его (концепта) репрезентанты. В дальнейшем ключевой концепт (концепты) художественного произведения содержательно насыщается, становится многослойным, расширяя свою образную основу;

5) для фантастического произведения особую роль играют ключевые концепты-онимы реальной действительности, выполняющих роль матрицы, на основе которой «конструируется» вымышленная действительность. При этом необходимым представляется использование реминисценций и аллюзий, выполняющих функцию связующего звена между ними;

б) концептуальную значимость приобретают структурные и словообразовательные свойства собственных имен, их фонетический облик, способствующие реализации концептуального содержания.

В заключение стоит заметить, что все, изложенное в данной статье, – это одна из попыток осмыслить когнитивные особенности собственных имен применительно к художественному тексту, а сделанные выводы не исключают других возможных подходов к трактовке онимов в аспекте когнитивной ономастики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянова О. Н. Языковая концептуализация любви: лингвокультурный аспект: авторефер. дис. на соиск. учен. степени канд. фил. наук: 10.02.19 / Ольга Николаевна Буянова. – Краснодар, 2003. – 20 с.
2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С.64–72.
3. Голикова Д. М. Системные связи личных имен христианской традиции через призму отантропонимических дериватов: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Д. М. Голикова. – Екатеринбург, 2019. – 193 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
5. Дервяго А. Н. Имя собственное в художественном тексте: учебно-методическое пособие / А. Н. Дервяго. – Изд. ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 238 с.
6. Забирко В. Вариант Пата. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 144 с.
7. Карпенко О. Ю. Проблематика когнитивной ономастики: Монография / О. Ю. Карпенко. – Одеса: «Астропринт», 2006. – 325 с.
8. Любимова С. Е. Поэтонимы в произведениях научной фантастики: особенности структуры и семантики (на материале произведений А. Н. Толстого, А. Р. Беляева, Г. Б. Адамова, Ю. А. Долгушина) / С. Е. Любимова // Вестник КГУ. – 2017. № 3. – С. 227–229.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Минск: ТетаСистемс, 2008. – 272 с.
10. Новикова О. Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного – антропонима / О. Н. Новикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3 (028). – С. 90–93.
11. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
12. Санжеева Л. Ц. Когнитивный подход в изучении имен собственных / Л. Ц. Санжеева // Вестник Бурятского ун-та. – 2011. – № 9. – С. 92–95.
13. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004. – 982 с.
15. Щербак А. С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур / А. С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4(033). – С. 78–83.
16. Шерешевская Е. Б. Имя собственное как знак: Значение имени собственного / Е.Б. Шерешевская // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. V. – Новосибирск, 1976. – С. 91–97.

Поступила в редакцию 19.07.2019 г.

PROPER NAME IN THE COGNITIVE ASPECT (ON THE MATERIAL
OF V. ZABIRKO'S STORY-CAUTION "PATA VARIANT")

N. Y. Kasyanenko

The article deals with cognitive features of proper names on the material of the story-caution "Pata Variant" by Donetsk science fiction writer V. Zbirko. The focus is made on the key concepts, expressed by onyms. The concepts content is revealed, as well as the means of their expression and syntagmatic peculiarities. The role of associative, structural and word-formation features of proper names in expressing information, which is conceptually significant for the realization of the author's artistic message, is considered.

Keywords: *onym, cognitive aspect, science fiction, V. Zbirko*

Касьяненко Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка им. Е. С. Отина.
E-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Natalia Yevgenievna

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University
Associate professor at Department of General
Linguistics and Language History
e-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 81`367.623(477.6)

ПРОСТОРЕЧНЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ДОНЕЦКОМ РЕГИОЛЕКТЕ

© 2019. *И.А. Кудрейко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются наиболее частотные системные просторечные формы имени прилагательного, функционирующие в неоднородном социальном субстрате на территории городов Донбасса.

Ключевые слова: городское просторечие, имя прилагательное, грамматические особенности, национальный русский язык.

В условиях глобализации ученые, активно изучая функционирование национального русского языка в различных языковых сообществах, стремятся выявить характерные особенности, присущие той или иной территории распространения языка, определить репрезентации региональных особенностей на всех языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом; установить степень распространения регионализмов.

Цель данной работы заключается в выявлении идиотерриториальных особенностей имен прилагательных, определении структурно-семантических, грамматических характеристик просторечных прилагательных в юго-западном региолекте национального русского языка.

В соответствии с целью исследования были поставлены три основных задачи: 1) дать общее представление об использовании в региолекте просторечных имен прилагательных; 2) определить их фонетические особенности и проанализировать способы образования; 3) описать лексико-семантические поля и грамматические маркеры имен прилагательных в донецком региолекте.

Комплекс поставленных задач мотивирует новизну исследования, особенностью которого является то, что впервые предложено исчерпывающую характеристику просторечных имен прилагательных донецкого региолекта. Единицами региолекта являются регионализмы.

Термин регионализм появляется в ряде языковедческих работ 80-х – середины 90-х гг. XX века, связанных с изучением языковой ситуации на Кавказе; в этих исследованиях под термином «регионализмы» понимались лексемы, заимствованные русским языком из языков народов Кавказа и наиболее активно функционирующие в русской речи на территории кавказских республик (Цит. по: [5]).

Н.Н. Соколянская предлагает следующее определение термина «регионализм»: «Регионализмы – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» (Цит. по: [5]).

Т.А. Кадоло определяет регионализмы как «слова, функционирующие на определённой территории не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.» [2, с. 22].

В нашей работе регионализм – речевой маркер, присущий членам языкового общества, проживающим на определенной территории, номинирующий региолектные реалии по социальному, профессиональному, территориальному, историческому признакам [4, с. 20].

Нами были выявлены пять основных региональных особенностей просторечных форм имен прилагательных, причем каждая из этих пяти существенных черт представлена многообразно:

1) на фонетическом уровне просторечными особенностями являются: искажение звуковой формы, образованной от имени существительного, литературного слова, например: *кампухтерный, брульянтовый, лисапедный*. Например: *Мне батя кампухтерную платформу подогнал, огонь ваще. Брульянтовые сапоги вчера в видеосе видел. Мне сегодня должный руль лисапедный подогнать, и тогда поедем*. (Записано от Белого М.В., 2004 г.р., г. Макеевка); «побуквенное» произношение, появившееся под влиянием письменной речи: *бухгалтерский* (прав. – *бухгалтерский*), *лучший* (прав. – *лутший*), *скучный* (прав. – *скушный*) и т.п. (см.: [3]), например: *В номинации «Самый реалистичный 3D рисунок» победила моя лутшая подруга Оксана и выиграла поездку в Питер* (записано от Малаховой С.Л., 1992 г.р., г. Харцызск); *Симпозиум, для тех кто интересуется искусством крымского виноделия, не был ограничен скушными штампами и стереотипами* (записано от Лесовой В.В., 1954 г.р., г. Макеевка) или нарушение правил постановки ударения в кратких прилагательных: *пра́вы* (не *правы́*), *глу́па* (не *глу́па*), *свѣтлы* (не *светлы́*), *рэзки* (не *резки́*), *пусты́* (не *пу́сты*). Например: *Светка была не так глу́па, как сразу показалось* (Записано от Синчаевской О.Б., 1984 г.р., г. Макеевка); *Вы были не правы́, Максим Сергеевич, когда поддержали решение коллег о закрытии приюта для бездомных животных* (Записано от Леоновой Н.Д., 1988 г. р., г. Горловка); *Несмотря на позднее время суток, улицы были не пу́сты, и мы решили выйти погулять* (Записано от Чуканова Д.В. 1992 г. р., г. Макеевка); *Не переживайте Танюша, высказывания в вашу сторону не были резки́* (записано от Марченко Т.В., 1952 г.р., г. Макеевка), а также в прилагательный с окончаниями –ый/ -ой: *обувно́й* (прав. – *обувный*), *исковый* (прав. – *исковой*), *бо́сый* (прав. – *босой*), например: *В нашем городе есть хороший обувный магазин, мы там всю обувь покупаем* (записано от Пипенко М.И., 1953 г.р., г. Амвросиевка); *Как он по такой раскалённой гальке бо́сый ходит?* (Записано от Белого М.В., 2004 г.р., г. Макеевка); явление аккомодации гласных в соседстве с твердыми/мягкими согласными: *кары́й, мамы́н, пражскы́й, искренны́й*. Например: *У нее карые глаза, а у него – голубые... Как они ладят?* (Записано от Синчаевской О.Б., 1984 г.р., г. Макеевка); *Мамы́н любимый торт «Пражскы́й»* (Записано от Макаровой А.Л., 1973 г.р., г. Макеевка), *Вовы́на мама всегда угощала нас вкусными пирожками* (Записано от Толмачева Т.И., 1963 г. р., г. Донецк); *Такой искренны́й человек этот Павел Андреевич...Очень помог нам!* (Записано от Нечаевой И.Н., 1986 г.р., г. Макеевка);

2) на словообразовательном уровне просторечные формы имени прилагательного характеризуются: формальным усложнением (добавлением морфемы), не изменяющим лексико-семантического значения слова (см.: [6, с. 51]): *моднявы́й, моднячы́й, переливчасты́й*. Например: *Ля, моднявы́й идет, капец* (Записано от Белого М.В., 2004 г.р., г. Макеевка); формальным упрощением (см.: [6, с. 51]): *киношны́й, мульташны́й* и т.п. Например: *Он киношны́й персонаж, ваще тема. Он оделся так, как мульташны́й персонаж*. (Записано от Белого М.В., 2004 г.р., г. Макеевка); *Ты пряма моднячюу кепку хочешь? Давай пока попроче купим?* (Записано от Синчаевской О.Б., 1984 г.р., г. Макеевка); образование адъективных рекуррентных однокорневых

паронимических прилагательных с суффиксом -ск-: *бабский* (прав. – *бабий*), *столовский* (прав. – *столовый*), например: *В бабском коллективе никогда не работал* (Записано от Андреева С. Л., 1986 г.р., г. Амвросиевка); *Столовскую еду вообще есть не могу* (Записано от Сергеевой О.И., 1968 г.р., г. Харцызск);

3) лексические регионализмы – местные названия предметов, явлений, признаков, являющиеся абсолютными синонимами литературных лексем (см.: [1, с. 45]), например: *варкий – быстро разваривающийся, глейковатый – непропеченный, вязкий, поганый – плохой, порепаный – шершавый, прогонистый – худой, тощий, хилый – слабый* и т.п., например: *Ходит с порепаными пятнами* (Записано от Макаровой А.Л., 1973 г.р., г. Макеевка); *Кексы в этот раз получились глейковатые* (Записано от Мининой И.В., 1984 г.р., г. Макеевка); *Он у неё с детства такой прогонистый* (Записано от Толмачева Т.И., 1963 г.р., г. Донецк);

4) семантические регионализмы – слова, отличающиеся от литературных лексем значением [1, с. 45], например: *голый – неодетый* и т.п., например: *Выбегит под дождь голый, а потом болеет* (Записано от Андреева С.Л., 1986 г.р., г. Амвросиевка);

5) грамматические регионализмы, проявляющиеся в образовании кратких форма прилагательных, степеней сравнения:

а) образование краткой формы имен прилагательных: образование просторечной краткой формы на -енен (вместо нормативного -ен) имен прилагательных, оканчивающихся в полной форме на -енный, образованных от именных основ с предшествующими двумя или более согласными, например: *легкомысленный – легкомысленен* (прав. – *легкомыслен*) *мужественный – мужественен* (прав. – *мужествен*). Следует заметить, что формы на -енен от имен прилагательных этой группы в современном русском языке активно вытесняются формами на -ен, что обусловлено стремлением говорящих к экономии речевых средств, и зачастую формы на -енен воспринимаются как просторечные, например: *родственный – родствен* и *родственен*, *медленный – медлен* и *медленен*. Например: *Украинский язык родственен русскому. Твой поступок легкомысленен, думай, а потом делай!* (Записано от Андреева С.И., 1986 г.р., г. Енакиево); *Он всегда медленен! Мы из-за него ничего не успеваем!* (Записано от Синчаевской О.Б., 1984 г.р., г. Макеевка); *А Юрочка вытянулся, стал мужественен* (Записано от Мирошниченко О.С., 1966 г.р., г. Харцызск);

б) употребление кратких прилагательных *рад*, *надобен*, *должен* и в полной форме: *радый*, *надобный*, *должный*. *Слишком ты мне надобный... И без тебя обойдусь. Чего это ты такой радый, денег дали? По твоему фейс видно, что ты очень радый встрече с нами. Петька уже всему миру должный...* (Записано от Андреева С.Л., 1986 г.р., г. Амвросиевка);

в) образование простой сравнительной степени при помощи суффикса -ее, (-ей) к прилагательных с непроизводной основой, оканчивающейся на г, х, д, т, ст при отсутствии нормативного чередования конечных согласных г – ж, х – ш, д – ж, т – ч, ст – щ, например: *тугой – тугее*, *глухой – глухее*, *толстый – толстее* и под. Например: *Светка сильно поправилась, она уже толстее Наташки* (Записано от Макаровой А.Л., 1973 г.р., г. Макеевка); *Затянуть поясок тугее и будет как раз впору* (Записано от Андреева С.Л., 1986 г.р., г. Амвросиевка); *Инна стала глухее и из-за этого у неё возникли трудности в общении с внуками* (Записано от Макаровой А.Л., 1973 г.р., г. Макеевка); *В красном пальто ты толстее, чем в сером* (Записано от Сергеевой О.И., 1968 г.р., г. Харцызск);

г) образование сравнительной степени с непродуктивным суффиксом -ше, например: *дешевше* (прав. – *дешевле*), *длинше* (прав. – *длиннее*), *здоровше* (прав. –

здоровее), ширьше (прав. – шире). Например: *На «Красном рынке» все в несколько раз дешевле, чем на «Зеленом»* (Записано от Бейко Е.А., 1965 г.р., г. Макеевка); *Посмотри, он бегаёт каждое утро. Поэтому он здоровше своих сверстников* (Записано от Нечаевой И.Н., 1986 г.р., г. Макеевка); *Колонку ширьше нужно сделать и тогда всё поместится* (Записано от xxx, 1984 г.р., г. Макеевка);

д) образование форм сравнительной степени на -ей, -ее с приставкой по-, которая вносит добавочное значение небольшой степени разницы в качестве, например: *посушей, посушее, посуше, помельчей, помельчее, помельче*. Следует отметить, что всем формам с приставкой по- присущ разговорный характер, например: *Выбери мне огурчики помельчей* (Записано от Толмачева Т.И., 1963 г.р., г. Донецк); *Вам какую рыбку? Посуше?* (Записано от Григоренко С.В., 1963 г.р., г. Донецк);

е) образование аналитических форм превосходной степени на основе синтетических форм превосходной степени, являющихся плеонастическими сочетаниями: *самые глубочайшие, самый умнейший. Ты мой самый надежнейший друг* (Записано от Макаровой А.Л., 1973 г.р., г. Макеевка); *Полинка всегда была самой умнейшей ученицей в нашем классе* (Записано от Григоренко Т.П. 1986 г.р., г. Донецк); *Примите мои самые глубочайшие поздравления по случаю Вашего Дня рождения!* (Записано от Мининой И.В., 1984 г.р., г. Макеевка);

ж) соединение в одном прилагательном обеих форм сравнительной степени: *более твердее* (прав. – *более твёрдый*), Например: *Сыр «Карат» более твердее, чем «Голландский»* (Записано от Бейко Е.А., 1965 г.р., г. Макеевка). *Мне нужна футболка более светлее* (Записано от Сергеевой О.И., 1968 г.р., г. Харцызск); *В этом году у нас более интереснее программа мероприятий на летние каникулы* (Записано от Мишулиной Т.Е., 1968 г.р., г. Харцызск).

Таким образом, наиболее частотными просторечными характеристиками имени прилагательного являются: на фонетическом уровне – искажение звуковой формы, побуквенное произношение, аккомодация; на лексико-семантическом – наличие слов, являющихся региональными маркерами просторечия, на грамматическом – краткие формы прилагательных, сравнительная и превосходная степень имени прилагательного. В перспективе дальнейшего исследования выявление грамматических квалификационных признаков других типов просторечных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 267 с.
2. Кадола Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т.А. Кадола // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
3. Косаренко О.Т. Орфоэпические нормы в аспекте культуры речи / О.Т. Косаренко, В.С. Косаренко // Вестник Воронежского института ГПС МЧС. – 2015. – Вып. 2 (15), – С. 75–80.
4. Кудрейко И.А. Региолект как особая форма функционирования национального языка / И.А. Кудрейко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 19–24.
5. Резвухина Ю.А. Регионализм: к определению понятия / Ю.А. Резвухина // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 20.06.2019).
6. Холодкова М.В. Определение состава просторечной лексики / М.В. Холодкова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – Вып. 10 (66). – С. 49–52.

Поступила в редакцию 27.08.2019 г.

VERNACULAR FORM OF AN ADJECTIVE IN DONETSK REGIOLEKT

I.A. Kudreiko

The article discusses the most frequent systemic colloquial forms of the adjective, functioning in a heterogeneous social substrate in the cities of Donbass.

Key words: urban vernacular, adjective, grammatical features, national Russian.

Кудрейко Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Зав. кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики.

e-mail: kudrejko@mail.ru.

Kudreiko Irina Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Head of Slavic philology and Applied linguistics Department.

e-mail: kudrejko@mail.ru.

УДК 82. 09

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ А.А. КОРАБЛЕВА

© 2019. *О.Р. Миннуллин*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Работа представляет собой вторую часть обзора теоретико-литературных взглядов донецкого филолога Александра Александровича Кораблева. В данной публикации рассмотрены жанрово-стилистические особенности его филологических трудов, Тайна как категория поэтики, телеология чтения, а также взгляды ученого на категорию вкуса, его понятие о критериях художественной ценности и другие вопросы.

Ключевые слова: А.А. Кораблев, читатель, вкус, аксиология, художественная ценность иерархия, критерии художественности.

Настоящая статья является продолжением обзорной работы о научной концепции А.А. Кораблева «А.А. Кораблев о смысле и ценности поэтического творчества: онтология, феноменология, рецепция», опубликованной в журнале «Новая русистика» (Брно, Чехия, 2019, № 2). Она примыкает к серии публикаций о теоретико-литературных концепциях выдающихся донецких литературоведов, рассмотренных в аксиологическом аспекте. Курсивом выделяется понятия, включенные в специфическую *терминосферу* ученого, его «авторский словарь», *тезаурус* («вместилище смысла» [1, с. 11]).

Язык ученого и жанровые поиски для филологического высказывания.

Прежде, чем обратиться к главному предмету анализа, укажем на некоторые жанрово-стилистические особенности научных работ А.А. Кораблева, осознание которых позволит лучше понять его филологические взгляды.

В 1978 году, отвечая на письмо 22-летнего А.А. Кораблева о смысле филологии, тогда его наставник М.М. Гиршман писал: «...литературовед должен пройти между Сциллой безлично-объективистского и Харибдой вненаучно-субъективистского подходов, которые равно уничтожают искусство» [2, с. 10]. Тема «Сциллы и Харибды» станет одной из сквозных нитей в размышлениях филолога (например, его статья 2005 года [3] или материал 2017 года [4]). Одно можно сказать точно: зубов Сциллы донецкий Одиссей избежал, а вот что касается водоворотов Харибды... Здесь все не столь однозначно. Его «*инонаучный* путь ученого незнания» [5, с. 8] постоянно грозит поворотом к субъективизму и «ненаучности» [2, с. 12], а в практике конкретных анализов порой выливается в балансирование между «новым историзмом» [6] и мистификацией или филологической игрой.

Как и у других видных литературоведов Донецкой филологической школы, теоретические взгляды А.А. Кораблева на поэзию можно отнести к онтологическому направлению поэтики. Сам ученый определяет свой язык описания литературы, а, в сущности, и исходные методологические установки как «донецкий диалект филологического языка с сильным онтологически-мистическим акцентом» [7, с. 16]. А.А. Кораблев призывает филологию выйти «за границы сугубо научных целей», интегрировав в себе опыт поэзии и веры, и, естественно, это отражается на стиле его работ, а также выявляется в жанровом поиске для *инонаучного* высказывания,

способного адекватно описывать художественное произведение. Эссеистичный стиль ученого напрямую связан с его **требованием** к филологическому тексту включать в себя элементы художественности, а также учитывать аспекты религиозного опыта (статья «О религиозности и научности филологического знания» [8, с. 27]).

Обоснование «художественного анализа» мы находим, например, в работе «О чем воеет ветер: стратегии постижения»: «Художественный анализ – это и есть художественное произведение в динамике его осуществления, сопрягающее целостность невыразимого и системность выраженного...» [8, с. 86].

Иногда попытки «сопряжения далековатых идей» (М.В. Ломоносов), трудновосместимых подходов, разных областей с их достаточно изолированными языками описания (мистики, онтологической поэтики, структурно-семиотического направления в литературоведении, нового историзма) дают пёструю, противоречивую картину. Появляется схематизм, живая филологическая мысль деформируется в приведенной к идеальному виду, «закругленной» схеме. Это порой ощутительно, например, в «Поэтике словесного творчества» [5].

Тотальное структурирование теории художественной целостности в книге и последовательное приложение ее к поэтике произведения приводят к стройному семиотическому изложению фундаментальной теории литературы, в которой не находится особого места аксиологической проблематике. В результате теория произведения (*Идея – образ – знак*) во всей ее структурной продуманности до мелочей и идея поэзии как *Тайны* видятся отдельными друг от друга. Безусловно, мосты перебрасываются: поэтике, отводятся роль раскрытия *секретов* и *загадок*, которые ведут к *тайне поэзии*, в ее онтологической *неявленности*, гносеологической *непознаваемости*, *неизречимости* и ценностной абсолютности, но в корне разрывы этих уровней ощущаются как непреодолимые. Смысл и назначение поэзии в теории А.А. Кораблева почти религиозны, а теория произведения – это «точная наука о литературе» (другая крайность): в теории-то все «берега сходятся», но ощущение искусственности отдельных ее узлов, сохраняется.

Усилия сблизить структурно-семиотический подход с мистикой оборачиваются литературоведческой астрологией, «магической кристаллографией», занимательной филологической беллетристикой («Мастер: Астральный роман» [9]) или попросту художественно-филологической *игрой*, хочется сказать, в духе Умберто Эко или Борхеса, но это не совсем так. Ведь в большинстве случаев это подается в контексте научного дискурса, с установкой на достоверность результатов исследования (хотя никаким несовпадением установки восприятия и фактического смысла текста сегодня никого не удивишь).

Филологическое научное сообщество за пределами Донецка знает А.А. Кораблева в первую очередь как булгаковеда (о чем свидетельствуют данные наукометрических систем), а в последнее десятилетие и гоголеведа. А среди его работ о романе «Мастер и Маргарита» самая яркая, необычная и при этом «неформатная», т.е. радикально трансформирующая канонические научные жанры – это уже упомянутая трилогия «Мастер. Астральный роман» [9]. «Сцепления» исследовательской мысли и возникающие ассоциации порой настолько причудливы, что не уступят в своей изворотливости хитросплетениям сюжета у самого М.А. Булгакова. Весьма необычен и язык книги филолога, и ее композиция. Словом, интерпретация классического произведения литературы XX века настолько смелая и изобретательная, что составляет **роман о романе**, о чем свидетельствует и двусмысленность второй части заголовка: то ли это жанровое определение книги М.А. Булгакова, то ли жанровое определение своей

книги о М.А. Булгакове. Литературная составляющая весьма ощутима и в других работах исследователя о творчестве этого автора («Тайнодействие в «Мастере и Маргарите» [8, с. 132], «Тайнодействие в «Записках молодого врача» [8, с. 154] и др.), в исследовании романа-эпопеи М.А. Шолохова [10].

На этих путях и написанный на грани мистификации и нового историзма цикл работ о «Мертвых душах» («Криптография «Мертвых душ») [11, 12]). Баланс между литературоведением и литературным творчеством здесь шаткий: неожиданность подлинного открытия, свежего наблюдения над классикой, в работах соседствует с натяжками, переходящими чуть ли не в выдумки. Здесь А.А. Кораблев, по-видимому, – писатель (от чего он и сам не отрешивается), размывающий границы вымысла (филологический роман?) и нон-фикшн, автор *филологической прозы*. Для весьма приблизительного сравнения на ум приходят филологические включения, разборы стихотворений, предложенные главным героем романа Андрея Битова «Пушкинский дом», да и вся филологическая концепция этой книги, построенная на мотивах и сюжетах русской классики.

Характеризуя исследования А.А. Кораблева, московский филолог В.В. Максимов говорит о «совмещении научных спекуляций и некоторых личностных, индивидуальных, житейских и, шире, экзистенциальных ценностей» [13, с. 11]. Иронично называя А.А. Кораблева «блудным сыном... научности», критик, однако отмечает, что разыскания ученого в области каких-то иных возможностей литературоведческого высказывания весьма плодотворны, это «современно и исторично» [13, с. 13]. Литературовед говорит о жанровом поиске в его трудах: не метод, стратегия изучения, или какая-то филологическая «идеология», а разработка новых **жанров** филологического высказывания – вот что, по мнению комментатора, вызывает подлинный интерес донецкого исследователя. По словам В.В. Максимова, сборники «Донецкая филологическая школа» интересны «не только для внутреннего пользования», но и открывают возможности «широкого внешнего транслирования» [13, с. 12], для «большого диалога».

Всестороннюю поддержку у американского литературоведа Кита Трибла [14] вызывает разработка «нового жанра» документальной «стенодрамы» научной конференции, включающей живую научную дискуссию, беседы в кулуарах, и даже шуточные интеллектуальные спичи, а также различные комментарии участников, их философствование, поданные в живой, захватывающей манере изложения [14, с. 303]. В современной науке о литературе это весьма востребовано. Итак, реакция литературоведческого сообщества на поиски донецкого филолога различна, но общая тенденция в неприятии «филологии без границ» и поддержке в области поиска новых жанров филологического высказывания.

Филология Тайны, или «феноменология неявного»: А.А. Кораблев и А.В. Домашенко. Концепции двух теоретиков оформляются практически синхронно, формирующий контекст у них общий, однако результат, как это всегда и происходит, различен.

В одной из книг «Донецкая филологическая школа» воспроизводится «вагонная беседа» *Глухого* и *Немого*, в которых ясно угадываются А.А. Кораблев с А.В. Домашенко, отправляющихся на научную конференцию в Москву [13, с. 190].

А.А. Кораблев прямо говорит, если не о совпадении исследовательских интересов, то о точках их пересечения, соприкосновения, единстве русла: «Читаю доклад «Тайна как категория поэтики», где иду твоим маршрутом – принципиально различая *речь* и *неизреченное*» [13, с. 191]. Собеседник уточняет, что

противопоставляет *изреченное* и *Речь* (тайный священный исток). Филологи говорят вроде бы об одном, но не об одном и том же.

В 2000-м году теоретические расхождения с А.В. Домащенко кажутся А.А. Кораблеву «не принципиальными» и общей платформой ему представляется *инонаучное мышление*. Однако его собеседник настаивает на своей научной «самодостаточности» и отвергает *инонаучность*: по сути, не принимает само определение: «инонаучность для меня – просто неудачное, не имеющее никакого реального смысла слово» [13, с. 193]. В дальнейшем расхождения будут только усиливаться, и все же нельзя не заметить сходства взглядов, тем, вопросов, в которые, так или иначе, упираются филологи.

Прежде всего, к этим сходствам относится стремление понять поэзию онтологически. Например, говоря о мессианской роли русской классической литературы, А.А. Кораблев пишет: «Если поэзия не онтологична, то разговоры о поэтах-пророках не имеют смысла» [8, с. 54]. Размышления о пророческой природе поэзии, пожалуй, сильнее всего у донецких филологов представлены именно в работах А.В. Домащенко [15, с. 168–201]. Для обоих такое понимание поэзии принципиально, аксиоматично.

Придающее структурную строгость теории художественной целостности, конкретизированное А.А. Кораблевым представление о строении художественного литературного произведения корреспондирует с теорией трех литературоведческих дискурсов А.В. Домащенко. Трехуровневому строению произведения, изложенному автором «Системологии целостности» [5, с. 13–61] в своей книге (*Идея – Образ – Знак, Концепция – Художественный мир – Художественный текст, Автор – Герой – Читатель* и т. д.), соответствует концепция А.В. Домащенко о *персонализме, эйдосной поэтике и литературоведческой грамматике* как трех направлениях современной науки о литературе, трех стратегиях, сосредоточенных на разных аспектах (уровнях) литературного художественного произведения. *Персонализм* занят проблемами автора, *эйдосная поэтика* изучает образ, художественный мир, *литературоведческая грамматика* строится на работе с текстом. При существенных программных (манифестированных) различиях взглядов двух ученых корни здесь одни – *теория художественной целостности*.

Одним из главных смысловых центров двух концепций поэтического слова является *Тайна* – до конца непостижимое средоточие смысла поэзии и бытия как такового. Здесь нет полного **совпадения** размышлений А.В. Домащенко с воззрениями А.А. Кораблева, но, без сомнения, ощутимо родство двух теорий.

В статье «О смысле и ценности поэзии в толковании А.В. Домащенко» (см. предыдущий выпуск «Вестника») мы уже писали о размышлениях ученого по поводу «мышления из тайны» (*вопрошающее мышление*), «причастности тайне», «духовном возрастании» к ней, – отправных пунктах, из которых исходит *филологическая теория* [16, с. 32]. Здесь приведем лишь отдельные фрагменты, красноречиво свидетельствующие о возможности соотнести «мышление из тайны» А.В. Домащенко и «таинственное литературоведение» А.А. Кораблева, призванное понять «самоизъяснение тайны» в поэтическом произведении, «осмыслить тайну как действительное, онтологически влиятельное поле» [7, с. 12]. В этом построении, как и у А.В. Домащенко, ощутим тот же пиетет к *Тайне*, то же недоверие к инструментальности «точного литературоведения» (поиск «охранительных» методов познания тайны, возможностей «быть допущенным» к ней [5, с. 8]).

Сближается даже язык двух филологов: А.А. Кораблев трактует внутренний смысл творчества как потребность в «*сопричастности тайне*» [8, с. 9], а поэзию – как

«явление тайны в словах» [5, с. 9] что и призвана постичь филология, тайна витает над произведением как «запредельная тень», в ее *присутствии* «приличествует *молчать*» [7, с. 13]. Особенно ощутимо это сближение в статье «Тайна как категория поэтики» [8, с. 15], где появляется определение *маническое*, активно разрабатываемое А.В. Домашенко и приводится имя Дионисия Ареопагита – одного из наиболее часто цитируемых им христианских мыслителей.

Автор «Интерпретации и толкования» пишет: «Для эмпирического анализа, доверяющего лишь здравому смыслу, тайна – всего лишь недоразумение, порожденное суеверием. Чувственное созерцание воспринимает тайну как **чудо**, которое может стать путеводной нитью к тайне, но может и закрывать путь к ней, если стремится подменить ее собою, поскольку само по себе чудо – не тайна, но только ее отблеск» [16, с. 32]. У А.А. Кораблева читаем: «Поэзия является сама, как гостья, как **чудо**» [5, с. 9] (выделено мной. – О.М.). Это различие А.В. Домашенко *Тайны* и *чуда* сближается с идеей структуры *Тайна – Загадка – Секрет* [7], предложенной автором «Системологии целостности». Вслед за И. Кантом, размышляющим о тайном и явном в статье «Религия в пределах только разума», А.А. Кораблев предлагает типологию тайного: *misterium* (непостижимое, сфера религии), *arcana* (непознанное, загадочное в природе), *secreta* (скрываемое, сфера общественных отношений) [8, с. 10].

Здесь *Тайна* будет мыслиться как до конца непостижимое в своей глубине бытие, а *загадка* и *секрет* предстают соединенностью «тайного и явленного» [7, с. 14], нитями, ведущими к *Тайне*. *Тайна*, заключенная в художественном произведении, – это поэзия. Загадки и секреты – элементы поэтики, приближающие к «сокрытому» [8, с. 14], их разгадывание и рассекречивание – метод (путь) познания. «Посредником между тайным и явным, – по мысли ученого, – является язык» [7, с. 16], в первую очередь поэтический язык, что также близко к размышлениям о *священной речи (герменейи)* у А.В. Домашенко.

Притягательность этого мистического явления – *Тайны* – невозможно отрицать. Но его *инонаучность*, естественно, провоцирует и критику. Внутренним двигателем возникновения художественного произведения как артефакта, т.е. возникновения «внешнего произведения» (М.М. Бахтин) филолог называет фиксирование «в чувственно воспринимаемых формах состояний, вызывающих сверхчувственные ощущения – ощущения тайны» [8, с. 9].

Всякий, знакомый с поэзией, способен понять, на что указывает формулировка «сверхчувственные ощущения», несмотря на ее оксюморонный характер. С другой стороны, для научного дискурса, даже понятого максимально широко и либерально, это определение представляется эфемерным. Хотя какая-то вменяемая инструментальность «мистического опыта» [8, с. 12] едва ли возможна. Невольно вспоминаются «вещественные знаки невещественных отношений» из романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история», которые здравомыслящий прагматик Адуев-старший завернул в бумажку «и – бац в окно». Поэтому остается или согласиться, что «постичь бытие, оставаясь в пределах научности, невозможно» [8, с. 18] и принять предложенную *инонаучность* как стратегию обращения с поэзией, в том числе и в отношении самого языка описания поэтического произведения, или отвергнуть ее в принципе. Попробуем принять это вслед за А.А. Кораблевым и понять, насколько это возможно, как *Тайна* приоткрывается в поэтическом опыте: творчества и – главное – читательского сотворчества.

Телеология чтения. Уже в статье 1991 года А.А. Кораблев определяет в качестве одной из базовых установок чтения рецептивный принцип *ученичества*: «Требование

изучать... поэтику произведения, осваивая заключенный в нем художественный и жизненный опыт и воздерживаясь от преждевременных интерпретаций и толкований, мы называем *принципом ученичества*» [17, с. 24] (сюда же отнесем и «сознательное воздержание от рационального вторжения в область иррационального» [5, с. 8]). В этих формулировках идеи рецептивной теории А.А. Кораблева сближается с тем, что в феноменологии называется «эпохе». Связь теоретических взглядов А.А. Кораблева с феноменологией 1910-20-х годов также отмечает чешский литературовед И. Поспишил [18, с. 173].

Обращает на себя внимание, что донецкий ученый, говоря о постижении произведения, в один ряд помещает его художественный смысл и «жизненный опыт» автора. На наш взгляд, это не случайность или какая-то небрежность литературоведческой мысли, смешивающая разные сферы, пренебрегающая культурой границ. Здесь прямое следствие идеи *целостного мировоззрения*.

Адекватное состояние читателя при вышеописанной установке определено как *читательское послушничество*. Опять же знаково то, что для описания этого читательского доверия к художественному тексту, «презумпции идеальности» произведения, готовности воспринять духовно-эстетический опыт другого, избрано слово из религиозной (христианской) сферы – «послушничество». В этом же ряду «диалог несовершенства с совершенством», *благоговейное восприятие*, проясняющее *подлинную ценность* произведения [17, с. 27]. Сопряжение двух языков (религии и поэтики) развивается и дальше: «Ученичество – это опыт упражнения в вере и смирении, опыт преодоления своих представлений с тем, чтобы более полно испытать воздействие художественного высказывания...» [17, с. 28]. И здесь ощутим след идеи *целостного мировоззрения*, «прописанный» в рецептивной части общей теории художественного произведения, соединении опыт веры и эстетической опыт.

Формулируя прочие необходимые установки чтения, донецкий литературовед говорит о *принципе целостности* и о *принципе ценностной ориентации (целесообразности)*. Первый из них – показатель следования существующей в донецкой филологии, глубоко усвоенной традиции, которую ученый наследует и развивает, принадлежность контексту и отчасти, скажем так, поддержка актуального тренда. Второй же принцип, соединяющий два компонента, аксиологический и телеологический, представляет собой дополнение, конкретизацию принципа целостности.

Здесь речь идет о «смысловом единстве» произведения, «преодолении временных содержаний», приближении к «абсолютному», учете «неравнозначности этих уровней, стимулирующее единство и динамизм постижения читателем художественного смысла» [17, с. 26]. В самом художественном произведении, в его языке заложен код, осознание которого (ученичество), определяет «сообразность читательского поведения эстетической цели» [там же], адекватную ценностную ориентацию в мире произведения. В свете такой методологии А.А. Кораблевым прочитан роман М.А. Булгакова [8, с. 170–181].

Именно рецептивный аспект теоретических взглядов ученого на художественное произведение наиболее тесно сопряжен с широко понятой аксиологической проблематикой, которые выводят в открытое пространство вопросов **чтения**. Но это такое чтение, которое должно быть истолковано не семиотически (декодирование знаков художественного текста) или даже феноменологически (встреча сознания и бытия в художественном образе), а онтологически. Вообще, жажда прорыва от познания к бытию – один из постоянно ощутимых подводных токов филологической концепции А.А. Кораблева.

На путях попытки понять чтение как бытие лежит и мысль о необходимости *личностного восприятия* [17, с. 28], художественного произведения, где личность – это фокус *целостного мировоззрения*. К этому стремлению относится и прямое соположение инобытия художественного восприятия и события бытия-жизни, которое, вообще-то, невозможно без разрушающего воздействия на обе сферы, но осуществимо, опять же, внутри, в «магическом кристалле», личности: «Художественный анализ – это аналитическая работа читателя, находящегося *внутри* художественного мира... проживающего в нём часть своей жизни» [8, с. 86].

А.А. Кораблев поясняет также ценность чтения для жизни самого художественного произведения: через реального читателя оно «размыкается» в актуальное бытие и смысл произведения осуществляется в действительном становлении, в жизни человека и человеческого сообщества: *рецептивная реальность* открывается в социальную. Здесь на смену доверию и благоговению приходит самость воспринимающего, его единственность и неповторимость, уяснение уникальности «своего места в хоре» [17, с. 28] читателей.

Если поэтическое творчество – это воссоздание («аналог») космоса в слове [5, с. 22], воспроизведение в высказывании структуры универсума, то его восприятие связано с приведением к гармонии внутреннего мира личности, а также гармонизации социального мира (межличностных отношений). А.А. Кораблев очерчивает функциональный аспект ценности поэзии и пишет о ее способности «упорядочивать» мироздание, гармонизировать бытие: «Чем значительнее произведение – тем обширнее и влиятельнее его поле...» [5, с. 17].

Вкус, аксиологическая иерархия и ценностные критерии. В статье «Теория поэзии А.С. Пушкина» донецкий литературовед настаивает на необходимости традиционной, даже консервативной, идеи «*иерархии эстетических ценностей*» [8, с. 58] в филологическом суждении. Здесь имеется в виду вообще необходимость адекватного художественной литературе аксиологического подхода в «суждении вкуса». Так, чтобы поставить Пушкина выше Бенедиктова в этой *иерархии*, нужно руководствоваться аксиологическим критерием *абсолютности* [там же].

По мысли А.А. Кораблева, именно А.С. Пушкин первым в русской литературе «утверждает принцип абсолютного существования поэта» [8, с. 59] в мире ценностного плюрализма и релятивизма, его причастность высшему творящему началу: отсюда и пушкинская творческая формула «Веленью Божию, о Муза, будь послушна...». Так понятая поэзия – это не просто литературно-творческая деятельность, она оказывается включённой в общее «здание духа», видится соприродной божественному замыслу о мире и человеке. В свете этого поэтические произведения А.С. Пушкина («Пророк», «Поэт и чернь», «Поэту», «Памятник», «Моцарт и Сальери» и др.), стоящего на поэтико-аксиологической вершине русской литературы, могут быть осмыслены в качестве первоисточника поэтической теории как составляющей *целостного мировоззрения*.

Выстраивание этой иерархии («пирамиды» *поэтической парадигмы*) опирается на классическую категорию художественного *вкуса* – одну из фундаментальных аксиологических категорий эстетики словесного творчества: «Когда речь заходит об эстетических и художественных ценностях, требующих объективной оценки, показания вкуса оказываются едва ли не единственным основанием для определения... достоинств», – пишет А.А. Кораблев [5, с. 145]. Вкус оказывается способностью, трудно поддающейся описанию: его можно «воспитывать», но сама способность «судить о прекрасном» (И. Кант) связана с «предустановленным» [5, с. 141] стремлением человека к ощущению полноты бытия. В этой органической и в то же время «тренируемой» способности

читателя, его неотъемлемом, атрибутивном качестве, сходятся способность переживания прекрасного, познания прекрасного, его оценки.

О *вкусе* свидетельствует тот или иной читательский *интерес* – непосредственное проявление личности читателя. Понятие *интерес* не совпадает с категорией *ценности* именно в виду повышенной субъективности этого понятия («интерес могут вызывать отнюдь не шедевры»). *Интерес* пробуждает «свое другое», то, что дает возможность *бытийного восполнения* конкретной личности [5, с. 147]. Однако это *восполнение*, когда речь идет об *интересе*, трактуется А.А. Кораблевым не онтологически (полнота бытия, причастность Единому), а познавательно как «самоосуществление личности», возможное только при соприкосновении с *иным*, но не чужим. Здесь уже начинается социология литературы.

В настоящем смысле возможность *бытийного восполнения* явлена в *классике* (одна из сквозных тем в кругу донецких филологов). Классическое произведение, по мысли ученого «находится «по ту сторону» отношения «нравится / не нравится», потому что его «нравственный» закон подлежит исполнению, а не оценке» [5, с. 149]. Здесь проявляется некая **тотальность классики**. Предложенная филологом игра слов («нравиться» – «нравственный») весьма уместна ввиду того, что ценностный смысл классического художественного произведения всегда превышает собственно эстетическую составляющую: классика образцово нравственна, связана с идеей нравственного здоровья и даже нравственного воспитания, т.е. захватывает и сферу этики с ее проблемами добра, свободы. Об этом пишет, например, И. Гете: «Классическим я называю здоровое, а романтически больное... Старинные сочинения не потому классичны, что стары, а оттого, что бодрые, энергичные и свежие» (цит. по [19, с. 277]).

О.А. Кравченко отмечает как недостаток «отказ от эстетической доминанты» в осмыслении художественного произведения в теории А.А. Кораблева, пренебрежение тем, что искусство переводит любое содержание в «специфический ценностный план», план эстетических ценностей [20, с. 165]. Отвечая на замечание, А.А. Кораблев называет «эстетическую доминанту» «статусным минимумом» [21, с. 177] художественности, но не конечной целью искусства, которая может быть различной и которую «можно лишь предполагать» [5, с. 72]. Выход за пределы эстетической проблематики, по мысли А.А. Кораблева, – неизбежен.

К аксиологической проблематике относится и выдвижение критериев художественной ценности литературного произведения, которые А.А. Кораблев называет «взаимными критериями» [5, с. 22], последовательно разворачивая концепцию *целостного мировоззрения*: «Совершенство произведения... заключается в идеальном воплощении триединства – истины, блага и красоты».

Истинность понимается предельно широко и разновариантно, так что это отчасти становится некоторой условностью: возможность «пребывания в истине», правдивость, «созерцание истины» и даже «истинное наслаждение» [5, с. 23].

В *нравственном* критерии выделяется компонент «эстетического воспитания», «явного или неявного дидактизма», опять таки толкуемого предельно широко: свойство и потребность «передавать опыт» бытия, «добро как целесообразность», которое, однако, не должно подменять «возможность непосредственного усмотрения истины» в красоте, наконец, «духовное преображение».

Общие рассуждения о смысле *красоты* ведутся в академическом русле, определенном идеями немецкой классической эстетики, русской философии Серебряного века и проч. Эти соображения весьма традиционны и консервативны

(автор «Поэтики словесного творчества» и сам охарактеризовал отдельные места своей книги как «освященный временем набор тривиальностей» [21, с. 169]).

Говоря о критериях художественной ценности, формулируемым А.А. Кораблевым, уместно обратиться к его литературно-критическим заметкам, где теория проходит «обкатку» на практике. В этом отношении интересны предисловия к разным книгам стихотворений донецких авторов, собранные литературоведом под одной обложкой [22]. Литературная теория и литературная критика идут рука об руку, обогащая друг друга. Сильнее всего в этих текстах реализована идея *целостного мировоззрения*. Например, говоря о стихотворениях Светланы Заготовой, автор «Предисловий» пишет: «Совместить жизнь как она есть, и слово как оно есть, в их изначальном творящемся единстве...» [22, с. 14]. Эта статья предвдвывает сборник «С миром по миру» и называется «Мироносица», что вызывает определенное ассоциативное поле: несущая в себе мир; Мироносица, не обнаружившая тела мертвого Христа и первая возвестившая о его воскресении; наконец «с миру по нитке» (бытописание поэтессы, о чем прямо говорит критик).

При чтении этих вводных заметок к книгам провинциальных поэтов (часто это дебютные книги) становится ясно, что филолог владеет искусством понимания автора как человека с его частной судьбой, открывающего бытие, устремленного к обретению себя, к творчеству как причастию к Всеобщему. Внимание литературоведа всегда как бы удвоено: к началам поэзии и к человеку, личности, единственной и неповторимой в своем человеческом опыте. Здесь явлен внимательный, человекоизмеримый взгляд на творчество. Это видно в статьях «Монастырская дорога» (о Дмитрие Трибушном), «Крысолов» (об Андрее Максименко).

Особого внимания заслуживает опубликованный здесь «Вечерний разговор» с С.В. Медовниковым, обсуждение смысла и назначения поэзии, где в формате свободной филологической беседы сформулировано несколько теоретических идей опять же в русле *целостного мировоззрения*, например: «Поэзия... становится продолжением нашего жизненно бытия, необходимой частью нашего земного существования... Поэзия становится *частным делом*» [22, с. 16]. Здесь схвачено, во-первых, сближение горнего и земного, осязаемое в поэзии конца прошлого века, и, во-вторых, точно подмечена радикальная смена статуса поэтического слова, его роли в жизни человеческого сообщества, происходящая на наших глазах. В этом же разговоре звучат мысли о сходстве поэтического *дара* и христианского «призвания» [22, с. 20] (Христос призывает апостолов) и всеобщем характере этого *дара*: «Возможно дар поэзии – призвание **каждого** человека (как «счастье», «любовь» и другие...ценности» [19, с. 21]. Это опять же возвращает нас к представлению о *целостном мировоззрении* – ключевому понятию филологической концепции А.А. Кораблева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кораблев А.А. Терминосфера Донецкой филологической школы / А.А. Кораблев // Тезаурус идей и понятий Донецкой филологической школы / сост. А.А. Кораблев. – Донецк: ДонНУ, 2012. – С. 11–22.
2. Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 560 с.
3. Кораблев А.А. Между Сциллой и Харибдой / А.А. Кораблев // Литературоведческий сборник. – Вып. 23–24. – Донецк: ДонНУ, 2005. – С. 213–217.
4. Кораблев А.А. «Путь к объективности» М.М. Гиршмана как научная одиссея / А.А. Кораблев // Профессия: литератор. Год рождения:1937: Коллективная монография. – Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2017. – С. 155–163.

5. Кораблев А.А. Поэтика словесного творчества: Системология целостности: монография. – Донецк: ДонНУ, 2001. – 224 с.
6. Эткинд А. Новый историзм, русская версия / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 47: [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin-pr.html>.
7. Кораблев А.А. О структуре таинственного: тайна – загадка – секрет / А.А. Кораблев // Литературоведческий сборник. – Донецк, 1999. – № 1. – С. 11–17.
8. Кораблев А.А. Пределы филологии: монография / А.А. Кораблев. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2008. – 261 с.
9. Кораблев А.А. Мастер. Астральный роман. Часть I, II, III / А.А. Кораблев. – Донецк, 1996, 1997.
10. Кораблев А.А. Темные воды «Тихого Дона»: маленькая эпопея / А.А. Кораблев. – Донецк: Лебедь, 1998. – 184 с.
11. Кораблев А.А. Криптография «Мертвых душ» / А.А. Кораблев // Радуга. – Киев, 2009. – № 8. – С. 103–131.
12. Кораблев А.А. Теоретические аспекты литературной криптографии / А.А. Кораблев // Актуальные проблемы филологии (литературоведческий сборник): Материалы международной научной конференции, г. Донецк, 24 мая 2016 г. – Вып. 55–56. – Донецк: ДонНУ, 2016. – С. 23–27.
13. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Традиции и рефлексии / А.А. Кораблев. – Вып. 3. – Донецк, ДонГУ, 2000. – 265 с.
14. Tribble K. Aleksandr Aleksandrovich Korablev. Predely filologii / Keith Tribble // Slavic and east european journal. – Los Angeles: University of southern California, 2011. – Vol. 55. – № 2. – P. 302–303.
15. Домашенко А.В. Об интерпретации и толковании: Монография / А.В. Домашенко. – Донецк, 2007. – 276 с.
16. Домашенко А.В. Филология как проблема и реальность / А.В. Домашенко. – Донецк, 2011. – 175 с.
17. Кораблев А.А. Принципы диалогической поэтики / А.А. Кораблев // Целостность литературного произведения и проблемы его анализа: сборник науч. статей / отв. ред. М.М. Гиршман. – Донецк: ДонГУ, 1991. – С. 22–31.
18. Поспишил И. Новые измерения и трансценденции исследования литературы/языка и русские особенности / Иво Поспишил // Slavica Slovaca. – 2010. – № 2. – С. 171–177.
19. Компаньон А. Демон теории: теория литературы и здравый смысл / Антуан Компаньон; пер. С. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 334 с.
20. Кравченко О.А. Целесообразность эстетического / О.А. Кравченко // Литературоведческий сборник. – 2002. – № 10. – С. 163–168.
21. Кораблев А.А. О поэтической изобразительности и эстетической целесообразности / А.А. Кораблев // Литературоведческий сборник. – Донецк, 2002. – № 10. – С. 168–181.
22. Кораблев А.А. Предисловия / А.А. Кораблев, Н.В. Хаткина. – Донецк: Точка опоры, 2011. – 48 с.

Поступила в редакцию 31.08.2019 г.

AXIOLOGICAL INTERPRETATION OF POETIC CREATIVITY IN A. A. KORABLEV'S CONCEPTION

O.R. Minnullin

The paper is a second part of the review of theoretical and literary views of Donetsk philologist Alexander Korablev. The article discusses the genre and stylistic features of his philological works, Mystery as a category of poetics, teleology of reading, as well as the scholar's views on the category of taste, his concept of criteria for artistic value and other issues.

Key words: A.A. Korablev, reader, taste, axiology, artistic value hierarchy, criteria for artistry.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: papulia@yandex.ru

УДК 811.111.81'37

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2019. *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу типов коммуникативных стратегий и тактик, которые используются в современном англо-американском политическом дискурсе, рассмотрены современные подходы к определению стратегий и тактик, а также их классификации согласно различным основополагающим критериям. В статье уточняется понятие коммуникативной стратегии и тактики, описывается специфика их реализации в современном англо-американском политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, диалогическое единство, стратегия, тактика.

Определяющими особенностями политического дискурса являются информативность, идеологическая направленность, интертекстуальность, мифологичность. Политический дискурс рассматривается как форма социального действия, определяемая конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия политического дискурса позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом к проблемам политической коммуникации и дискурса, в котором язык рассматривается как средство осуществления социальной власти.

Цель исследования – выявить типы коммуникативных стратегий и тактик, которые используются в современном англо-американском политическом дискурсе и особенности их использования для манипуляции сознанием адресата.

Политический дискурс и политический язык объединяет сфера социальной деятельности – политика. Являясь особой подсистемой национального языка, политический язык предназначен для политической коммуникации и пропаганды своих идей, информационного влияния на членов социума, побуждения к определенным политическим действиям с целью одобрения принятых для власти социально-политических решений в условиях существования разнообразных мнений в обществе.

Выделение в политическом дискурсе институциональности определяет значимость функционирования личности у власти. Под языковой личностью подразумевается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые разнятся по уровню структурно-языковой сложности, глубине и точности отображения действительности при условии определенной целевой направленности.

Языковая личность реализуется в определенном, характерном для нее, стратегическом и тактическом комплексе, который предусматривает наличие набора разноуровневых языковых средств, которые необходимы для создания текстов, где понятия стратегия и тактика получают особое значение для языковой личности в целом

и личности политика, и представляют собой оптимальную реализацию интенций того, кто говорит, направленную на достижение определенной, конкретно поставленной цели общения, согласованной с личностными и психологическими характеристиками участников коммуникативного процесса и обусловленных коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормам в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения.

В нашем исследовании языковая личность рассматривается с позиции ее реализации в коммуникативных стратегиях и тактиках англоязычного политического дискурса и языковых средств ее выражения. Общий стратегический и тактический комплекс для политиков Великобритании и США обусловлен их статусом в политической системе страны, а также единой концепцией ее развития. В свою очередь, отличия обоснованы фактами собственной биографии, жизненным опытом и личностными характеристиками политиков и, как следствие, их индивидуальными вербальными и невербальными характеристиками.

Планирование речевой деятельности подчиняется стратегиям и тактикам. Понятие стратегии и тактики часто используются в исследованиях по прагматике. Однако при этом остается актуальной проблема толкования этих терминов, так как лингвисты не пришли к единому мнению о том, что они обозначают. Стоит при этом отметить, что наименования коммуникативная стратегия и речевая стратегия тождественны и обозначают наиболее общие понятия. Рассмотрим некоторые наиболее распространенные подходы к трактовке стратегий и тактик.

Иногда понятие стратегии рассматривается как цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств. С другой точки зрения, стратегия – реализация набора целей в структуре общения. По мнению М.Л. Макарова, эти два подхода дополняют друг друга, они вместе намного полнее раскрывают природу языкового общения и его строение. Каждое высказывание, как и их последовательность, выполняет множество функций и преследует множество целей, в связи с чем говорящим выбираются языковые средства, которые оптимально соответствуют имеющимся целям [15].

Коммуникативная стратегия (далее КС) – вид коммуникативного поведения или коммуникативного воздействия, во время которого говорящим используются различные вербальные и невербальные средства для достижения определенной коммуникативной цели. Конечной коммуникативной целью коммуникативной стратегии адресанта является коррекция картины мира адресата.

Коммуникативная тактика (далее КТ) представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. КС соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели [1].

Согласно утверждения Е.А. Селивановой, КС – это составляющий компонент эвристической интенционной программы планирования дискурса, его проведения и управления, с целью достижения единого результата эффективности, обмена информацией и коммуникативного воздействия. Принцип стратегичности дискурсивной деятельности, под которой понимается разновидность речевой деятельности, направленный на осознанное и целенаправленное образование целостных речевых произведений – обуславливает наличие КС [20].

Существует конкретная типология стратегических целей: 1) проинформировать, конкретно и объективно дать представление о предмете разговора; 2) убедить – склонить к своему мнению, применяя нужные аргументы и доказательства, апеллируя в

первую очередь к разуму собеседника, к его жизненному опыту; 3) побудить к действию – призвать, убедить собеседника в необходимости действия таким образом, чтобы ответной реакцией было прямое действие [10].

В зависимости от степени «масштабности» намерений, КС могут характеризовать конкретный разговор с его конкретными целями и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей. Этот факт обуславливает разграничение стратегий на общие и конкретные.

Конкретная коммуникативная интенция действия, коммуникативный смысл и интерактивный режим (выбор манеры, стиля, жанра и т.п.) – являются основой КС. По словам О.С. Иссерс, «вербальная коммуникация строится на основании представлений о речевом акте (или серии речевых актов), коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и адресата, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом. Сама же стратегия определяет выбор языковых средств, стилистических приемов и прагматических маркеров» [12].

Очевидным является то, что коммуникативные стратегии и тактики, при соблюдении конвенций, принципов, правил коммуникации служат для достижения поставленных целей. Стратегии связаны с общей идеей конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию адресанта: чем выше его компетентность в языке и речи, в использовании постулатов и правил общения, тем многообразнее стратегии и тактики, и тем успешнее он добивается поставленных целей. Считается, что чем более официальная обстановка общения и социальные роли говорящих, тем более жесткий план, более стереотипные рамки и строже контроль за стратегиями и тактиками [11].

Стратегический план и тактические ходы тесно связаны. Стратегическая цель может быть направлена на завоевание авторитета или желание понравиться, на передачу партнеру новых знаний, на изменение его мировоззрения, на создание хорошего настроения (или изменение на лучшее), на запугивание партнера, лишение его воли и способности сопротивляться, выведение из психологического равновесия, на убеждение сделать нечто, предостережение от необдуманного поступка, на воздержание от критики, и тому подобное [17]. Стратегический план может реализовываться с помощью целого ряда тактических ходов. Цепочка тактических ходов образует типизированные тексты общения соответственно сценариям коммуникативных эпизодов.

Имеющиеся в литературе типологии исходят из определенной сферы общения и формы коммуникации, разделение коммуникативных стратегий в диалоге на интерактивные, обусловленные социально-ролевым статусом коммуникантов, интерпретативные (логического следования) и руководящие (руководство вниманием партнера) или приспособленные к речевым актам разных типов конкретные стратегии в отличие от общих [9].

С точки зрения функциональности О.С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалогические и риторические) стратегии. Основной называется стратегия, которая на этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относят те, которые непосредственно имеют компонент воздействия на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективному диалогическому взаимодействию, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи,

коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантической стратегии). В связи с этим выделяют стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоциональные компоненты стратегии и др. Коммуникативная ситуация диктует выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции адресанта [12].

Прагматические стратегии связаны с составляющими коммуникативной ситуации: автором, адресатом, каналом связи, коммуникативным контекстом. Диалогические и коммуникативные стратегии используются в конверсационном анализе диалога.

Риторические стратегии определяют тактику формирования стилистических приемов и фигур, а также риторических техник воздействия на адресата.

В соответствии с задачами контроля за организацией диалога применяются диалогические стратегии, которые используются для наблюдения за темой, инициативой, степенью понимания в процессе разговора. Риторические стратегии, в рамках которых применяются приемы ораторского искусства и риторические техники влияния на адресата представляют личный тип стратегий.

Наивысшей формой речевого воздействия считается манипуляция, которая реализуется при взаимодействии участников общения, когда говорящий путем скрытого внедрения в психику слушающего желаний, намерений, целей или установок, не совпадающих с теми, что есть у адресата в данный момент, вынуждает последнего перестраивать свое мировоззрение и настроение.

Следует отметить, что КС носит манипулятивный характер, поскольку направлена на изменение поведения адресата, его модели мира, системы ценностей, что входит в цель говорящего. Кооперативный характер КС, способствует эффективности организации диалогического взаимодействия и оптимальному воздействию на адресата [3]. В широком значении, КС – некий тип поведения одного из говорящих в конкретной ситуации диалогического общения, который соответствует плану достижения коммуникативных (или глобальной) целей в рамках типового фреймового сценария [13].

А.А. Романов полагает, что речевая стратегия говорящего как составляющая плана реализации иллокутивного потенциала типового функционально-семантического поля раскрывает через определенные языковые форманты (показатели) иерархическое отношение между глобальной (основной) и тактическими (локальными) целями. Как тип речевого поведения стратегия может быть представлена в виде набора некоторых конститuentов – действий, соотносимых с планом, целями и условиями их достижения. Поэтому стратегию следует рассматривать как некоторую перспекцию того, как различные цели могут и должны быть достигнуты и какой набор действий необходим для этого [19].

Часто стратегии относят к основному уровню осознания коммуникативной ситуации в целом, называя тактиками локальные риторические приемы и ходы речевого поведения [20]. Считается, что КС характеризуется динамичностью. В ходе общения она подвергается постоянной корректировке и изменяющемуся контексту высказывания, Н.П. Формановская считает, что стратегии связаны с общим замыслом конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии [21].

В.Б. Кашкин утверждает, что КС – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [14].

Семантическая стратегия может быть определена как способ индуцирования желательной семантики, которое осуществляется через использование различных языковых ресурсов. Семантические стратегии определяют, как и какими языковыми

средствами цель может быть достигнута. Следовательно, стратегии этого типа имеют непосредственное отношение к выбору семантических, стилистических и прагматических средств. Возможность достичь цели разными путями находит отражение в понятии речевой тактики, которая в некоторой степени соотносится с понятием семантического хода у ван Дейка [7].

В нормативном общении различают жесткие, мягкие и гибкие дискурсивные стратегии. В понятие жесткой дискурсивной стратегии вкладывается линия речевого поведения личности, которая в любой коммуникативной обстановке сознательно нарушает принципы, нормы и конвенции общения ради достижения цели в кратчайшие сроки. Мягкая дискурсивная стратегия – это линия речевого поведения личности, которая в любой коммуникативной обстановке для достижения цели стремится соблюдать принципы, нормы и конвенции общения. При осуществлении гибкой дискурсивной стратегии в зависимости от коммуникативной обстановки языковая личность либо сознательно нарушает принципы, нормы и конвенции общения, либо стремится соблюдать их [18].

Высказывание, рассматриваемое с точки зрения речевой деятельности, и ее частных проявлений – конкретных речевых действий – обладают структурой, основными компонентами которой являются оценка ситуации речи, формирование задачи действия и выбор языковых средств. В оценке говорящего, присутствует ориентация на слушающего. В зависимости от ожидаемой или осуществляемой в процессе реализации высказывания реакции слушающего перечисленные компоненты структуры речевого действия способны модифицироваться [6].

Инициатор общения строит образ адресата часто неосознанно. В этот образ входят следующие характеристики: 1) отношение к социальному статусу; 2) отношение к коммуникативному статусу (в момент общения); 3) эмоциональное отношение коммуникантов друг к другу; 4) отношение к самому факту общения; 5) отношение к необходимости общения для коммуниканта (общение необходимо или навязано); 6) отношение к результату эпизода общения: соответствует ли цель общения целям коммуниканта, его интересам, противоречит ли им или не затрагивает их; 7) интерес – отношение к результату деятельности (на кого и как она влияет); 8) отношение к исполнению программируемого действия (к распределению обязанностей); 9) отношение к информации, необходимой для реализации деятельности; 10) отношение к умению совершения деятельности (способен, не способен); 11) отношение к ведущей роли в эпизоде (коммуникативная роль: инициатор общения, адресат); 12) отношение к управлению деятельностью (кто обладает властью и поэтому может запрещать или разрешать); 13) отношение ко времени (когда должна совершиться деятельность: до, теперь, после) [5].

Исходя из данного образа, коммуникант должен определить, какие параметры адресата он должен изменить, выбрав при этом центральную характеристику. Такое действие мы считаем стратегией. То есть стратегия связана с тем, что человек решает, что нужно изменить и нужно ли изменить вообще. Руководствуясь своей стратегией, коммуникант выбирает кооперативное или некооперативное, вежливое или невежливое поведение.

Тактика – это уже выработка того, как добиться осуществления стратегии, на какие другие параметры собеседника нужно оказать влияние. В отличие от стратегий, тактики, обобщением которых являются принципы общения, конвенциональны, установлены культурой. Они ориентируются на многие параметры адресата и условия общения. Коммуникант решает, соответствует или не соответствует форма высказывания данным условиям, нужен ли конкретный речевой акт.

Тактика соотносится с конкретными речевыми актами или ходами и определяется социально-психологическими параметрами. Таким образом, стратегия задается

коммуникативной ролью в эпизоде общения, а оформление коммуникативной роли – тактическая характеристика. При этом задача инициатора общения состоит в том, чтобы выбрать хорошую тактику для стратегии. Задача адресата в диалоге – за всеми тактическими приемами инициатора усмотреть стратегию. Исследование коммуникативных стратегий и тактик позволяет формулировать и уточнять предписания речевого поведения носителей языка, углублять описание смысла высказывания [4].

Под стратегией в политическом дискурсе понимается оптимальная реализация интенций говорящего, направленная на достижение определенной цели общения, согласованная с личностными (статусно-ролевыми) и психологическими характеристиками участников коммуникативного процесса и обусловленная коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормам в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения [19].

При исследовании стратегий и тактик в политическом дискурсе существенным является так называемый «фактор власти»: 1) завоевание или приход к власти в результате предвыборной кампании; 2) удержание власти путем доказательства эффективности работы ее институтов. Если первый этап предусматривает наличие комплекса фронтальных стратегий и тактик, то второй этап предусматривает доминирование кооперативных стратегий.

В политическом дискурсе Е.И. Шейгал выделяет такие виды стратегий: стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты); стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение); стратегия анонимности как прием снятия ответственности [22]. Стратегии дискредитации и самопрезентации в политическом дискурсе на материале письменных текстов СМИ проанализировала О.С. Иссерс [12].

А.И. Башук рассматривает коммуникативные стратегии как часть политического ритуала. Автор выводит коммуникативные стратегии, которые апеллируют к социально-политическому контексту речи, а именно стратегию государственности, стратегию посвящения, стратегию официального дискурса, стратегию признания проблемы, стратегию декларации новых политических принципов [2].

Стратегии и тактики речевого общения воплощаются в определенных коммуникативных поступках, которые определяются очень важными составляющими сообщений, которые, в свою очередь, формируют дискурсы как категории общения. Идеальная структура политического дискурса рассматривается как структура с реализованной первичной стратегией и с учетом фактора вежливости [10], где под первичной стратегией в политическом дискурсе понимается стратегия гармонизированного речевого поведения по принципу коммуникативного сотрудничества. Стратегия гармонии основывается на принципе речевой поддержки и непосредственно вытекает из теории речевой аккомодации.

Владение стратегиями и тактиками речевой коммуникации зависит от коммуникативной компетенции того, кто говорит, его психологического состояния – степени комбинаторности мышления и владения своим эмоциональным состоянием, способностью варьировать свое речевое поведение, изменять речевые тактики в зависимости от возраста, пола коммуникантов, ориентации в психологической, когнитивной и других сферах адресата. В неконфликтном (кооперативном) общении в рамках политического дискурса его стратегию определяют поиски и набор языковых способов представления, формирование благоприятной атмосферы взаимодействия всех участников коммуникации.

Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе дают возможность эффективно достичь цели дискурсивного плана (проинформировать, обратиться с просьбой), или вообще ориентированы на достижение более общих социальных целей (установление или поддержание статуса, проявление / подтверждение доминантности).

Кооперативное политическое общение является конвенциональным, плодотворным и конструктивным, поскольку основывается на поддержке коммуникантами определенных принципов.

В своем диссертационном исследовании О.Н. Паршина делает вывод о том, что в зависимости от особенностей и типа языковой личности, используя возможность выбора, политики используют коммуникативные стратегии и тактики по-разному. Из всего возможного потенциала стратегий и тактик политик выбирает те речевые способы, которые формируют его политический речевой стиль и имидж в целом. Как основные ученый выделяет такие стратегии: самопрезентации, борьбы за власть, удержание власти, убеждения и около 30 тактик, например: тактика обвинения, критики, предписания путей решения проблем [16].

Стратегии в политическом дискурсе отличаются лабильностью и динамикой в процессе общения они могут изменяться, корректироваться как слушателем, так и говорящим. Неконфликтное общение в политическом дискурсе возможно тогда, когда выбранная говорящим коммуникативная тактика отличается достаточной коммуникативной компетенцией для того, чтобы согласовать коммуникативные намерения с коммуникативной целью.

В неконфликтном (кооперативном) общении в рамках политического дискурса его стратегию отличает поиск «общего языка», то есть основ диалогического сотрудничества: подбор языковых средств, представления реального состояния вещей, выбор тональности общения, формирование благоприятной атмосферы взаимодействия участников коммуникации и т.п.

Таким образом, коммуникативные стратегии, используемые в политическом дискурсе, могут быть разделены на основные (в процессе коммуникативного взаимодействия последние являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей) и вспомогательными (способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата).

Каждая коммуникативная стратегия в политическом тексте реализуется посредством целого спектра коммуникативных тактик, которые в свою очередь реализуются при помощи определенных лексико-синтаксических средств и риторических приемов. Некоторые тактики могут использоваться в рамках различных коммуникативных стратегий. Конкретные ходы и приемы позволяют воплотить и навязать авторскую точку зрения, манипулировать общественным сознанием.

Коммуникативные стратегии и тактики в современном англо-американском политическом дискурсе дают возможность эффективно достичь цели дискурсивного плана или вообще ориентированы на достижение наиболее общих социальных целей, таких, как установление или поддержание статуса, завоевание или удержание власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н.Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Высшая школа. – 1983. – С. 11–13.
2. Башук А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста / А.И. Башук // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Т. 19 (58). – 2006. – № 2. – С.9–45.

3. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Наука. – 1987. – С.88–125.
4. Богданов В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения. – Калининский гос. ун-т. – Калинин. – 1989. – С.25–37.
5. Богушевич Д.Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации / Д.Г. Богушевич. – М.: Наука. – 1987. – С.88–125.
6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука. – 1993. – 172 с.
7. Герасимова И.А. Практический курс по аргументации / И.А. Герасимова. – М.: Наука. – 2003. – 35 с.
8. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М.: Зарево. – 1997. – 24 с.
9. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. – С. 134.
10. Дейк Т.А. ван Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
11. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков. – М.: Наука. – 1989. – Т. 41. № 4. – 1982. – С. 327–337.
12. Иссерс О.П. «Паша «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О.П. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1997. – №2. – С.51–54.
13. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс – Волгоград. – 2000. – С.5–20.
14. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ. – 2000. – 175 с.
15. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 2003. – 280 с.
16. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2006. – 302 с.
17. Плахотная Ю.И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте / Ю.И. Плахотная. – Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – 135 с.
18. Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности / А.А. Пушкин // Личностные аспекты языкового общения. Калинин: Радуга. – 1989. – С.45–54.
19. Романов А.А. Политическая лингвистика / А.А. Романов. – Москва-Тверь, 2002. – 190 с.
20. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – 2006. – 717 с.
21. Формановская Н.П. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.П. Формановская. – Н.П. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. – 1998. – 291 с.
22. Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса / Е.И. Шейгал // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. – Волгоград, 2000. – Вып.1 – С. 157–161.

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN MODERN ANGLO-AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

I. V. Fatyanova

The paper deals with the analysis of the types of communicative strategies and tactics used in Modern Anglo-American political discourse, current approaches to the definition of strategies and tactics, and their classification according to various fundamental criteria are considered. The notion of communicative strategy and tactics is specified, the specific character of their implementation in Modern Anglo-American political discourse is described.

Key words: political discourse, political communication, dialogical unity, strategy, tactics.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры английской филологии.

E-mail: irafatianova@mail.ru.

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Assistant Professor of English Philology Department.

E-mail: irafatianova@mail.ru.

УДК 81-26

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФРАГМЕНТОМ ИДИОЛЕКТА А.А. БЛОКА:
ПРЕДИКАТНО-АКТАНТНОЕ ПОЛЕ «ПЕТЬ»**

© 2019. А.А. Шульдишова

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Глагол *петь* кроме основных зафиксированных словарями значений, в поэтическом языке А. Блока приобретает иные. Они оформляются с помощью разнообразных, в том числе, оригинальных способов и приёмов употребления, различных речевых средств и индивидуально-авторской сочетаемости имён объектов с лексемой *петь*. Созданный поэтом ряд значений нужно непременно учитывать при изучении закономерностей словоупотребления поэтом «музыкальной» лексики.

Ключевые слова: глагол *петь*, конгенеративная поэтика, «музыкальная» лексика, совокупная семантика, сочетаемость.

*Будучи братьями литературы, мы вместе с тем
должны быть братьями других искусств: музыки
и танца. Мы должны быть ритмичными и верными
музыке, потому что великая задача сегодняшнего
дня – напоить и пронизать жизнь музыкой ...*

[1, т. 6, с. 349]

Музыка, по мнению подавляющего большинства блоковедов, была исключительно значима для творчества поэта. А. Блок создал свой уникальный «музыкальный» язык. В его составе достаточно внушительный набор «музыкальных» слов: *музыка, песня, танец, скрипка, арфа, гармоника, свирель, зурна* и т.д. Нас будет интересовать глагол *петь*. Приёмы употребления этого слова определяются рядом факторов, связанных с восприятием поэтом музыки и её образов: 1) впечатлениями от прослушивания музыкальных произведений различных жанров (преимущественно, оперных), 2) осмыслением отношения к миру и событиям музыкальной жизни в «музыкальную» эпоху «сквозь призму» музыки, 3) влиянием музыки на поэтическое мироощущение и прочее. Иными словами, с индивидуально-авторским опытом ощущения мира в ауре музыки.

Глагол *петь* в художественном мире А. Блока, обогащённый и преобразованный окказиональной сочетаемостью, порождает оригинальные смыслы и значения. В поэтических текстах писателя зафиксировано 178 случаев употребления этого слова и его производных. Отдельную группу составляют употребления в эпистолярных текстах, записных книжках, дневниковых записях, критических заметках и статьях. Оригинальные способы употребления различных словоформ глагола *петь* являются особой приметой идиолекта автора. Значимую роль играет по-блоковски творческий характер сочетаемости лексики предметного ряда с глаголом *петь* при обрисовке лирических образов, что позволяет отнести эту особенность языка поэта к важнейшей характеристике его индивидуального стиля.

Прежде всего, необходимо указать, что поэт использовал глагол *петь* в сочетании с именами существительными в прямом или переносном значении в составе группы «музыкальных образов». Кроме слова *песня*, использовались названия музыкальных инструментов (*скрипка, зурна, свирель* и пр.), наименования климатических явлений и объектов природы (*ветер, вьюга, гроза, пыль, море, ручей, ландыш* и пр.), названия

различных, часто неожиданных, неодушевлённых предметов (*корабль, рельсы, чугун, хрусталь, медь, кровь* и пр.).

Изучение характера порождения смыслов в минимальных контекстах с глаголом *петь* позволило понять закономерности поиска и употребления А. Блоком лексем, составивших группу «омузыкальных» понятий. Музыкальные образы в лирике обусловлены индивидуальной авторской гармонизацией услышанного или представленного воображением, конгенеративной поэтикой сочетаний глагола *петь* с другими словами. Глагол *петь* у Блока включает самые разные семантические оттенки. Они так же, как и другие средства поэтической выразительности, участвуют в создании центральных образов стихотворений. В творчестве поэта репрезентирована целая «гамма» таких смыслов. Для наглядности изложения все тексты условно разделим на группы и представим результаты анализа значений глагола *петь* и его производных в «трилогии» А. Блока.

Академический словарь русского языка в 17 т. [3] слово *петь* зафиксировал с шестью значениями. В поэтическом творчестве А. Блока наряду с точным соответствием глагола *петь* указанным словарным значениям, встречаются и осложнённые влиянием ближайших к нему контекстов семантические нюансы, и индивидуально-авторские окказиональные употребления.

В первой группе значений ('*издавать голосом музыкальные звуки; передавать голосом музыкальные произведения*') выявлены 25 случаев.

В текстах поэта используются следующие разновидности этого значения:

а) в значении '*издавать голосом свистящие, щёлкающие и т.п. звуки, обладать способностью издавать такие звуки. О певчих и некоторых других птицах*': / *Она вещает и поет, / Не в силах крыл поднять смятенных* / (один пример).

б) в значении '*музыкальные звуки, которые передаёт голосом человек*': / *А там, далеко, из-за чащи лесной / Какую-то песню поют* /; / *Бродят и песни поют* /; / *А девушка, венки сплетая, / Всё пела, плача и смеясь* /; / *Бросает кудри золотые, / Тихонько плачет и поет* /; / *Кто на руле – прекрасный и влюбленный – / Тебе поет и гладит шелк кудрей?* /; / *И на руле – влюбленный и прекрасный / Тебе поет и гладит шелк кудрей* /; / *Сильные юноши сели у весел, / Скромные девушки взяли рули. / Плыли и пели, и море пьянело ...* /; / *Мы ребенку кудри чешем, / Песни длинные поем* /; / *И умерло. А губы пели* /; / *Не этот голос пел вчера / С гитарой вместе на эстраде!..* /; / *Обожги меня голосом, взором, / Ксюша, пой!* / *И гортанные звуки / Понеслись ...* /; / *А голос пел: Ценою жизни / Ты мне заплатишь за любовь!* /; / *А в саду кто-то тихо смеется, / И потом – отойдет и поет* /; / *Рубили деды сруб горячий / И пели о своем Христе* /; / *В зеленых плакали и пели* /; / *Меньшая – скачет и поет* /. К этой же группе мы отнесли примеры, в которых поют мифические существа: / *И на камнях поют наяды* /; / *Дочка, то сирена поет* /; / *Золотую птицу мы увидим во сне. / Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты, / А корабль уплывал к весне* /. В пяти случаях это значение под влиянием контекста окрашено коннотациями, сопутствующими представлению о 'молитве, духовном пении, содержащем благодарность, восхваление, просьбу': / *В праздник Благовещенья пели псалом* /; / *Девушка пела в церковном хоре / <...> / Так пел ее голос, летящий в купол,* /; / *Мы стелемся над алтарем, / <...> / И Мэри светлую поем* /; / *И на амвоне женский голос / Поет о Мэри без конца* /; / *Словно здесь, где пели и кадили* /. 1 раз это же значение дополнено метафорой-оксюмором, подчёркивающим 'приподнятое настроение, ощущение радости, счастья': / *Душа горела, голос пел, / В вечерний час звуча рассветом* / (всего 18 примеров).

В значении ‘исполнять оперную партию; выступать на сцене, в театре в качестве певца, певицы’ глагол *петь* использован А. Блоком один раз (*И тенор пел на сцене гимны / Безумным скрипкам и весне* /).

В следующем значении ‘мелодично звучать, издавать певучие звуки, о музыкальных инструментах’ глагол *петь* поэт использовал 23 раза, из них в шести случаях речь идет о музыкальных инструментах (*Так пела с детских лет / Шарманка в низкое окно, / И вот – я стал поэт* /; / *И поют, поют рога* /; / *А здесь – какая-то свирель / Поет надрывно, жалко, тонко* /; / *Один я стою и внимаю / Тому, что мне скрипки поют / Поют они дикие песни / О том, что свободным я стал!* /; / *Свирель поет: взошла звезда, / Пастух, гони стада* /; / *С неожиданной силой пел рояль* /). Заслуживает упоминания отмеченный в Академическом словаре пример из стихотворения А. Блока «В ресторане» (*Я сидел у окна в переполненном зале, / Где-то пели смычки о любви* /). По нашему мнению, в этом блоковском контексте отчётливо переносное (синецдоха) значение. В иных случаях актуализируются другие варианты метонимии:

а) ‘мелодии, звуки и т.п. поют предметы, не имеющие отношения к музыкальным инструментам’: / *А там, в решотке балкона, / Шатался и пел чугунок* /; / *Там поют <...> / Голоса корабельных сирен* /; / *Поет, краснея, медь. Над горном* /; / *Пели гимн багряным зорям* /; (корабли – А. Ш.); / *Только флюгарка на крыше / Сладко поет о грядущем* /; / *Страшный колокол будет вам петь!* /; / *Его винты поют, как струны* /; / *Там, еле слышный и незримый, / Пропеллер продолжает петь* /; / *Поют и плачут хрустали* /. Глагол *петь* в сочетании с образами водной стихии реализует семантику ‘журчать, шуметь, бурлить’: / *Там поют <...> / Переплески далеких морей* /; / *Как пела тихая вода* /; / *Вдалеке поют ручьи* /; / *О том, что под землей струи / Поют, <...>* /; / *Поет ручей, цветет миндаль* /; / *И под мостом поет вода* /. Следующий контекст *Здесь весной кипит веселье, / И река поет / Но в предвестие веселий, / В день весенних бурь / К нам прольется в двери келий / Светлая лазурь* / в содержательном плане отличается от предыдущих. Здесь семантика глагола *петь* осложнена ‘чувством надежды на будущую встречу, мечтанием’. Контекст: / *Поет и блещет розовая пена* / реализует иную коннотему – ‘избыток чувств, страсть’. В последнем примере семантическая палитра дополняется значением ‘увлекать, возбуждать’: / *Ведет – и вижу: глубина, / <...> / Течет она, поет она, / Зовет она, проклятая* / (18 примеров).

б) ‘о погодных явлениях, ветре, метели и т.п.’: / *Слаще пой ты, вьюга* /; / *И зимний ветер нам навстречу.* / <...> / *Поет и задувает свечи* /. Другие блоковские контексты, связанные с образами поющего ветра, поющей метели, вьюги, являются не столько указаниями на источники звука, сколько символизируют ‘образы любви-страсти’: / *Вьюга пела* /; / *Кто-то белый помогал / <...> / И кружил, и пел в тумане* /; / *Так пускай же ветер будет / Петь обманы, петь шелка!* /; реализуют семантику чувственных проявлений ‘предвкушение встречи, воображение чего-нибудь ожидаемого, надежда’: / *И ветер поет и пророчит / Мне в будущем – сон голубой* /; / *И некий ветер сквозь бархат черный / О жизни будущей поет* /; и значение ‘увлекать, возбуждать’: / *Метель поет. Твой голос – внятней.* /; / *И целовать твой шлейф украдкой, / Когда метель поет, поет* /. Наряду с романтической мажорной тональностью реализуются и минорные ноты (семантика ‘смерти’): / *И ветер ночной поет в окно / Напевы сонной панихиды* / (10 примеров).

В значении ‘долго и много говорить о ком-, чём-либо’ глагол *петь* у А. Блока нами не выявлен.

Многочратно поэт использовал лексему *петь* в значении ‘слагать стихи, поэмы и т.п.’: / *Ты много жил, я больше пел ...* /; / *Пока спокойною стою / Иду, и мыслю, и*

пою /; / *Мой дух обнаженный / Для всех поет* /; / *Поет, вопием и верим,* /; / *Но сам – задумчивей, чем был, / Пою и сдерживаю речь* /; / *Но надо плакать, петь, идти, / Чтоб в рай моих заморских песен / Открылись торные пути* /; / *Всегда пою – всегда невучий, / Клубясь туманами стиха* /; / *Я коротаю жизнь мою. / <...> / А завтра – плачу и пою* /; / *И вместе с ветром петь* /. В следующих примерах это словарное значение в блоковском контексте приобретает дополнительную коннотативную окраску: 1) ‘удовольствие, наслаждение, вдохновение’: / *И я живу, пою, пока поется* /. К этой группе примыкают и другие семантические модуляции вышеприведённого значения: 1) / *Буду петь, вверяясь грустной лире, / Буду сердцем о Любви рыдать* / – ‘о поэтическом творчестве (томиться, тосковать, страдать)’; 2) / *И нет разлуки тяжелей: / Тебе, как роза, безответной, / Пою я, сержый соловей, / В моей темнице многоцветной!* / – ‘утрата, огорчение’.

Перемены, происходящие в эмоциональном состоянии творца переданы поэтом через модификацию значения – ‘творчество (пробуждение творческого вдохновения, воодушевление, подъём)’: / *Очарованный музыкой влаги, / Не могу я не петь, не плясать* /; / *Пел молитвы сосне* /; / *Слышишь песню мою? Я крушу и пою / Про весеннюю Сольвейг мою!* /; / *И песни петь! И слушать в мире ветер!* /. В цитируемом контексте / *То для меня мечта поет, / То веет таинством прекрасным* / творческое вдохновение связано с представлением желаемого, любимой, долгожданной; со страстью, влечением. В нескольких контекстах глагол *петь* употреблён поэтом с другими содержательными акцентами: а) как олицетворение акта творчества: / *И что мне снится / В моей темнице, / Когда поет / Такая птица?* /; б) как олицетворение снижения творческого потенциала: / *Вот моя птица, когда-то веселая, / Обруч качает, поет на окне* /. Аналогичную семантическую тональность ‘апатия, пассивность, спад’ реализует контекст / *Кольцом железной боли голова; / И я, который пел когда-то нежно, – / Отверженец, утративший права!* /. Также слово *петь* может передавать значение ‘чтение-исполнение стихотворений’ – / *Я пел мой стих ...* / (21 пример).

В последнем из зафиксированных словарём значений (‘восхвалять пением, стихами, воспевать в стихах, песнях кого-, что-либо’) в поэтическом языке Блока глагол *петь* присутствует практически всегда то как сема, сопутствующая основной, то как единственный образный смысл: / *Безвестный раб, исполнен вдохновенья, / Тебя поет. Его не знаешь Ты* /; / *Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет* /; / *И он встречал ее в тени, / А я следил и пел их встречи* /; / *Он пел о буре, о ненасти / И помнил битвы вдалеке* /; / *И я пою, всё так же стройно, / Мечту родного корабля* /; / *Что о тебе, тебе пою, / И песням нет числа!..* /; / *Да, был я пророком, пока это сердце молилось, – / Молилось и пело тебя, но ведь ты – не царица* /; / *Пушкин! Тайную свободу / Пели мы вслед тебе!* /. В примере: / *Я буду петь тебя, я небу / Твой голос передам!* / ошутима дополнительная семантическая окраска – ‘поэтизация объекта восхищения’ (9 примеров).

Отдельного упоминания заслуживает пример символической метафоры, в которой природный феномен, *вихрь* наделён способностью исполнителя фольклорных текстов: / *И вихрь, свистящий в голых прутьях, / Поет преданья старины* /.

В приведённых примерах слово *петь* отражает значения, выделенные Академическим словарём. Однако именно индивидуально-авторская метафоризация значения (не указанная словарём), отождествление *пения* с теми или иными «разнотембровыми» чувствами лирических героев, связанная с воплощением А. Блоком сюжетной линии трилогии, оказывает влияние как на конгенеративную поэтику сочетаний с глаголом *петь*, так и на контекстную ауру «романа в стихах» в целом.

С помощью слова *петь* поэт не просто метафоризовал лирическое чувство, но омузыкаливал его, «гармонизовал» высказывания в мажорной и минорной тональностях.

Он существенно дополнил словарные значения глагола *петь*. Наиболее часто в языке поэта встречаются метафорические значения, связанные с образом возлюбленной, Прекрасной Дамы. Так, в поэтических контекстах: / *А в сердце, замирая, пел / Далеким голосом песнь рассвета. / Рассвета песнь, когда заря / Стремилась гаснуть, <...> /; / При взгляде на нее мне вспомнится другая: / Счастливое дитя, что молодость поет /; / Вчера еще были объятия, / Еще там улыбалось и пело /; / Не верили. А голос юный / Нам пел и плакал о весне /; / Вдруг – малый домик на поляне, / И девочка поет в лесу / метафоры являются символом воспоминания, представления Её в мыслях. В блоковских текстах образ *пения* часто звучит, как предвестник встречи, предвкушение радости: / **Ты** одна меж задумчивых сосен – / **И поешь** о вечерней любви /.*

Глагол *петь* Блок использует и при создании образа возлюбленной. Одним из штрихов к портрету становятся чувства лирической героини: / *Когда же мне пела она про любовь /*. Сходная поэтика характерна и для ряда других контекстов (/ *О, обманчивый голос! Певучая трель! / Ты поешь и не просишь ответа! /; / Томный голос пением нежным / Мне поет о южных ночах /; / Валентина, звезда, мечтанье! / Как поют твои соловьи ... /*). Другие сходные контексты: а) / **Ты**, как заря, невнятно догорала / В его душе – и пела обо мне / и / Щеки бледны от бессонных мечтаний, / И замирающий голос поет /, – связаны с семантикой ‘выражение чувств, влечение, любовь, чувства возлюбленной’; б) / Гуляет в полях **Невидимка**. / Танцует над топью болот, / Кольцом окружающих дома, / Протяжно зовет и поет /; / Он поет и шепчет – ближе, ближе, / Уж над ней – шумящих крыл шатер / (ангел – Ш.А.), – контекстуально реализуют значение ‘увлекать, возбуждать’.

Стоит обратить внимание ещё на одно значение этой лексемы – ‘восхищение Её красотой’ / **Поют торжественно; победно славословят** / (алтари и паникадила – А.Ш.). В некоторых контекстах, описывающих лирическую героиню или символически с ней связанных, семантика высказываний отличается от предыдущих, наполняется тревогой, предчувствием расставания (‘облик «ты» «страшного мира»): / **Пляши и пой на пире, / Флоренция, изменница, / В венке спаленных роз!.. /; / Вам – зеленоглазую наядой / Петь, плескаться у ирландских скал /**.

Приведённые иллюстрации касаются поэтического воплощения лирической героини. Однако стоит обратить внимание и на использование лексемы *петь* при описании лирического героя. Семантическое наполнение этого образа также разнотонально. Большинство стихотворений А. Блока посвящено кругу тем, связанных с мистическим романом поэта и Прекрасной Дамы. Для лирического героя А. Блока также характерна семантическая многозначность используемых «музыкальных» лексических единиц. Образ лирического героя воплощается в ряде «ипостасей». В стихотворениях возникает образ *пения*, как предвестника грядущего пробуждения силой великой любви: / *Мглистой ночью о нежной весне / Будет петь твоя кровь во мне! /*. Следующий метафорический образ служит для выражения восторга, воодушевления, подъёма: / **Пой** любовь, пусть с дивной песней / Голос льется всё сильнее, / Ты прекрасней, ты прелестней, / Чем полночный соловей!.. / . В общий контекст блоковского «романа» органично вписываются метафорические значения а) ‘воспоминание, мысленное воспроизведение Первой любви, образ возлюбленной, мысленное представление Её’: / **Минувших дней молодые были / Пришли доверчиво из тьмы ... / Пришли и встали за плечами, / И пели с ветром о весне /; / Все поют и поют вдалеке, / Кто поет – не пойму; а казалось, / Будто к вечеру там, на реке – / В камышах ли, в сухой осоке, – / И знакомая песнь раздавалась /; / Казалось, там, за дымкой пыли, / В толпе скрываясь, кто-то жил, / И очи странные следили, / И голос пел и говорил /; / Бедный голос среди ночи поет, / Будто прежняя милая тень /;**

б) ‘активация чувств, радостная взволнованность’ – / *Я всех благодарил за слово утешенья / И руки ждал, и пела мысль в крови* /; с) ‘надежда на будущую встречу’, подчёркнутая образом весны: / *Так окрыленно, так напевно / Царевна пела о весне* /.

Следующие стихотворные строки в содержательном плане отличаются от предыдущих. Семантические минорные тональности наблюдаем в контекстах, связанных с а) ‘невозможностью вернуть прошлое’: / *На горе безмятежно поют голоса, / Всё о том, как закат Твой велик* /; б) ‘мотивом несбывшейся надежды’: / *Ты вспомнишь, когда уйду на покой, / Исчезну за синей чертой, – / Одну только песню, что пел я с Тобой, / Что Ты повторяла за мной* /. Семантически близкими являются контексты: / *Теперь Тебе и говорить и петь, / Я буду слушать, плакать неутешно, / Ты сердце-то ведь можешь пожалеть? / О, оправдай, когда Ты так безгрешна!* / и / *Кто же ты, ночью поешь и не спишь? / Кто же ты, голос, обман мне сулишь?* /. В этих стихах они приобретают дополнительное смысловое звучание ‘проявлять любовь’, ‘влечь, соблазнять’. В некоторых контекстах сочетается несколько метафорических значений. К минорным тонам примыкают контексты с семантикой а) ‘тоски по ушедшей любви’: / *Они знают, что мне неведомо, / Но поет теперь лишь одна* /; / *Скучала за стеной и пела, / Как птица пленная, жена* /; / *Не пой ты мне и сладостно, и нежно: / Утратил я давно с юдолью связь* /; б) ‘гибели идеала’ (мотив утраты, апатии): / *Полна усталого томленья, / Душа замолкла, не поет* /; / *И что ж? Моя душа тогда лишь гимн поет*; / и с) ‘безнадёжности пути’: / *Поет нам снег / Седой зимы, / Поет нам снег седой зимы* /.

В дополнение к разговору о семантике глагола *петь* укажем на присутствие ещё нескольких его метафорических значений в текстах А. Блока, не отмеченных словарём. Выявлены контексты, в которых глагол *петь* имеет значения 1) ‘издавать запах (благоухать), цвести’: / *Ландыш пел, Она цвела* / и 2) ‘светиться, блестеть, переливаться разными тонами, играть цветовыми рефлексам’: / *Как белое платье пело в луже* /.

Слово *петь* благодаря присоединению к нему неопределённых местоимений *кто-то, что-то, что* приобретает семантику ‘звуковые проявления неясного происхождения’: / *И часто кажется – вдали, / <...> / Где мы пропели и прошли, / Еще поет и ходит Кто-то* /; / *Что мне поет? Что мне звенит?* /. Сходная семантика характерна и для «обезличенных» глаголов 3 лица: / *Поет, поет... / Поет и ходит возле дома* /; / *Где что-то жжёт, поет, тревожит и горит!* /; / *И там – прекрасное что-то, / Казалось, пело в лугу* /.

В приведённых ниже фрагментах существительные в сочетании с глаголом *петь* употреблены поэтом как синонимы: а) Руси, Родины (/ *Гармоника, гармоника! / Эй, пой, визжи и жги!* /); б) сигнала (/ *Поют боевые рога!* /); в) смерти (/ *Голоса поют, вызывает вьюга, / Страшен мне уют ...* /). В следующих контекстах слово *петь* в сочетании со словами *петушок, рожок* употреблено поэтом как синоним слова *заря* (свидетельством наступления нового дня): / *Пой, петушок оловянный!* /; / *Петухи поют к заутрене, / Ночь испуганно бежит!* /; / *Из страны блаженной, незнакомой, дальней / Слышно пенье петуха. / И в ответ – победно и влюблено – / В снежной мгле поет рожок* /.

Отмечены контексты, связанные с семантикой ‘прошлое’: / *Чтобы воскресший глас Плакиды / Не пел страстей протекших лет.* /; / *Лишь медь торжественной латыни / Поет на плитах, как труба* /; / *Тень Данта с профилем орлиным / О Новой Жизни мне поет* /. Существительные, вступая в связь с глаголом *петь*, приобретают значение одушевлённости.

В собранных нами контекстах встречается образ, реализующий значение ‘слышание виртуальной реальности’, – / *И там – прекрасное что-то, / Казалось, пело в лугу* /.

Глагол *петь*, попадая в несвойственный ему контекст, существенно модулирует: получает особые качества семантического «звучания» в блоковской лирике. «Процесс

обобщения семантики слова, лирического сюжета, движение от конкретного к абстрактному <...> увеличивает содержательный потенциал прямых значений, раздвигает их рамки до обобщенно-символических <...>» [2, с. 32–33].

Проанализированным материалом исчерпываются практически все случаи использования глагола *петь* в лирической трилогии поэта.

Как показывают результаты исследования, значения слова *петь* у А. Блока выходят за рамки традиционного словоупотребления. Благодаря связям с различными именами объектов, влиянию ближайших контекстов этот глагол преисполнен разнообразнейшими семантическими оттенками.

В ходе работы предполагалось выявить объём «звучания» смыслов слова *петь* в минимальных блоковских лирических контекстах. Как указывалось выше, есть и другие лексемы, служащие «музыкальными» символами в идиолекте поэта. В состав лексического «песенного союза» входят отглагольное существительное *пение* и существительное *песня*, различные производные лексемы *петь* (приставочно-суффиксальные, приставочные глаголы и пр.), включая отглагольные формы (причастия, деепричастия), наречия, прилагательные, формы имени существительного, воспроизводящие различные смысловые вариации и «музыкальные» лики лирических героев. Эта лексика широко представлена в трилогии А. Блока (зафиксировано 489 употреблений). Задачей следующих публикаций является рассмотрение вариантных особенностей этих лексем в смысловой партитуре лирической «трилогии» А. Блока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А.А. Блок ; под общ. ред. В.Н. Орлова. – М. – Л. : Гослитиздат, 1960 – 1963.
2. Ничик, Н.Н. Поэтическое слово. Поэтический текст. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. – С. 32–33.
3. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – Т. 9. – / Отв. ред. Н.З. Котелова, Г.А. Качевская / М., Л. : Изд-во АН СССР, 1959.

Поступила в редакцию 14.08.2019 г.

ON OBSERVATIONS OF A.A. BLOK'S IDIOLECT: PREDICATIVE AND ACTANTIAL FIELD "TO SING"

A.A. Shuldishova

The verb "to sing" acquires other meanings in the poetic language of A. Blok in addition to the basic ones recorded in the dictionaries. They are made up with the help of various means, including original ways and methods of use, different speech means and individual author's compatibility of the objects' names with the lexeme "to sing". The series of meanings created by the poet must be taken into account in studying the patterns of the "musical" vocabulary use by the poet.

Key words: the verb *to sing*, congenerative poetics, "musical" vocabulary, total semantics, compatibility.

Шульдишова Алина Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Доцент кафедры русского языка медицинского института.

E-mail: shuld_a@mail.ru.

Shuldishova Alina Anatolevna.

Candidate of Philology.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Associate Professor of the Russian Language Department at the Medical Institute.

E-mail: shuld_a@mail.ru.

УДК 81'367.7

ТИПОЛОГИЯ АББРЕВИАЦИОННЫХ КОНСТРУКТОВ КАК ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ МОРФЕМ В СТРУКТУРЕ АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

© 2019. А.А. Лялюк

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлена комплексная типология аббревиационных конструктов, позволяющая интерпретировать их как особую разновидность морфем, использующуюся в аббревиации. Описывается характер формального преобразования простого конструкта в составе как различных, так и тождественных номинаций, что позволяет сделать выводы о пределах варьирования данных морфем. Также описан процесс формирования составного аббревиационного конструкта, понимание которого способствует выявлению сочетаемостных возможностей простых конструктов в составе составных.

Ключевые слова: аббревиация, сложнокращенное слово, аббревиационный конструкт, морфонологические изменения аббревиационных конструктов.

Аббревиатура (сложнокращенное слово), традиционно определяемая как языковая единица, образованная путем соединения усеченных компонентов соответствующего развернутого наименования, все чаще становится объектом лингвистических исследований (например, [А.Ю. Куткина, 2011], [М.И. Тибилова, 2011], [Ю.А. Хуснуллина, 2012], [М.А. Жолтикова, 2017]). Многократные попытки формального структурирования всего многообразия аббревиатур послужили толчком к возникновению различных типологий на основании установления представленности компонентов эквивалентного словосочетания в структуре аббревиатуры.

В ряде лингвистических работ (Д.И. Алексеев [2], Н.В. Громова [4], А.В. Петров [5], Л.В. Щерба [9]) указывается на существование особого компонента в структуре сложнокращенных единиц. Так, еще в РГ-80 говорится, что «наиболее частотные компоненты аббревиатур выступают в продуктивных рядах образований и подобны по функционированию повторяющимся компонентам сложных слов» [6]. Продуктивность исследования таких компонентов обозначена в работе В.В. Борисова: «гораздо более перспективно не просто анализировать «чистую структуру» сокращения <...>, а попытаться установить, нет ли в структуре отдельных типов сокращений некоторых элементов, выражающих определенный смысл, связанных с определенным семантическим содержанием» [3, с. 22]. Д.И. Алексеев для обозначения такого элемента аббревиатур ввел термин «абброморфема», характеризуя который указывал на то, что «сложнокращенные слова, представляющие, по общему признанию, новый тип слов, состоят из морфем также нового типа, которые нельзя в полной мере назвать ни корневыми, ни аффиксальными» [2, с. 19].

Однако наиболее полное теоретическое осмысление и анализ данная значимая единица языка получила в работах Экспериментальной лаборатории по исследованию тенденций аббревиации под руководством проф. В.И. Теркулова (А.И. Бровца, В.А. Рязановой, К.Ю. Емельяновой и др.). При работе над созданием Толково-эквивалентностного словаря сложнокращенных слов русского языка был выявлен огромный пласт аббревиатур, в структуре которых регулярно выделяются разного рода аббревиационные конструкты, интерпретируемые нами как компонент аббревиатуры,

представляющий собой эквивалент какого-либо слова соответствующего развернутого наименования.

Целью нашего исследования является комплексное описание и типологизация аббревиационных конструктов с учетом их формально-семантических особенностей и обоснование их особого морфемного статуса.

Материалом исследования послужили сложносокращенные слова – наименования строений, репрезентирующие ономазиологический подкласс «помещения» и объединенные тождественным базисным компонентом *хранилище*, всего 62 аббревиатуры.

На наш взгляд интерпретация таких конструктов не просто как составной части сокращенной единицы, а как особого рода морфемы, используемой в аббревиации, углубляет наше понимание деривационных процессов в современном русском языке. Морфемный статус таких единиц подтверждается возможностью их описания путем использования традиционных параметров характеризующих морфемы русского языка: регулярность, продуктивность, стилистическая окрашенность и др. Однако несмотря на это, такие словообразовательные единицы все же носят переходный характер, с одной стороны они сходны с корневым морфем, благодаря наличию однозначной семантики, а с другой, за счет своей повторяемости и, как следствие, тяготению к типизации, сближаются со служебными морфемами.

Итак, характер формальной представленности аббревиационных конструктов в составе сложносокращенных слов позволяет выделить два их основных типа – простой аббревиационный конструкт, то есть тот, в состав которого входит только один сокращенный эквивалент слова соответствующего словосочетания, и составной, представленный двумя или более (эквивалентами). Однако такое определение требует некоторых уточнений, в связи с тем, что многоморфемность конструкта не всегда будет свидетельствовать в пользу его соотнесения со вторым из указанных типов, что обусловлено соединением нескольких компонентов не в процессе создания сложносокращенного слова, а на этапе формирования самой производящей единицы. Например, в состав аббревиатуры *корнеплодохранилище* входит простой аббревиационный конструкт **корнеплод**, который соотносится с соответствующим существительным, образованным сложением слов *корень* и *плод* с использованием интерфикса *e*.

Последовательное разграничение представленных структурных типов аббревиационных конструктов свидетельствует в пользу того, что они могут подвергаться различного рода преобразованиям формального характера, при этом сохраняя морфемное тождество, как и большинство традиционных морфем русского языка, испытывать морфонологические, исторические и другие изменения.

По характеру преобразований простого аббревиационного конструкта в соответствующем аббревиатурном наименовании можно выделить следующие их типы:

1. Неизменяемые аббревиационные конструкты, то есть те, которые не подвергаются никаким формальным преобразованиям в составе аббревиатур и функционируют в различных аббревиатурных группах в одном и том же виде. Анализ таких конструктов, позволяет выделить следующие их подтипы:

1.1. Неизменяемые усеченные аббревиационные конструкты представлены произвольным усечением основы мотивирующей единицы. Так, аббревиационный конструкт *велo*, выступает в указанном виде (усечение основы эквивалентного существительного велосипед) абсолютно во всех обнаруженных нами сложносокращенных единицах,

образованных с его помощью: *велодеталь, велодорога, велозамок, велозапчасти, велокомпания* и под. Такого же типа конструкты обнаруживаются и в других аббревиатурных единицах с ономазиологическим базисом *хранилище: спецхранилище (спецлампа, спецустройство, спецкарьер)*.

1.2. Неизменяемые интерфиксальные абброконструкты во всех обнаруженных аббревиатурах встречается только в сочетании с интерфиксальной гласной, например: *жижехранилище* (ср. *жижесборник, жижеотстойник*); *зернохранилище* (*зерносклад, зернодавилка*); *казнохранилище* (*казносклад, казнохранитель*). Такого рода конструкт может являться уникальным: *жомохранилище, сенажехранилище*.

1.3. Морфонологически обусловленные неизменяемые абброконструкты. Особенность данного типа конструктов заключается в том, что в результате морфонологических процессов, зачастую фонетических и исторических чередований, происходят преобразования в структуре неизменяемого конструкта по сравнению с эквивалентной единицей. Так, нами обнаружен уникальный абброконструкт (представленный только в одном слове) – *древле (древлехранилище)*. Наличие такого конструкта обусловлено историческим чередованием звуков [в // вл] и утратой в современном русском языке родственного слова *древле* (в давние времена; в старину): *древлехранилище – хранилище древностей*.

2. Вариативные абброконструкты, представляющие собой различные формальные преобразования одной морфемы. В рамках указанного типа в зависимости от характера преобразования выделяется несколько подтипов:

2.1 Интерфиксные и безытерфиксные вариативные абброконструкты. Разграничение осуществляется по наличию или отсутствию интерфиксальной гласной в ряде аббревиатур с одним и тем же абброконструктом. Например, встречаются различные варианты абброконструкта *вин*, представленные безытерфиксными образованиями, типа *винзавод, винсклад, винкомбинат*, и аббревиатурными словами, включающими интерфикс (о), типа *виноматериал, винотерапия, виноторговец* и др. В данную группу войдут абброконструкты *газо/газ (газохранилище/газпром), лесо/лес (лесохранилище/лесхоз), хлебо/хлеб (хлебохранилище, хлебокомбинат/хлебкомбинат)* и др.

2.2 Вариативно усеченные абброконструкты. В данном случае речь идет об одном абброконструкте, имеющем в составе разных аббревиатурных слов тождественное значение, однако отличающийся характером усечения основы мотивационно связанного с ним слова. Примером такого рода вариативности может служить представленность аббревиационного конструкта в следующих наименованиях – *бензинохранилище* и *бензохранилище*. Это абсолютно тождественные лексемы, представленные двумя вариантами, существование которых обусловлено различной представленностью абброконструкта. В первом случае он равен целому слову с интерфиксом (*бензин+о*), во втором же, представлен только частью с интерфиксом (*бенз+о*).

2.3 Морфонологически обусловленные вариативные абброконструкты. В данном случае абброконструкт подвергается фонетическому преобразованию без трансформации семантики, таким образом представляя собой единую морфему. Такого рода преобразования можно обнаружить в аббревиатурах *ледохранилище* и *льдохранилище*. Формально представленная фонема в первой аббревиатуре отсутствует во второй, что также обусловило изменение орфографического облика слова. Такого рода изменения вообще свойственны словоизменительной (Р.п. – *льда*, Д.п. – *льду*) и словообразовательной (*льдистый, льдосоляной, льдобурильный, льдогенератор, льдоисследователь, льдопроизводство* и др.)

парадигмам эквивалентного существительного *лѐд* и наиболее частотно реализуются именно в сложносокращенных единицах.

Функционирование и частотное использование при аббревиации составных аббревиационных конструкторов обуславливает необходимость понимания того, в каких отношениях такого рода конструктор состоит с соответствующими простыми конструкторами. Анализ собранного материала позволил выявить несколько типов такого соотношения.

Составной абброконструктор может являться тождественным простым и свободно взаимозаменяться с ними в аббревиатуре в соответствующих контекстах (*газонефтехранилище, нефтехранилище, газохранилище*).

Однако взаимозаменяемость аббревиатур с составным конструктором и соответствующим ему сокращенным единицам с простыми конструкторами не всегда может в полной мере реализовываться. Так, простой абброконструктор *овоще* может использоваться как самостоятельно (*овощехранилище*), так и входить в состав составных *овощекартофеле*¹, *овощефрукто*² (*овощекартофелехранилище, овощефруктохранилище*). Возможность взаимозамены в данном случае будет семантически ограниченной: простой абброконструктор будет состоять в отношении полной эквивалентности с первым составным, однако не способен заменять второй. *Овощехранилище* не предполагает наличие в нём фруктов, тогда как данный факт актуализируется в наименовании *фруктоовощехранилище*. В связи с этим возникает вопрос о сочетаемостных возможностях простых абброконструкторов и стратегии формирования составного в ряде номинаций, что диктует необходимость концентрации внимания на семантических особенностях сокращенных конструкторов аббревиатур.

Семантика абброконструктора зачастую полностью обусловлена семантикой соответствующей эквивалентной единицы. Так, интерпретируя сложносокращенное слово *хлебохранилище*, мы прежде всего связываем абброконструктор *хлебо* с соответствующим наименованием пищевого продукта, то есть с ядерным значением лексемы *хлеб*. Однако в ряде случаев интерпретируемый элемент отсылает нас к периферийным значениям соответствующей эквивалентной единицы. Так, *лесохранилище* – это хранилище срубленных деревьев как строительного или промышленного материала, в то время как соответствующая лексема *лес* наиболее частотно соотносится с понятием о некотором пространстве, где сосредоточено множество деревьев. Таким образом, полисемия эквивалентной односложной единицы не распространяется на соответствующую сложносокращенную.

В семантическом отношении абброконструкторы реализуют все те же отношения, которые последовательно прослеживаются у разного рода традиционных морфем и слов, что еще раз подтверждает правильность выделения указанной морфемы с особым статусом при образовании аббревиатур.

В системе абброконструкторов прослеживаются общезыковые, системные отношения, характерные единицам разных уровней, такие как:

1. Гипо-гиперонимия. Например, аббревиатуры *лукохранилище, картофелехранилище, капустохранилище* и под. выступают в качестве гипонимов в отношении гиперонима *овощехранилище*. Такие родовидовые связи достаточно частотно представлены в рассматриваемых наименованиях.

2. Синонимия (*навозохранилище, помехохранилище*).

3. Омонимия (*физ (физкабинет*¹ – *физический кабинет; физкабинет*² – *физиотерапевтический кабинет*).

Аббревиатурные слова, входя в систему языка, могут группироваться в соответствующие лексические объединения типа лексико-семантических групп,

тематических групп и т.д. Причем, тематические объединения аббревиатур, если иметь ввиду «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров», достаточно распространены. К нефтегазовой отрасли относятся аббревиатуры типа *нефтегазохранилище, газохранилище, нефтехранилище, мазутоохранилище, маслоохранилище* и др., которые обозначают строения, сосуды, орудия и т.д.; широко распространены наименования, относящиеся к сельскому хозяйству (*навозохранилище, птицефабрика* и др.).

Закономерно может возникнуть вопрос о целесообразности рассмотрения подобных объединений слов в рамках лингвистического исследования, однако такая необходимость обусловлена возможностью выявления сочетаемостных возможностей простых и стратегий формирования составных аббреконтруктов с привлечением экстралингвистической информации. Отраслевая смежность газо- и нефтедобычи обусловили возможность комбинирования соответствующих аббреконтруктов в пределах различных наименований (*газохранилище, нефтехранилище, газонефтехранилище*).

Такое комплексное описание аббреконтруктов как особого рода морфем не может не включать также рассмотрение вопросов их регулярности, продуктивности и стилистической закреплённости.

Выделяются продуктивные аббреконтрукты (*авто, авиа, вело, обл* и др.), которые активно образуют новые сложносокращенные слова (*автоидентификация, автокосметика, автолизинг, автолобби, автотюнинг* и др.), постоянно пополняя словарь неологизмами, однако также присутствуют и непродуктивные, которые практически не участвуют в активном словообразовательном процессе и зачастую функционируют лишь в нескольких номинациях (*капустохранилище, кукурузохранилище, лыжехранилище*).

В тесной взаимосвязи с описанным явлением находится и понятие регулярности, которая свойственна большинству аббреконтруктов и является еще одним показателем необходимости их включения в традиционный ряд морфем. Встречаются уникальные аббреконтрукты, типа *свекло (свеклоохранилище), сенаже (сенажехранилище)*.

С точки зрения стилистической закреплённости большинство аббреконтруктов являются межстилевыми, то есть принимают участие в формировании стилистически нейтральных производных лексем. Данный факт подтверждается данными контекстуального анализа. Так, например, сложносокращенное слово *водохранилище* используется как в различных книжных стилях, таких как научный (*Водоохранилища — антропогенные, управляемые человеком объекты, но они испытывают также и сильнейшее воздействие природных (прежде всего гидрометеорологических) факторов* (Авакян А. Б. Водоохранилища и окружающая среда. – М., 1982), художественный (*По глади водохранилища плыли жёлтые листья. Это под водой в разгаре лета осыпались несрубленные берёзовые рои* (Д. Гранин. Зубр. – Л.: Советский писатель, 1987), публицистический (*Следует учитывать и побочные последствия развития гидрогенерации: гибель лишаемых привычных путей миграции обитателей водоемов, утрата значительных земельных ресурсов при создании водохранилищ, порой не совсем добровольное массовое переселение людей* (У нас есть калькулятор, мы умеем считать деньги // «Эксперт», 2015), так и частотно представлено в устной разговорной речи (*Рыбинское водохранилище, он из тех деревень. Там все залили, а им — идите, куда хотите* (Устный подкорпус Национального корпуса русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/mycorpora-spoken.html> (дата обращения: 01.08.2019).

Слова с аббреконтруктами также характеризуются вхождением как в активный, так и пассивный состав современного русского языка. В связи с большой

продуктивностью аббревиации, большое количество сложносокращенных слов входит в активный лексический состав. Однако существуют и те, которые приобрели в современном языке устаревшую окраску и перешли в его пассивный состав. Например, к такому типу можно отнести аббревиатуру *древлехранилище* (книжн. офиц. устар.), замененную сейчас односложным наименованием – *музей*; *казнохранилище*, устаревший характер которого обусловлен отсутствием в настоящее время соответствующей реалии – *казны*. Включение таких слов в общее рассмотрение обусловлено лишь показателями частотности их употребления.

Комплексное рассмотрение аббревиатур по ключевым параметрам, используемым в традиционном описании морфем, позволяет нам сделать вывод об их особом морфемном статусе в реестре словообразовательных средств русского языка. В формальном плане данные единицы способны подвергаться ряду изменений качественного и количественного характера, обусловленных как фонетическими, так и историческими причинами. Как и другие традиционные морфемы русского языка они способны сохранять тождество при формальном модифицировании, которое, как показано выше, носит системный характер, то есть проявляется в целом ряде однотипных единиц.

В семантическом отношении аббревиатурные конструкции способны репрезентировать общезыковые, системные отношения, которые последовательно обнаруживаются и при функционировании разного рода традиционных морфем: гипо-гиперонимии, полисемии, синонимии и омонимии. В связи с этим, можно говорить о том, что аббревиатурный конструкт – это особого рода морфема, вычленяемая в составе различных аббревиатурных слов, оформляющая ономаσιологический признак создаваемого наименования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аламайрех Е.Ю. Некоторые уточнения определения понятия «аббревиация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 224–231.
2. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. – Саратов, 1979. – 328 с.
3. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия : воен. и науч.-техн. сокр. в иностр. яз. / В.В. Борисов ; под ред. А.Д. Швейцера. – Москва: Воениздат, 1972. – 320 с.
4. Громова Н.В. Способы аббревиации (на материале языка суахили) // Сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА при МГУ, подготовленных для конференции «Ломоносовские чтения – 2003» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, апр. 2003 г.). – Режим доступа: <http://www.iaas.msu.ru/res/lomo03/gromova.html> (дата обращения: 01.08.2019).
5. Петров А.В. Аббревиатура метеорологии в современном русском языке: Формирование и функционирование // Исследования по семантике. – Уфа, 2016. – Вып. 26. – С. 82–91.
6. Русская грамматика – 80. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/588-608.html#588> (дата обращения: 01.08.2019).
7. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
8. Теркулов В.И. Типология сокращенных конструктов аббревиатур/ В.И. Теркулов// Известия ВГПУ. – № 3 (98). – Волгоград, 2015. – С. 127–133.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР. – Москва, 1957. – 188 с.

Поступила в редакцию 24.08.2019 г.

**TYOLOGY OF ABBREVIATION CONSTRUCTS AS A SPECIAL TYPE OF MORPHEMES
IN THE STRUCTURE OF ABBREVIATIONS**

A.A. Lyalyuk

The article presents a comprehensive typology of abbreviation constructs. The typology in question enables to interpret the abbreviation constructs as a special type of morpheme used in abbreviation. The nature of formal transformation of a simple construct in both identical and non-identical nominations is described. As a result, a conclusion about the limits of these morphemes variation is made. The process of forming a composite abbreviation construct is also described, which helps identify the combinability of simple constructs in composite structures.

Key words: abbreviation, compound word, abbreviation construct, morphonological changes of abbreviation constructs.

Лялюк Анна Александровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Ассистент кафедры русского языка.

E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

Lyalyuk Anna Alexandrovna.

Donetsk National University.

Assistant Teacher of the Russian Language Department.

E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 811.161.1'373.611

О СОСТАВНОМ АББРОКОНСТРУКТЕ

© 2019. *И.Р. Смирнова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье изложены основные сведения о неинициальном абброконструкте составного типа в русском языке. Он понимается автором как единый аббревиатурный комплекс из нескольких конструктов простого типа в сложносокращенном слове. В работе устанавливаются регулярные дешифровальные модели сложносокращенных слов с составным абброконструктом и описывается их специфика, а также характеризуются ономаσιологические модели слов с изучаемым типом конструкта.

Ключевые слова: аббревиатура, составной абброконструкт, дешифровальный стимул, ономаσιологическая модель, ономаσιологический признак.

Одним из центральных понятий, разрабатываемых Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) в рамках собственной концепции аббревиации, является неинициальный (слоговой) **абброконструкт** (далее — АК) — часть аббревиатуры, «представляющая собой сокращенный эквивалент (дублет) какого-либо слова» [9, с. 74]. В Толково-эквивалентностном словаре сложносокращенных слов русского языка [10], создаваемом участниками лаборатории, аббревиатуры описываются в пределах абброгрупп, объединенных по признаку общности абброконструкта, и обнаруживают эквивалентные словосочетания в рамках системы его **дешифровальных стимулов** (далее — ДС) — регулярных стереотипных вариантов дешифровки АК.

В процессе составления словаря были установлены модели эквивалентностных отношений для простых АК — частей основ эквивалентных слов, которые представляют собой монолитные сокращенные компоненты в составе аббревиатур. Однако в большинстве аббревиатурных групп, описываемых в Словаре, отмечаются единицы, которые включают в себя сразу несколько сокращенных конструктов, функционирующих как единый абброкомплекс. Эта сложная разновидность абброконструкта определяется нами как составной абброконструкт (далее — АКс). В связи с тем, что АКс в абброгруппе обнаруживает иные, чем у простого АК, дешифровальные стимулы, ему присущи особые эквивалентностные модели, поэтому он должен быть описан и изучен как отдельный тип конструкта с оригинальным набором характеристик. Составные абброконструкты пока не становились единственным объектом комплексного исследования, хотя отдельные замечания о их них и обнаруживаются в ряде исследований (см., например [1; 6, с. 26–27; 2, с. 127–128] и др.). Необходимость определения статуса и особенностей составных АК обуславливает **актуальность** нашего исследования.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение составного абброконструкта на основе принципов синхронного подхода, описание его специфики как сложного типа сокращенного конструкта, который отличается от простого особыми закономерностями

функционирования. Как следствие, ССС с такой разновидностью конструкта обладают рядом уникальных дешифровальных моделей и особенностей ономазиологической структуры.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: 1) определить основные формальные характеристики и свойства составного абброконструкта; 2) предложить различные формальные трактовки абброконструкта этого типа; 3) рассмотреть применительно к нему понятие дешифровального стимула; 4) выделить специфические дешифровальные модели у слов с составным абброконструктом; 5) охарактеризовать особенности ономазиологической структуры таких аббревиатур и семантические особенности их эквивалентов.

В работах ЭЛИТА предложено разграничение синхронного и диахронного анализа, принципиальная разница между которыми заключается в способе трактовки аббревиатуры, выделении ее системных характеристик (см.: [4], [8], [9]). При диахронном подходе рассматривается производность ССС от словосочетания и то, какие характеристики приобретает ССС как вторичная единица, а в центре синхронного изучения оказываются отношения эквивалентности между словом и словосочетанием — их взаимозаменяемость в эквивалентных текстах, или дублетность. В данном исследовании АК составного типа описываются в аспекте их функционирования на актуальном срезе русского языка.

Составной абброконструкт (далее — АКс) — это единый комплекс, состоящий не менее чем из двух неинициальных абброконструктов простого типа, представленных в одном сложносокращенном слове. Например, *армвоенюрист* (*армейский военный юрист*). Таким образом, главное формальное отличие составных абброконструктов от простых — членимая структура. АК подпадают под различные типы формальных трактовок, и составные абброконструкты, по факту являясь гибридами простых, нередко требуют конкретизации описания собственной формальной специфики, которая базируется на соотношении характеристик нескольких простых конструктов.

Например, по наличию / отсутствию интерфикса выделяют абброконструкты безинтерфиксные и интерфиксные. В пределах последнего подтипа составные АК нами дополнительно подразделяются на конструкты с одним и двумя интерфиксами (теоретически возможно существование АКс с тремя и более интерфиксами, однако на данный момент подобных примеров мы не зафиксировали):

1) без интерфикса: *арт/наб/* (*артнабпункт* — *артиллерийский наблюдательный пункт*);

2) с одним интерфиксом: *авто/гидр-о/* (*автогидроподъёмник* — *автомобильный гидравлический подъёмник*);

3) с двумя интерфиксами: *вibr-о/электр-о/* (*виброэлектродвигатель* — *вибрационный электрический двигатель*).

Абброконструкт может иметь фонетические варианты. Иногда у ССС с АКс отмечается несколько фонетических дублетов, которые обычно отличаются формой одного из его простых конструктов. По способу сокращения эквивалентных слов выделяются следующие подтипы аббревиатур с АКс:

1) вариативные: имеют несколько фонетических вариантов, которые отличаются количеством фонем. Например: *адхозотдел*, *админхозотдел* — *административно-хозяйственный отдел*;

2) инвариантные: представлены одной формой. Например: *бригвоенюрист* — *бригадный военный юрист*.

ССС может иметь несколько разноструктурных эквивалентов, сопоставление с которыми по-разному определяет его деривационный статус. По структурным моделям своих синтаксических эквивалентов выделяются АКс:

1) аббревиатурные: входят в состав аббревиатуры; равны части основы эквивалентного слова. Например, *авто/мото/клуб* — *автомобильно-мотоциклетный клуб*;

2) мутантные: характеризуются двойственностью трактовки:

- как абброконструкта и композитного конструкта, равны части основы и/или основе эквивалента: *лазер-о/магнит-о/терапия* — *лазерная магнитная терапия* (аббревиатура) / *магнитная терапия лазером*;

- как абброконструкта и юкстапозитного конструкта, равны основе слова и/или слову целиком: *эспрессо/кофе/машина* — *кофейная машина эспрессо* (аббревиатура и юкстапозит) / *машина для кофе эспрессо* (юкстапозит).

В соответствии с типом компонентного и синтагматического соответствия аббревиатуры и ее синтаксического эквивалента выделяются следующие типы эквивалентности АКс:

1) обусловленные прямой эквивалентностью: структура конструкта релевантна структуре эквивалентных ему единиц. Например: *авто/сан/рота* — *автомобильная санитарная рота*.

2) обусловленные компонентной эквивалентностью: сохраняется порядок компонентов, но количественно конструкт проще или сложнее своего дублета. Например: *втор/цвет/мет* — *вторичная переработка цветных металлов*.

3) обусловленные метатезной эквивалентностью: порядок компонентов конструкта иной, чем в дублете, но количественно они тождественны. Например: *авиаспортклуб* — *спортивный клуб авиации*.

4) обусловленные компонентно-метатезной эквивалентностью: и порядок, и количество элементов конструкта не совпадает со структурой дублета. Например: *авторемзавод* — *завод по ремонту автомобилей*.

Посредством абброконструкта устанавливаются мотивационные отношения между аббревиатурой и словосочетанием: он имеет развернутые эквиваленты, используемые носителями языка для его дешифровки, или дешифровальные стимулы, которые реализуются в синтаксических эквивалентах аббревиатуры в конкретных своих вариантах.

Специфику дешифровки составного АК обуславливает его многочастная структура: его эквиваленты обладают рядом формальных и семантических особенностей.

Так, нередко в качестве ДС (или одним из его компонентов) для составного АК выступает аббревиатура и ее эквиваленты. Например, аббревиатура *автогидроподъемник* связана мотивационными отношениями со словосочетаниями *автомобильный гидравлический подъемник*, *автомобиль-гидроподъемник* и *автомобильный гидроподъемник*. В эквивалентах *автомобиль-гидроподъемник* и *автомобильный гидроподъемник* присутствуют компоненты, выступающие аббревиатурами, поэтому часть их основ, соответствующая конструкту *гидро* в составном АК *автогидро*, также является простым АК в составе его ДС.

ДС, заключающие в себе ССС, часто существуют в нескольких разновидностях, будучи представлены в одном случае аббревиатурой или композитом, а в другом — их развернутыми эквивалентами. Например, составной АК *автогидро* имеет одним из компонентов своего ДС сложносокращенное слово *гидроподъемник*, у которого

простой АК *гидро* обнаруживает развернутый эквивалент *гидравлический*, и они выступают параллельными вариантами одного ДС: *автогидроподъёмник* — *автомобильный гидроподъёмник*; *автомобильный гидравлический* *подъёмник*.

В словосочетании *автомобильный гидроподъёмник* один из компонентов ДС при этом входит в базисное слово, что не присуще эквивалентам ССС с простым АК, в которых всегда четко выделяются базисный (x), непосредственно соотносимый с ДС, и признаковый (y) компоненты, зачастую представленные разными словами: *авто_xавария_y* — *автомобильная(x) авария(y)*; и редко в пределах одного слова — разными основами: *авто_xбензовоз_y* — *автомобиль(x)-бензовоз(y)*. Тогда как в эквивалентах исследуемого нами типа конструкта для базиса и признака (или его компонента) типичен синтез в сложном слове: *авто_{x1}сан_{x2}рота_y* — *автомобильная(x₁) санрота(x₂+y)*; *авто_{x1}мото_{x2}клуб_y* — *клуб(y) автототоспорта (x₁+x₂+y = x+y)*.

Все эти основные свойства АКс обуславливают появление у него уникальных дешифровальных моделей, которые были выделены нами в результате проведения формально-структурного анализа сложносокращенных слов, выбранных из первого тома Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка [10] по признаку наличия у них АК составного типа.

Анализ проводился нами в рамках классификации, разработанной в статьях В.И. Теркулова [9] и В.А. Рязановой [7]. В соответствии с ней для моделирования, кроме уже введенных у и x (базисного и признакового компонентов соответственно), используются следующие символы: *суц* — существительное, *ад* — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), *предл* — предлог, *а* — компонент сложного слова, дополняющий стимул x или y, *z* — компонент, входящий в дешифровальный стимул, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре. Однако дешифровка абброконструктов составного типа характеризуется особыми закономерностями, и для описания ее специфики требуется введение дополнительных условных обозначений, а иногда и корректировка базовых. Предлагаемые нами некоторые новые маркеры будут также демонстрировать различия использования ДС для простых и составных конструктов в эквивалентных словосочетаниях: x_1, x_2, x_3 — компоненты признака, формально соотносимые с простыми конструктами АКс; *&* — заменяет союз *и*, свидетельствует о подчинительной связи между компонентами; *(y)z* — компонент, обозначающий отсутствующий в структуре аббревиатуры базис, который восполняется в эквивалентном словосочетании; *...* — символ, маркирующий местонахождение опущенного базиса, прерывающего признаковую часть, в полных моделях ДС.

1. $X_1(\text{ад})-X_2(\text{ад})$. Два простых адъектива: *автомобильный технический (автотехсервис, автотехцентр — автомобильный технический сервис / центр), автомобильный санитарный (автосанрота — автомобильная санитарная рота) и автомобильный гидравлический (автогидроподъёмник — автомобильный гидравлический подъёмник)*.

2. $(\text{предл})X_1(\text{суц})-X_2(\text{суц})$. Атрибутивное субстантивное словосочетание с предлогом: *по ремонту автомобилей (авторемзавод — завод по ремонту автомобилей)*.

3. $X_1(\text{суц})-X_2-У(\text{суц})$. Сложное существительное, один из компонентов которого представляет собой ССС (частично сокращенное слово): *автогидроподъёмник — автомобиль-гидроподъёмник*.

4. $X_1-X_2-A(\text{суц}) = X-A(\text{суц})$. Сложное (частично сокращенное) существительное с составным АК: *автототоспорта (автототоклуб — клуб автототоспорта)*.

5. $X_1-X_2(\text{сущ}) = X(\text{сущ})$. Сложное (частично сокращенное) существительное с простым АК: *авиаспорта (авиаспортклуб — клуб авиаспорта)*.

6. $X_1-X_2(\text{адъект})$. Сложный адъектив, представленный несколькими типами:

а) $x_1-x_2(\text{адъект})$. Собственно сложный адъектив: *автомобильно-мотоциклетный (автомотоклуб — автомобильно-мотоциклетный клуб)*.

б) $X_1-X_2(\text{адъект}) = X(\text{адъект})$. Сложный частично сокращенный адъектив: *авторемонтный (авторемзавод, авторембат — авторемонтный батальон / завод), автотехнический (автотехцентр, автотехсервис — автотехнический центр / сервис)*.

7. $X_1(\text{адъект})-X_2-У(\text{сущ})$. Простой адъектив и сложное частично сокращенное существительное: *автогидроподъемник — автомобильный гидроподъемник, автосанрота — автомобильная санрота*.

8. $X_1-X_2(\text{сущ}) = X(\text{сущ})$. Сложное (частично сокращенное) существительное: *агрехимии (агрехимлаборатория — лаборатория агрехимии)*.

9. $X_1(\text{сущ})-X_2(\text{прил})$. Атрибутивное адъективное словосочетание: *шампанских вин (виншампанкомбинат — комбинат шампанских вин), авиационного спорта (авиаспортклуб — клуб авиационного спорта)*.

10. $X_1(\text{ад})-...-X_2(\text{сущ})$. Простой адъектив, согласуемый с базисом, и простое существительное, им управляемое: *спортивный ... авиации (авиаспортклуб — спортивный клуб авиации), хозяйственный ... администрации (адхозотдел — хозяйственный отдел администрации)*.

11. $X_1(\text{сущ})-\&-X_2(\text{сущ})$. Простые существительные, состоящие в сочинительных (равноправных) отношениях: *агитации и пропаганды (агитпропотдел — отдел агитации и пропаганды)*.

12. $X_1(\text{ад})-...-Z(\text{ад})-X_2(\text{сущ})$. Простой адъектив, согласуемый с базисом, и атрибутивное адъективное словосочетание: *метеорологическое ... гражданской авиации (авиаметобеспечение — метеорологическое обеспечение гражданской авиации)*.

13. $X_1(\text{ад})-(У)Z(\text{сущ})-X_2(\text{ад})-X_3(\text{сущ})$. Простой адъектив, согласуемый с базисом, который опущен в структуре ССС, и атрибутивное адъективное словосочетание: *вторчермет — вторичная переработка черных металлов*.

При структурном сходстве многих эквивалентов составных и простых АК, включающих сложные слова, они различаются формальными моделями, которые отражают соотношение структуры ССС и СС. Это объясняется тем, что в ситуации, когда признаковый компонент словосочетания представлен сложным словом, при образовании ССС с простым АК одна из его частей должна «выпасть», чтобы соблюдалась монолитность структуры конструкта: *автопромышленный бизнес — автобизнес* (модель ДС: X-A(ад)). Наоборот, сохранить формальную структуру сложного слова позволяет использование в процессе аббревиации многокомпонентного составного АК: *биохимический завод — биохимзавод* (модель ДС: $X_1-X_2(\text{ад})$). Таким образом, в данном случае символом *A* в дешифровальной модели простого ДС мы маркируем компонент, который не отражается в составе ССС; в ДС же составного АК лишь фиксируется сочетание эквивалентов его простых конструктов: X_1+X_2 . Развернутый эквивалент, компоненты которого, структурно и семантически усложняя исходную единицу, никак не отражаются в структуре самой аббревиатуры, называется модификационным ДС (модификативом), — он чаще присущ простому АК: *товары для автолюбителей — автотопливо* (модель ДС: (предл)X-A(ад)). Составной АК обычно представлен репрезентативом — абсолютным ДС, который строго

воспроизводит структуру ССС, «калькирует» его семантику [3, с. 52]: *лаборатория агрохимии — агрохимлаборатория* (модель ДС: X_1-X_2 (сущ)).

Таким образом, особенности формальной эквивалентности АКс по сравнению с простым типом АК обуславливают необходимость выделения различных типов сложных слов для его ДС. Составной АК часто воплощается в сложных словах по причине того, что дешифровке одновременно подвергается несколько простых конструктов, вследствие чего АКс может быть реализован в разной степени и разными способами:

1. Его конструкты могут «разворачиваться» в словосочетании в самостоятельные компоненты, представленные разными словами (*автогидроподъемник — автомобильный гидравлический подъемник*) или одним словом (*автомотоклуб — автомобильно-мотоциклетный клуб*);

2. «Разворачивается» только один из конструктов, реализуемый в отдельном слове, а второй в неизменной форме простого абброконструкта сочетается с базисом в сложносокращенном слове (*биохимочистка — биологическая химочистка*);

3. «Разворачивается» только один из конструктов и сочетается в пределах сложносокращенного слова со вторым «неразвернутым» конструктом (в качестве простого АК) (*авиаспортклуб — клуб авиаспорта*);

4. Оба компонента в эквивалентном словосочетании формально тождественны конструктам аббревиатуры и выступают в качестве составного абброконструкта в пределах одного слова с изначально отсутствующим в структуре ССС компонентом (*автомотоклуб — клуб автмотоспорта*).

В целом, составные абброконструкты обнаруживают сравнительно ограниченный набор ДС. Аббревиатуры, включающие в свой состав данный тип АК, насчитывают в [10] от 1 до 4 эквивалентов, что свидетельствует о значительной конкретизации их семантики по сравнению со структурно простыми конструктами: число ДС последних может достигать до 46, как, например, у простого АК *авто*.

Надо сказать, что ССС соотносится с эквивалентным ему СС не только формально, но и семантически, и на синхронном срезе языка они выступают абсолютными синонимами — текстовыми эквивалентами. Аббревиатура составляет одну номинатему со словосочетанием (доминантой) и выступает ее речевой реализацией. Следовательно, для ССС как номинативных единиц можно разработать схемы их формирования и реализации [5, с. 104], или ономасиологические модели (далее — ОМ), которые будут отражать тип семантической связи между компонентами исходного для аббревиатуры, а также эквивалентного ей словосочетания.

Специфика ономасиологических моделей аббревиатур напрямую зависит от структуры их эквивалентов. То есть, если структура самого ССС усложняется составным АК, то это влияет на появление ряда специфических ономасиологических моделей. ОМ воспроизводит внутреннюю форму ССС в пределах ономасиологического базиса, который соответствует базису y и под которым подразумевается главный компонент СС, и ономасиологического признака, формально соотносимого с дешифровальным стимулом АК (с x). Базис обыкновенно монокомпонентен, а структура признака может быть различной, в соответствии с чем по количеству словоформ, которыми представлен ОП, выделяются его монокомпонентный, бикомпонентный и поликомпонентный типы. В моделях слов с АКс он способен воплощаться специфическим образом. Во-первых, монокомпонентный признак в эквиваленте таких аббревиатур может включать в себя несколько семантических фрагментов сразу: *автомотоклуб — клуб автмотоспорта [клуб (базис)] +*

[автомотоспорта (признак)]: [учреждение + отрасль + разновидность]. То есть ономазиологические модели слов с АКс могут отличаться как количественной, так и качественной сложностью структуры признака, что тесно связано с особенностями формальной эквивалентности такого конструкта: в системе формальных моделей дешифровки он может воплощаться в сложных словах разного типа.

В пределах некоторых ЛСГ обнаруживаются ономазиологические модели, в которых реализуются дополнительные признаки, появляющиеся в многокомпонентных конструкциях. Для слов с составным АК количество микропризнаков в модели определяется не количеством слов, которыми представлена признаковая часть, а тем, являются ли реализующие ее компоненты семантически однородными или же несут в себе различную семантику. Так, при монокомпонентности ономазиологического признака иногда внутри него можно выделить несколько равноправных семантических сегментов, которые вместе составляют один общий признак: *агитпропбригада* — *агитационно-пропагандистская бригада* [подразделение + назначение], *биохимзавод* — *биохимический завод* [предприятие + отрасль]; однако, это могут быть и два локальных признака с различной семантикой: *авиахимработы* — *авиахимические работы* [мероприятие + отрасль + способ деятельности].

Также специфику моделей слов с составным АК обуславливает то, что ономазиологические базис и признак могут формально воплощаться в словосочетании в пределах одного сложносокращенного слова: *биохимочистка* — *биологическая химочистка* [мероприятие + отрасль применения]; *гостехуниверситет* — *технический госуниверситет* [учреждение + статус + отрасль]. То есть словосочетания, относящиеся к одной формальной модели ДС (в данном случае — У-Х₁-Х₂(ад)), могут реализовывать разные ономазиологические модели из-за неоднородного качества семантической структуры.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Синхронный анализ составных абброконструктов как особой разновидности неинициальных абброконструктов производится с учетом их специфических характеристик и свойств. Основопологающей особенностью составных абброконструктов является многокомпонентность его состава, с чем связана качественная и количественная неоднородность структуры его дешифровальных моделей. В частности, они регулярно воплощаются в сложных словах разных типов — собственно сложных (*авиаспортклуб* — *авиационно-спортивный клуб*) и сложносокращенных (*авиатехбаза* — *авиатехническая база*), последние подразделяются на сложносокращенные слова с простым и составным абброконструктом; а также в сложных словах, только один из компонентов которого представляет собой сложносокращенных слов с простым абброконструктом (*автогидроподъемник* — *автомобиль-гидроподъемник*). Нередко эквиваленты слов с составным абброконструктом представляет собой сочетание простого и сложносокращенного слова (*авиваметеостанция* — *авиационная метеостанция*). Как и простой тип абброконструкта, хотя и не так часто, составной абброконструкт также реализуется простыми словами и атрибутивными словосочетаниями.

2. В целом составной абброконструкт как особый тип неинициального абброконструкта обладает уникальной системой дешифровальных моделей, а также набором маркеров для ее графического обозначения, с помощью которых передаются нетипичные для простого абброконструкта компоненты и закономерности дешифровки. Формальная структура составного абброконструкта тесно связана с особенностями его семантической репрезентации в эквивалентном словосочетании: например, то, что у

составного абброконструкта наблюдается ограниченное количество дешифровальных стимулов, свидетельствует об узости их семантической интерпретации.

3. Со способностью составного абброконструкта реализоваться в системе дешифровальных стимулов разными типами сложных слов связана проблема количественной и качественной сложности ономаσιологических моделей слов с таким типом конструкта, вследствие чего словосочетания с одной структурной моделью дешифровального стимула могут реализоваться в разноструктурных ономаσιологических моделях. Специфика такой ономаσιологической модели заключается в особых свойствах ее ономаσιологического признака, который соответствует формальным эквивалентам составного абброконструкта: он способен включать в себя несколько семантических фрагментов сразу, даже когда функционирует в пределах одного слова, а в случае простых и инициальных абброконструктов конкретный признак реализуется в отдельном слове.

3. То, сколько микропризнаков будет содержаться в признаковой части ономаσιологической модели аббревиатуры с составным абброконструктом, определяется не количеством слов, ее составляющих, а тем, являются ли эти компоненты семантически однородными или же несут в себе различную семантику. Поэтому при монокомпонентности ономаσιологического признака иногда внутри него можно выделить несколько равноправных семантических сегментов, которые вместе составляют один общий признак, а иногда — два локальных признака с различной семантикой.

4. Иногда ономаσιологические базис и признак могут формально воплощаться в пределах одного компонента словосочетания, представленного сложносокращенным словом.

В дальнейшем предполагается фронтальное описание как формальных, так и ономаσιологических моделей сложносокращенными конструктами в русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. — 328 с.
2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с.
3. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве. — Макеевка: ДонНАСА, 2016 — С. 51–57.
4. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 6 — С. 98–107.
5. Ермоленко Ю.А. Особенности ономаσιологических моделей номинатива типа “словосочетание + аббревиатура” / Ю. А. Ермоленко // Наукові записки [Національного університету «Острозька академія»]. Сер.: Філологічна. — 2012. — Вип. 26. — С. 103–105.
6. Климович С. М Структурно-семантичні типи аброутворень в українській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Климович Світлана Миколаївна. — Херсон, 2008. — 224 с.
7. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2 — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 198–204.
8. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016. — С. 13–25.
9. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. — С. 73–97.

10. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка / В.И. Теркулов, А.И. Бровец, В.А. Рязанова, Е.А. Акулич и др.; Под ред. В.И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк, 2018. — Т. 1. А–В. — 277 с.

Поступила в редакцию 31.08.2019 г.

ON COMPLEX ABBROCONSTRUCT

I.R. Smirnova

The article discusses the non-initial complex abbroconstruct in the Russian language, represented by the author as a single abbreviation complex of several simple-type constructs in a compound abbreviation. The work highlights regular decryption models of compound abbreviations with complex abbroconstructs, describes their specificity and onomasiological models.

Key words: abbreviation, complex abbroconstruct, decryption motive, onomasiological model, onomasiological attribute.

Смирнова Ирина Романовна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Студентка филологического факультета,
специальности «Русский язык и литература».
E-mail: smirinaa15@gmail.com.

Smirnova Irina Romanovna.

Donetsk National University.
Student of the Faculty of Philology, the speciality of
the Russian language and literature.
E-mail: smirinaa15@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.019:159.964.21

МОДЕЛЬ ПСИХИКИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

© 2019. *Е. Г. Максименко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы структурно-семантические критерии психики как функциональной системы, в качестве основного автор выделяет способность психики к адаптации. Предложенная модель психики выстроена в системе координат, где ось ординат составляет направление адаптация/дезадаптация, ось абсцисс – зрелость Эго/ложная Самость. Утверждается, что элементы системы связаны между собой по принципу содействия. Согласно автору, множественность выбора жизненного пути опирается на направление, изначально заданное индивиду первичными объектными отношениями.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, самоактуализация, самодепривация, зрелость Эго, ложная Самость, зависимость, независимость.

Введение. Современная практическая психология переживает эпоху развития и, одновременно, трансформации. Множественность форм психологической практики, попытки ее «технологизации» часто функционируют в ущерб содержанию и качеству работы специалистов. В «погоне» за эффективным методом как психологическим инструментом многие специалисты не задумываются о важности теоретических знаний относительно механизмов функционирования структур психики (сознательного и бессознательного) и психических явлений в их системной взаимосвязи. Целью статьи является представление модели психики как функциональной системы, раскрывающей взаимосвязи внутренних психических структур с психическими явлениями просоциального характера.

Опираясь на системный подход к пониманию психики человека [1; 2], позволяющий рассматривать ее как «организованную целостность», в тоже время отмечаем, что остается открытым вопрос взаимосвязи между частями психического целого, их влияния на содержание и функционирование психических явлений. Согласно системному подходу, целое и целостный анализ должны дать исследователю возможность найти дополнительные характеристики изучаемого объекта, более или менее отражающие специфические черты именно целого, что абсолютно необходимо для успешной интерпретации в процессе глубинного анализа психического содержания.

Учитывая, что целостность психики представлена не только сознательной сферой, но и целым рядом феноменов, присущих бессознательным проявлениям психического, представляется целесообразным рассмотреть психику, прежде всего, в русле психодинамического подхода (К. Левин, Ф. Перлз, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Эриксон, К.Г. Юнг, Т. Яценко и др.). Невозможно рассматривать психику как систему без учета ее основной задачи – стремления к развитию (К. Роджерс, А. Маслоу), согласно гуманистической теории каждый человек обладает врожденным стремлением к самоактуализации, которая представляет собой полное раскрытие способностей и реализацию потенциала человека. Описывая самоактуализирующихся личностей,

А. Маслоу отмечал их способность оставаться адаптивным в любых жизненных ситуациях.

В нашем исследовании мы рассматриваем адаптивность психики как системообразующий компонент, как стержень субъективной реальности, «которая есть отражение жизни в образе индивидуального жизненного пути» [10]. По существу, речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов.

Основная часть. Адаптивная направленность непосредственно связана с целесообразностью жизнедеятельности субъекта. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (здоровьесберегающие задачи, выживание и др.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения требований общества, норм, правил поведения, соблюдение которых обеспечивает полноценность субъекта как члена общества. Адаптация включает и процессы самоприспособления: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т. п. [17]. Особенно важно подчеркнуть, что адаптивность человека связана с развитием его как личности. «Приспосабливает ли себя индивид к миру или подчиняет мир своим интересам, – в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех проявлениях, базис для которых уже сложился, определился в прошлом» [там же, с. 14].

Социально-психологическая адаптация непосредственно связана с процессом социализации индивида, успешность которой существенно зависит от адекватности самооценки. Понятие социально-психологической адаптации отражает явление включенности, взаимодействия, интеграции, самоопределения субъекта в социуме [14]. Человек, способный жить в заинтересованном контакте со своим обществом, не будучи поглощен им, но и не отчуждаясь от него – это хорошо интегрированный, цельный человек. Он опирается на себя самого, поскольку понимает отношения между собой и обществом. Акцент ставится на оптимальной реализации внутренних возможностей человека и его потенциала в социально значимой деятельности. Врожденное стремление человека к социальному и психологическому равновесию, по-видимому, столь же тонко и точно, как чувство физического равновесия. В каждый момент жизни индивид движется на социальном или психологическом уровне в направлении этого равновесия, устанавливая баланс между своими личными потребностями и требованиями общества. Искаженное представление о себе ведет к нарушению социально-психологической адаптации, к развитию дезадаптации.

Понятие дезадаптации соотносят с особым мотивом, направляющим активность личности в специфически привлекательную сферу с неопределенным исходом действия [7, с. 11]. Как пишет Ф. Перлз: «Трудности человека возникают не из желания отвергнуть равновесие, а из неправильности движений, призванных его устанавливать и поддерживать» [15]. Дезадаптация проявляется в случае навязчивого желания «быть в процессе», замещающего достижение результата. Страх неуспешности реализации цели наряду с желанием быть принятым и оцененным социумом, неосознанно приводит индивида к формированию двух и более равнозначных целей, к невозможности устанавливать приоритеты, что свидетельствует о дисбалансе в сфере принятия решений, незрелости и невротизации личности.

В научной литературе термин «дезадаптация» используют для обозначения нарушений процессов взаимодействия человека с окружающей средой. Дезадаптация трактуется как «неспособность субъекта адаптироваться к любым жизненным ситуациям» [5, с. 24]. Выделяют дезадаптацию психологическую, то есть «неспособность приспособиться к какой-либо жизненной ситуации (болезни, смерти близких, потере

социального статуса) и как следствие – неврозы, болезни, девиантное поведение» [9, с. 34] и социально-психологическую – «неспособность психики принять изменения в значимом окружении, объективно вызванные внешними и внутренними факторами» [там же, с. 39]. Понятие дезадаптации в психиатрии часто связывают с категориями нормы и патологии, этим термином обозначают нарушения, отмечаемые: при проявлении крайней степени акцентуации характера; при невротических состояниях как наиболее универсальных проявлениях психической дезадаптации; при стойком нарушении или утрате полноценного взаимодействия индивида с окружающим миром.

Непрерывные изменения совершенно необходимы для выживания человека. Невроз возникает, когда индивид оказывается не способным изменять свой образ действия и способы взаимодействия со средой. Если индивид привязан к устаревшим способам действия, он теряет способность удовлетворять свои потребности, в том числе социальные. Множество отчужденных, изолированных, ни с кем не связанных людей в современном обществе – явное свидетельство того, что такая неспособность легко может возникнуть.

В психологической литературе феномен дезадаптации обозначен как, следствие действия защитных механизмов (М. Кляйн, А. Маслоу, Ф. Перлз, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Фромм.); нарушение гомеостаза личности и среды (Л. И. Анцыферова, Б. Н. Алмазов, Т. Г. Дичев, А. А. Налчаджян, С. Раттер и др.); внутренний конфликт (К. Хорни и др.); тревога (Ф. Березин и др.). В социальной психологии (Я. Гошовский, И. Кон, Ю. Можгинский и др.) явление дезадаптации представлены через проявления асоциального поведения (различные виды зависимостей: игровая, алкогольная, наркотическая, склонности к правонарушениям и др.).

Согласно Ф. Перлзу [16, с. 9], «человека, который в поисках точки равновесия переступает через контактную границу, заходя на сторону общества, так что он оказывается с ним в остром конфликте, мы называем преступником. Если же человек в поисках равновесия все более отходит назад и допускает преувеличенные посягательства общества, которое перегружает его своими требованиями и в то же время отчуждает от общественной жизни, если человек дает обществу побуждать и формировать себя, – мы называем его невротиком. Невротик не способен ясно видеть собственные потребности и из-за этого не может их удовлетворять. Он не умеет достаточно определенно отличать себя от остального мира, он ставит общество выше самой жизни, а себя – ниже. Преступник также не умеет отличать себя от остального мира, из-за чего он не видит потребности других и пренебрегает ими, но он, в противоположность невротик, ставит себя выше жизни, а общество – ниже». Мы согласны с Ф. Перлзом в описании следствия дезадаптивного поведения, которое проявляется в двух противоположных формах: агрессия и аутоагрессия.

Социально-психологическая природа дезадаптации зависит от опыта переживаний социальных отношений, ощущений нужности/ненужности, зависимости/независимости, доверия/недоверия, удовлетворения либо постоянного неудовлетворения субъективно значимых потребностей. Нахождение соответствия между направленностью субъекта и приемлемым для него социальным окружением можно считать искусством, поскольку малейший перекоп в приоритете интересов как в одну, так и в другую сторону делает этот хрупкий баланс неустойчивым. Именно сложность нахождения меры между активностью и пассивностью в отношениях индивида с окружением приводит к тому, что в подавляющем большинстве случаев люди не умеют создать приемлемое равновесие между своим внутренним миром и социальным окружением, вследствие чего испытывают неудовлетворенность жизнью [4]. Наши рассуждения позволяют определить дезадаптацию как отказ индивида от

своих интересов, связанных с необходимостью войти в социальную среду, так и необоснованное силовое давление на эту среду, обычно не приносящее успеха.

Акцентируя исследовательский интерес на глубинно-личностных дезадаптивных процессах, считаем важным дополнить понятие социальной дезадаптации понятием внутриличностной дезадаптации, для которой характерно рассогласование самооценок и притязаний индивида как с его внутренними возможностями, так и с реальностью внешней среды. Фактически рассогласование между «Я-реальным», «Я-актуальным» и «Я-идеальным», где «Я-реальное» – есть наиболее сущностная истинная самость, то что человек есть на самом деле; «Я-актуальное» – презентация себя в настоящий момент; «Я-идеальное» – желанный для социума образ «Я» (то, чего достигнуть невозможно). Для внутриличностной адаптации важны глубинные ощущения индивида, его самооценка и эмоциональное отношение к себе. Только истинное принятие себя при успехах и неудачах, адекватная самооценка обеспечивает здоровые отношения с социумом, основа которых строится на принципах равенства и взаимоуважения. В противном случае неизбежно возникает внутренний конфликт между состояниями «Я», между «Я» и «Оно», между «Я» и «Сверх-Я». Энергетическое напряжение, возникающее в ответ на конфликт, требует постоянной разрядки и через защитные механизмы компенсации детерминирует процесс самодепривации, блокирования адаптивных способностей субъекта [18].

На рис. 1 представлена структурно-семантическая модель психики как функциональной системы.

Рис. 1. Структурно-семантическая модель психики как функциональной системы

Элементы системы связаны друг с другом не просто отношениями взаимодействия, но отношениями по принципу содействия [1]. «В высокодифференцированной системе содействие предполагает наличие элементов, выполняющих не просто различные, но и противоположные функции, гармоничное единство, взаимное дополнение которых позволяют системе успешно функционировать и развиваться» [3, с. 341].

Осевыми векторами структурно-семантического пространства выступили (А+) Адаптация – (А-) Дезадаптация, (Я+) Зрелость Эго – (Я-) Слабость Эго (инфантильность). Полярные векторы указывают на психическую направленность субъекта: Самоактуализация – Самодепривация, Независимость – Зависимость. В поле, созданном векторами (А+) и (Я+) расположена самоактуализация, (А-) и (Я-) – самодепривация.

Изучая противоречия, лежащие в основе психической организации личности, мы отмечаем «единство и борьбу противоположностей» как движущую силу психического развития, которая является механизмом обогащения и качественного преобразования личностных уровней функционирования.

Теоретический анализ проблемы позволяет констатировать факт развития адаптивных способностей посредством не только инстинктивных тенденций, но и опыта переживаний субъекта, связанного с удовлетворением и/или неудовлетворением потребностей. Инстинкт жизни, тенденцию саморазвития, самоактуализации детерминирует разрешение внутренних противоречий психики.

Основы адаптивного поведения закладываются в детстве, под влиянием первичных объектных отношений, особенность которых создает фон для развития индивидуальности субъекта.

Каждый индивид является носителем родительских установок и в отношении способностей социально-психологической адаптации, однако степень адаптации не может быть неизменной на протяжении всей жизни. Мы согласны с мнением И. Симаевой [4], что адаптационные механизмы формируются в русле особенностей индивидуального развития.

Способствующий саморазвитию социальный климат всегда учитывает актуальные потребности членов семьи, что обеспечивает развитие, прежде всего, психической зрелости. На наш взгляд, вектор самоактуализации (см. рис. 1) логично расположить в поле, созданном осью «адаптация-зрелость Эго».

Зрелость «Эго» в психологии характеризуется как «умение принимать решения и разрешать конфликты, адаптация с целью самосохранения и безопасности» З. Фрейд, «истинная Самость» Д. Винникотт, «целостность, интегрированность» М. Кляйн, «константность внутреннего объекта» М. Малер, «витальность (способность любить, работать, быть автономным и рефлексивным, уметь отдыхать, чувствовать себя в безопасности, способность быть и чувствовать себя живым)» Н. Мак-Вильямс, «аутентичность» А. Маслоу, «способность конструктивно взаимодействовать с окружающей действительностью и умение справляться с психологическим напряжением и внутренней тревогой» В. Меннингер, «умение обойтись без поддержки окружения, одной только самоподдержкой» Ф. Перлз, «самообъективация и реалистичность» Г. Олпорт, «идентичность, эго-интеграция» Э. Эриксон.

Обзор научной литературы позволяет определить основные составляющие зрелой, самоактуализирующейся личности, способной к продуктивной адаптации как к внешнему, так и внутреннему миру (см. рис. 1). Базовой, на наш взгляд, является тенденция жизни, предполагающая проявление активности в направлении развития «Эго», целесообразности, рефлексивности. Человек способен проявлять самобытность, он в полной мере осознает каждый момент своей жизни («здесь-и-теперь»), учитывает «место – меру – момент» [19], самостоятельно осуществляет выбор способа жизни и принимает полную ответственность за данный выбор.

Важным качеством является открытость собственному опыту как готовность принимать свои чувства. Здесь открытость понимается не в смысле откровенности

перед другими людьми, а как искренность в восприятии собственных чувств. Социальный опыт, детерминирующий функционирование психологической защиты, учит отрицать, подавлять, вытеснять свои чувства, в особенности отрицательные, но психологически зрелый человек поступает иначе – он их проживает. В таком случае можно успешно регулировать свое поведение, поскольку вытесненные переживания становятся источником прорывающихся аффектов. Осознавая эмоциональные реакции, человек может сам выбирать тот или иной способ поведения в каждой ситуации, а не позволять неосознанным чувствам нарушать регуляцию поведения. Именно поэтому зрелый человек проявляет терпимость ко всей гамме своих и чужих эмоциональных реакций.

Готовность к самопознанию обеспечивает социально-психологический диапазон. Чем больше человек знает о себе, чем в большей степени он готов принимать свои личностные особенности, тем легче ему понять поведение и мотивы других. Открытие внутренних реалий помогает увидеть свой собственный жизненный путь и свои задачи. А. Маслоу обращает внимание на важность внутреннего осознания человеком уникальности своего бытия. Умение «прислушиваться к голосу импульсов» [6, с. 30] означает развитость способности иметь и воспринимать внутренние сигналы своей психики, знать, что и кто человеку нравится и не нравится, что доставляет радость и удовольствие, что – нет. Согласно А. Маслоу [14], восстановление личности должно включать восстановление способности понимать сигналы своего «Я».

Отказ от самоактуализации, нежелание реализовывать собственные возможности есть особая защитная стратегия человека против социального детерминизма, который мы определяем, как механизм самодепривации. «Жизнь против жизни» – так можно сформулировать принцип этого парадоксального механизма психологической защиты, позволяющий дезадаптивному индивиду проявить себя хозяином своей судьбы.

Векторы «зависимость-независимость» (рис. 1) акцентируют внимание на базовых внутренних переживаниях первичных объектных отношений, которые фактически задают изначальное направление жизненного пути личности. Чувство зависимости и сопряженное с ним переживание удовлетворения/неудовлетворения потребности в независимости являются одними из самых ранних переживаний личности в онтогенезе. В философии буддизма [8, с. 55] «из всех типов незнания худшим является незнание, проявляющееся в том, что человек воспринимает себя и других как существа независимые, вместо того чтобы осознать нашу общую зависимость». Понимание или знание того, что субъект происходит от «зависимого начала», создает основу для внутренней гармонии и покоя, «свободы от негативных эмоций» [там же]. Вслед за Далай-Ламой [8], понимаем чувство зависимости как состояние, имеющее решающее значение в развитии зрелости психики. На наш взгляд терапии подлежит «нарушенное чувство зависимости», которое и определяет инфантильный характер объектных отношений субъекта, возникающих в различные периоды онтогенеза.

Физическая зависимость младенца от матери позволяет ему выжить, удовлетворяя витальные потребности и снижая внутреннее напряжение, вызванное базальными страхами. Удовольствие, возникающее у ребенка в ответ на заботливое отношение матери и ее доступность, создает предпосылки развития чувства привязанности. «Эти отношения являются началом организации Эго, посредством установления внутриспсихических связей со стороны ребенка между следами памяти об удовлетворении и гештальтом человеческого лица» [13, с. 406]. По мере развития младенца меняется соотношение позиций матери и ребенка относительно друг друга.

Работы М. Малер делают акцент на важности дистанции в симбиозе «мать-дитя», регулировать которую должен иметь возможность сам ребенок (его потребности в развитии), что, собственно, и обеспечивает процесс сепарации-индивидуации. Невротическая зависимость у ребенка возникает всякий раз, когда мать дистанцируется в период потребности ребенка в индивидуации и/или излишне контролирует в период сепарации. В результате, нарушается связь между желанием и привязанностью, внутрь которой встраивается страх (остаться одному), контроль и дистанцирование (как стремление удовлетворить потребность в независимости). В дальнейшем, человек рискует все время переживать деструкции диадных объектных отношений, вращаясь в «порочном круге» противоречия «зависимость-независимость», ощущая страх одиночества на фоне стремления к самостоятельности. Истинная же зрелая привязанность к другим людям служит основой для развития эмпатии, сострадания и заботы.

Модель (рис.1) наглядно демонстрирует варианты развития личности. Самым конструктивным вариантом, является А+Я+, свидетельствующий о стремлении личности к самоактуализации. Соответственно, разрушительным для саморазвития личности станет вариант А-Я-, демонстрирующий парадоксальный путь развития субъекта – «жизнь против жизни». Точка субъекта может быть в любом месте системы координат, свидетельствуя о множестве возможных вариантах жизненного пути [12].

Заключение. Понимание психики как системы дает возможность рассматривать психические явления в их логической упорядоченности и гармоничном взаимодействии всех частей целого. Условием нашего научного поиска, учитывая принцип дополненности, является принятие адаптивности как основного критерия, согласно которому организуются все динамические элементы психики. Адаптивная направленность психических процессов непосредственно связана с целесообразностью жизнедеятельности субъекта, выполняя здоровьесберегающие задачи выживания и личностного развития.

В структурно-семантической модели психики представлено взаимодействие элементов системы по принципу содействия, акцент ставится на динамике функционирования взаимодополняющих семантических единиц. Оси системы составили базовые категории психического: адаптивность/дезадаптивность; зрелость Эго/Ложная самость. Векторы системы указывают на вариативность индивидуального развития. Интенция самоактуализации обеспечивается зрелостью «Эго» и общей адаптивностью субъекта. Антагонистически противоположная интенция самодепривации отмечается дезадаптивными характеристиками и сформированной ложной самостью (фиктивной идентичностью). В систему включены категории зависимость/независимость как наиболее ранние базовые переживания первичных объектных отношений, оказывающие непосредственное влияние на социализацию субъекта. Нарушенное чувство зависимости является одним из компонентов самодепривации, а также одним из основных диагностических симптомов. Перспективы дальнейших исследований мы видим в более глубоком анализе выделенных в модели психических явлений и механизмов, изучении социально-психологических причин формирования дезадаптивных, прежде всего, самодепривационных форм поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П. К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем / П. К. Анохин; ред. К. В. Судакова. – М.: Медицина. – 1998. – 290 с.

2. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 196 с.
3. Анцыферова Л. Н. Некоторые теоретические проблемы психологии личности / Л. Н. Анцыферова // Психология личности; под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара: БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – 544 с.
4. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
5. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред.: Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Пайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
6. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / Д. Бьюдженталь; пер. с англ. А. Б Фенько. – М.: Класс, 2012. – 328 с.
7. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 800 с.
8. Далай-Лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / Далай-Лама, П. Экман. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.
9. Дичев Т. Г. Проблема адаптации и здоровья человека / Т. Г. Дичев, К.Е. Тарасов. – М., 1976. – 231 с.
10. Дружинин В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 368 с.
11. Кохут Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут; пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003. – 368 с.
12. Максименко Е.Г. Глубинная психокоррекция самодепривации личности / Е.Г. Максименко. – Слов'янськ : вид. Б.І. Моторіна, 2016. – 350 с.
13. Малер М. С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М.С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман; пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
15. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра: радость. Печаль. Хаос. Мудрость / Ф. Перлз; пер. с англ. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2002. – 224 с.
16. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии / Ф. Перлз. – М.: Психотерапия, 2007. – 168 с.
17. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Рн/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
18. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности / К. Хорни; пер. с англ. – М.: Смысл, 1997. – 696 с.
19. Яценко Т. С. Малюнок у психокорекційній роботі психолога-практика / Т. С. Яценко, М. Г. Чобітько, Т. І. Донцевич. – Черкаси: Брама, 2003. – 216 с.

Поступила в редакцию 15.09.2019 г.

MODEL OF PSYCHE AS FUNCTIONAL SYSTEM

E.G. Maksimenko

The article addresses the structural and semantic criteria of the psyche as a functional system. The focus is made on the psyche adaptability. The suggested psyche model is represented as a coordinate system, where the ordinate axis shows the direction of adaptation / maladaptation, and the abscissa axis shows the maturity of the ego / false self. It is stated, that the system elements are interconnected in accordance with the principle of mutual influence. The author considers that life lines choices plurality is based on the direction the individual follows being guided by the primary object relationships.

Key words: adaptation, maladaptation, self-actualization, self-deprivation, ego maturity, false Self, dependence, independence.

Максименко Елена Георгиевна.

Доктор психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
e-mail: emaksimenkodon@gmail.com

Maksimenko Elena Georgievna.

Doctor of Psychology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of Department of Psychology.
e-mail: emaksimenkodon@gmail.com

УДК 15. 019. 9 + 153. 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДЕТСКОГО ТРАВМАТИЗМА

© 2019. *В.И. Безродный*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Приводятся результаты сравнительных исследований двух групп подростков, различающихся по числу полученных травм. В качестве методов использовались психологическое тестирование, анкетирование, социометрия. Результаты обработаны с помощью методов математической статистики с привлечением факторного анализа. Установлены достоверные отличия, объясняющие повышенную вероятность травмирования конкретными психологическими причинами.

Ключевые слова: психологические причины травматизма, склонность к риску, уровень безопасного поведения, темперамент, факторный анализ.

Несчастные случаи – проблема не одной, не двух, а каждой из современных стран мира. В 90 % травматических или летальных ситуаций имеют место именно несчастные случаи. Данные неутешительные, но еще хуже тот факт, что в такие ситуации нередко попадают дети. Мировой уровень детского травматизма на сегодня очень высок, и это уже становится проблемой не только родителей, воспитателей, учителей и других взрослых, которые несут ответственность за детей. Ученые всего мира настаивают на рассмотрении этого вопроса как социальной проблемы, ведь несчастные случаи сейчас являются более частой причиной детской смертности, чем инфекционные заболевания. Поэтому на борьбу с детским травматизмом нужно бросить не меньше усилий, чем на борьбу с инфекциями.

Проблема детского травматизма наиболее актуальна в крупных городах, где пострадавшие дети заполнили большую часть отделений медицинской помощи. Данный факт негативно влияет на функционирование общества, ведь это заставляет родителей оставлять работу и обеспечивать безопасность своих детей, а воспитателей, учителей – учить детей по индивидуальной программе.

Можно отметить некоторые качества ребенка, которые способствуют возникновению травматизма:

- гиперактивность;
- импульсивность;
- слабая реакция на стресс;
- любознательность;
- нестабильность приобретенных двигательных навыков.

Причины травматизма: усталость, нервозность, преобладание возбуждения над торможением, инертность нервных процессов.

Последствия частого травматизма: ухудшение внимания и его распределения, концентрации и переключения.

Интересно отметить, что у детей-потерпевших старшего дошкольного возраста часто наблюдалось недостаточное развитие в системе интеллекта таких операций мышления как: способность к анализу, синтезу, обобщению, которые помогают человеку оценивать ситуацию и предвидеть последствия собственных действий [6].

Также представляет интерес тот факт, что мальчики чаще становятся участниками несчастных случаев. Изучением этого вопроса занимался Р.Б. Кеттелл. Исследователь объяснил такое положение вещей тем, что мальчикам присущи такие качества как:

активность, настойчивость и склонность к риску в большей степени, чем девушкам. А тщательность и чувствительность, которые помогают овладеть собой в нужный момент, наоборот, развиты хуже.

Стоит отметить, что с возрастом вектор различия увеличивается. Р.Б. Кеттелл выделил черты, присущие детям, склонным к травматизму:

- высокая степень склонности к риску;
- расторженность, возбудимость, эмоциональность и неустойчивость движений;

- частые смены настроения, неадекватная реакция в стрессовых ситуациях [1].

По результатам исследований 77 % детей-пострадавших – дети с неадекватной реакцией. При этом 52 % из них не считают себя виноватыми в том, что произошло, а обвиняют болезни, травмы, других людей или влияние обстоятельств. Это свидетельствует об их завышенной самооценке и несамокритичности [7].

Дети, как никто другой, нуждаются в повышенном внимании, ведь их багаж знаний обычно недостаточно для предупреждения несчастных случаев. Ошибками взрослых в предупреждении возникновения травматических ситуаций с участием детей часто являются:

- недостаточное внимание к детям или полное его отсутствие;
- неграмотная организация досуга детей;
- низкий уровень воспитательной работы.

Эмоциональные свойства темперамента и индивидуальные свойства характера – некоторые из множества категорий причин попадания в опасные ситуации. Риск значительно увеличивается при:

- низких качествах внимания (концентрация, устойчивость, переключение);
- недостаточной координации;
- плохой наблюдательности;
- чрезмерно высокой или низкой склонности к риску [4, 9].

Однако темперамент не дает однозначной оценки склонности к попаданию в опасные ситуации. Здесь нужно вспомнить о механизмах компенсации, описанных Е.А. Климовым, которые дают информацию об индивидуальном стиле деятельности [7].

Рассмотрим особенности, способствующие травматизму и те, которые его предупреждают, связанные с типом темперамента (табл. 1).

Таблица 1

Черты темперамента способствующие и препятствующие травматизму

Черты, способствующие травматизму	Черты, предупреждающие травматизм
ХОЛЕРИК	
импульсивность (определяет склонность к опасности)	быстрая реакция, высокая подвижность и переключение внимания (обеспечивает возможность избежания опасности)
ФЛЕГМАТИК	
чрезмерная инертность нервных процессов (с одной стороны снижает склонность к травматизму)	чрезмерная инертность нервных процессов (с другой стороны повышает вероятность возникновения травм)

Учитывая тот факт, что в 15 % случаев травматизма причиной была слабость нервных процессов, что вызвало повышенную утомляемость, заторможенность, вялость, а у 50 % испытуемых отмечалась высокая склонность к риску, гиперактивность, импульсивность; ученые Н.Ф. Сыса и А.И. Затекин сделали вывод,

что именно нервная система (процессы возбуждения и торможения, сила - слабость нервных процессов) имеет важнейшее значение в для «травмоустойчивости» [6].

Особое значение следует уделить «переходному возрасту» (от 11–12 до 14–15 лет). Это время интенсивной перестройки всей физиологической системы организма, характеризующейся повышением давления, головными болями, быстрой утомляемостью, что часто приводит к снижению внимания, потере контроля и самоконтроля, замедлению скорости и адекватности реакций [3, 8]. С точки зрения психологии этот период жизни каждого человека является очень противоречивым. Неадекватная оценка ошибочных действий - нередкое явление в жизни подростков главным образом объясняется отсутствием жизненного опыта. Социально же значимые полезные действия могут расцениваться ими как негативные, враждебные [2, 3, 5].

Наши собственные исследования свидетельствуют о том, что между группами подростков, которые отличаются количеством травм, есть определенные различия. Целью исследований было установление взаимосвязи между вероятностью травмирования детей подросткового возраста и индивидуальными особенностями личности ребенка. Исследованиями были охвачены 357 подростков в возрасте 11–13 лет школ Донецка и Макеевки.

Одной из важных задач было формирование экспериментальной и контрольной групп. В экспериментальную группу входили дети с повышенной вероятностью травмирования. Отбор проходил на основе специально разработанных анкет, которые предлагались родителям, учителям, одноклассникам.

В контрольную группу входили дети, которые очень редко травмировались. Естественно, трудно найти подростка, который никогда не получал легкие травмы (разбитые коленки, локти, порезы и др.). В экспериментальную и контрольную группу входили только мальчики в возрасте 11–14 лет.

Использовались следующие методы исследования: анкетирование, психологическое тестирование, социометрия.

В анкете для родителей предлагалось оценить своего ребенка по некоторым психологическим качествам: подвижность, общительность, дисциплинированность, склонность к риску, сообразительность, активность, внимательность, уравновешенность, смелость. Оценка происходила по пятибалльной шкале.

Анкета для опроса педагогов включала три открытых вопроса. В первом вопросе надо было указать фамилии пяти мальчиков определенного класса, которые чаще других получали травмы, а в противоположной колонке – фамилии пяти мальчиков того же класса, которые травмируются реже других. Результаты ответов на этот вопрос учитывались при распределении учащихся в экспериментальную и контрольную группы. Особое внимание уделялось ответам классных руководителей, учителей трудового воспитания, физкультуры.

Во втором вопросе преподавателям предлагалось указать фамилии пяти мальчиков, пользующихся авторитетом у одноклассников; в противоположной колонке – фамилии наименее авторитетных учеников класса. Результаты ответов на этот вопрос учитывались при определении соотношения количества травм и авторитетности одноклассников.

В третьем вопросе была просьба указать фамилии пяти мальчиков наиболее подверженных риску и наиболее осторожных. Результаты ответов на этот вопрос помогли выяснить как склонность к риску влияет на частоту травмирования. Анкета для опроса испытуемых и их одноклассников включала три вопроса, где предлагалось указать по пять фамилий одноклассников (а если кто-то считает нужным – и себя),

которые чаще или реже других получали травмы, тех, которые склонны к рискованным поступкам или осторожны. Для изучения уровня безопасного поведения (УБП) учащихся были разработаны специальные проективные ситуации. Они включали типичные нарушения правил безопасного поведения.

Среди методик также использовались:

–тест RSK для оценки склонности к риску (по Г. Шуберту), адаптированный для подростков;

–экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга;

–опросник Г. Айзенка (подростковый вариант) для измерения экстраверсии ("Е") и нейротизма ("Н").

Сравнительные исследования среди подростков с разной вероятностью травмирования показывают, что дети, которые часто травмируются, отличаются от тех, что травмируются редко. Часто травмирующиеся более подвижны, склонны к риску по оценкам родителей, и имеют более высокие показатели по тесту RSK, который оценивает склонность к риску в условиях физической опасности; в то же время они менее дисциплинированы, внимательны, осторожны, уравновешены ($P < 0,05-0,001$). При этом в экспериментальной группе преобладает самозащитный тип реакций (ЕД), в то время как в контрольной группе – препятственно-доминантный (ОД). Это может свидетельствовать о некоторой агрессивности и снижении чувства вины у подростков, которые часто травмируются.

В группе часто травмирующихся детей показатель УБП (0,52) меньше, чем в контрольной группе (0,68). В то же время средний показатель УБП родителей детей, часто травмирующихся, был несколько выше, чем в семьях детей, которые редко травмируются: соответственно (0,82) и (0,66). Однако корреляционный анализ показывает, что коэффициент корреляции между УБП детей и УБП родителей в контрольной группе составляет (0,96) против (0,83) экспериментальной группы. Это может свидетельствовать о том, что в семьях детей, которые редко травмируются, работает определенный механизм передачи положительных социальных установок на безопасное поведение. В то же время, в семьях часто травмирующихся детей, даже при наличии положительных установок на безопасное поведение, их передача происходит менее эффективно. Этот факт находит свое подтверждение в факторном анализе показателей экспериментальной и контрольной групп.

Анализ факторных нагрузок по данным матриц интеркорреляций (табл. 2) свидетельствует о том, что 1-й фактор экспериментальной группы включает следующие показатели с высокими факторными нагрузками: тип реакции с фиксацией на защите (ЕД), экстрапунитивное направление реакций (Е) в сочетании с высокими отрицательными факторными нагрузками и с импунитивной направленностью реакций (М). Этот фактор можно интерпретировать как "некритичность" – склонность обвинять в состоянии фрустрации окружающих и обстоятельства.

2-й фактор включает высокие факторные нагрузки из таких показателей как подвижность, смелость общительность в сочетании с отрицательным показателем (И) – экстрапунитивное направление реакций. Этот фактор можно интерпретировать как "импульсивность".

Анализ матрицы интеркорреляций контрольной группы свидетельствует, что 1-й фактор имеет сложное строение. Высокие факторные нагрузки по показателям в рабоче-функциональных отношениях, отрицательные и положительные веса (Пр.Рi- и Пр. Рi+) в неофициальных отношениях в сочетании с положительными значениями

таких показателей, как подвижность, сообразительность, активность, можно интерпретировать как "авторитетность".

Таблица 2

Факторный анализ матриц интеркорреляций
экспериментальной и контрольной групп *

Показатели	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Фактор1	Фактор2	Фактор1	Фактор2
Подвижность	0,35	0,72	0,63	-0,01
Общительность	0,52	0,60	0,63	0,19
Дисциплинированность	0,49	-0,29	0,29	0,03
Риск	0,23	0,39	0,20	0,03
Сообразительность	0,32	0,52	0,69	0,02
Активность	0,57	0,32	0,59	0,18
Внимательность	0,42	0,11	0,26	0,27
Осторожность	0,45	-0,27	-0,70	-0,30
Уравновешенность	0,67	0,01	0,12	-0,29
Смелость	0,33	0,59	0,16	-0,14
УБП родителей	-0,15	0,08	0,34	0,74
УБП детей	0,22	-0,05	0,34	0,74
“Е”	-0,06	0,45	0,34	0,29
“Н”	-0,20	-0,33	-0,08	-0,40
RSK	-0,17	-0,03	-0,33	0,04
Е	0,88	0,21	0,11	0,77
I	0,46	-0,47	0,08	0,37
М	-0,74	0,18	-0,26	0,70
OD	0,40	0,07	-0,17	0,49
ED	0,80	0,19	0,03	-0,65
NP	0,63	-0,29	-0,03	0,24
Пр.Pi +	0,29	-0,38	0,49	-0,08
Пр.Pi -	-0,09	0,35	-0,74	0,07
Пр.Pi +	0,45	-0,00	0,40	0,50
Пр.Pi -	-0,16	0,39	-0,64	0,00

* Примечание: условные обозначения в тексте.

2-й фактор наиболее интересен. Высокие факторные нагрузки имеют показатели УБП родителей и детей в сочетании с экстрапунитивным типом направленности реакций (Е). Этот фактор можно интерпретировать как "согласованность УБП", что свидетельствует о согласованности в восприятии опасности у родителей и детей.

Особого внимания заслуживает факт согласованности, синхронности УБП родителей и детей в контрольной группе. Используемый нами критерий УБП представляет собой эквивалент социальной установки на поведение в потенциально опасной ситуации. Известно, что формирование подобных установок в значительной степени обусловлено влиянием семьи. Социальные установки, сложившиеся в семье, передаются детям как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Подобные установки адекватного отношения к опасности передаются среди детей контрольной группы более эффективно. Механизм передачи подобных установок изучен еще недостаточно и является целью наших дальнейших исследований. Раскрытие этого механизма и возможные пути целенаправленного воздействия на передачу

положительных установок по отношению к опасным ситуациям имеет большие потенциальные возможности для формирования безопасного поведения подростков.

Дополнительно исследованиям подвергались полярные группы детей разного возраста, сформированные по определенному принципу. В экспериментальные группы численностью от 30 до 40 человек отбирались дети конкретного возраста, которые получали травмы чаще других. В контрольные группы включались дети, травмирующиеся реже других. Парно сравнивались группы одного возраста и пола. В исследованиях принимали участие только практически здоровые дети. Отбор групп осуществлялся на основе специальных анкет и анализа документов. В качестве методов исследования использовались анкетирование и психологическое тестирование. Анкетированию подвергались родители, учителя, классные руководители, школьники.

Установлено, что среди подростков, которые часто травмируются, выше агрессивность ($P < 0,05$), измеренная по методике диагностики самооценки психических состояний по Г. Айзенку [1]. Во всех сравниваемых группах, начиная с подросткового возраста, наблюдается повышенная склонность к риску (по опросу родителей, учителей, классных руководителей), а также к риску в условиях физической опасности (тест RSK Г. Шуберта) ($P < 0,05-0,01$).

Результаты исследований с помощью опросника Г. Шмишека и методики изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга свидетельствуют о том, что для склонных к частому травмированию подростков по сравнению с теми, что редко травмируются, характерны следующие качества:

- демонстративный тип акцентуации ($P < 0,001$);
- возбудимый тип акцентуации ($P < 0,001$);
- гипертимный тип акцентуации ($P < 0,001$);
- реакции экстрапунитивной направленности ($P < 0,001$).

Для подростков, которые редко травмируются, по сравнению с часто травмирующимися, характерны такие качества:

- педантичный тип акцентуации ($P < 0,001$);
- тревожный тип акцентуации ($P < 0,001$);
- реакции интропунитивной направленности ($P < 0,001$);
- реакции препятственно- доминантного типа ($P < 0,001$).

Выводы.

1. Рассмотрев характеристики указанных выше качеств, мы можем утверждать, что склонным к частому травмированию подросткам свойственны следующие особенности: демонстративность поведения, подвижность и живость, склонность к авантюризму и потребность быть в центре внимания, стремление к лидерству, эгоцентризм, завышенная самооценка и конфликтность.

2. У подростков экспериментальной группы отмечается недостаточная управляемость, повышенная импульсивность, грубость, раздражительность, сильное стремление к самостоятельности, чрезмерная склонность к развлечениям, агрессивность, плохо сформированное представление о безопасном поведении и повышенная склонность к риску.

3. Нужно отметить, что различия были заметны также и при наблюдении за испытуемыми обеих групп при выполнении ими задач психолога. Подростки, группы часто травмирующихся вели себя шумно, постоянно отвлекались от выполнения заданий, были невнимательны и задавали много вопросов. Подростки, которые редко травмируются, в основном слушали задачи, выполняли их быстро и точно, и в целом подходили к выполнению задач более ответственно и добросовестно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдулова Т.П. Психология подросткового возраста / Т.П. Авдулова. – М. : Академия, 2012. – 240 с.
2. Гурова О.В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема / О.В. Гурова // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 10. – С. 76–94.
3. Ескендилов А.А. Особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя / А.А. Ескендилов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2018. – № 2 (46). – С. 135–140
4. Ильин Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2012. – 267 с.
5. Нацун Л.Н. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования / Л.Н. Нацун, И.Н. Разварина, Е.О. Смолева // Проблемы развития территории. – 2017. – № 1. – С. 114–129.
6. Реан А.А. Психология личности / А.А. Реан. – СПб. : Питер, 2016. – 288 с.
7. Ульянова И.В. Рискованное поведение подростков как педагогический феномен / И.В. Ульянова, Т.А. Попова // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 9-2. – С. 343–349.
8. Ovchinnikov O.M. Professional'no znachimyye pedagogicheskiye kachestva operativnogo sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noy sistemy kak neot'yemlemoye usloviye effektivnoy sluzhebnoy deyatel'nosti / O.M. Ovchinnikov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. – 2016. – № 3 (39).
9. Romer D. Adolescent Risk Taking, Impulsivity, and brain development: Implications for prevention / D. Romer // Developmental Psychobiology. – 2010. – Vol. 52. – P. 263–276.

Поступила в редакцию 12.09.2019 г.

PSYCHOLOGICAL REASONS OF CHILD INJURY

V.I. Bezrodny

The article deals with the results of comparative studies of two groups of adolescents differing in the number of injuries. The methods of psychological testing, questioning, and sociometry have been applied. The results processing has been carried out by means of methods of mathematical statistics, and factor analysis. The results obtained manifest differences accounting for the increased possibility of injury, which is connected with specific psychological reasons.

Key words: psychological causes of injury, risk appetite, level of safe behavior, temperament, factor analysis.

Безродный Владимир Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

Bezrodny Vladimir Ivanovich.

Candidate of Psychology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА МОЛОДЕЖЬ

© 2019. *А.В. Гордеева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются психологические механизмы воздействия социальной рекламы на молодежь. Выделены четыре типа механизмов: идентификация, убеждение, внушение и заражение. Установлено, что чаще всего в рекламе ведущим является механизм идентификации. Однако по эффективности воздействия более сильными оказались убеждение и заражение. Проанализированы поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты эффективности воздействия социальной рекламы.

Ключевые слова: социальная реклама, эффективность рекламы, психологические механизмы воздействия, молодежь

Введение. Реклама в нашей жизни занимает значительное место. Она призвана сделать ее более удобной, помочь нам сориентироваться в выборе товара и услуг. Порой она бывает навязчивой, порой вызывает любопытство и интерес, часто ее просто не замечают. Чтобы сделать ее более эффективной, исследуются факторы и механизмы воздействия рекламы на потребителя. Основная часть публикаций относится к коммерческой рекламе. В последнее время, откликаясь на запросы общества и государства, все большее число ученых, являющихся представителями разных наук, обращаются к изучению социальной рекламы.

Социальная реклама позволяет в сжатой форме распространить необходимую информацию в обществе, сделать акцент на социальных проблемах, показать способы ее решения. Социальную рекламу рассматривают как форму общественной рефлексии, способной как к распространению, так и формированию общественно значимых ценностей. С помощью нее не только привлекают внимание к актуальной проблеме, но и показывают пути ее решения (Гермогенова Л.Ю., Грановский Л.Г., Дакоро М.А., Ковалева А.В., Николайшвили Г.Г., Пискунова М.И., Потапова У.Ю., Слинько А.Е., Старых Н.В).

Одной из важнейших целевых аудиторий социальной рекламы является молодежь. Ее роль обусловлена объективными обстоятельствами: это достаточно большая социально-демографическая группа, имеющая значительный профессиональный и личностный потенциал. Но в силу своих психологических особенностей она не всегда удовлетворяет ожиданиям общества. Молодежь мобильна, инициативна, но недостаточность опыта может приводить к ошибкам в принятии решений. Она может быть индифферентной, поддаваться на политические провокации, увлекаться алкоголем и наркотиками. Социальная реклама – это один из наиболее активных инструментов быстрого реагирования и целевого воздействия в решении социальных проблем общества и молодого поколения в том числе.

Виды социальной рекламы, ее уровни, направления, цели и функции подробно описаны в работах Дитятева Г.Г., Дмитриевой Л.М., Николайшвили Г.Г., Ученовой В.В. и др. [1, 2, 4, 6].

Целью данной статьи явилось изучение эффективности и психологических механизмов воздействия социальной рекламы на молодежь.

В структуре социально-психологического воздействия рекламы на потребителя обычно выделяют три направления: когнитивное (познавательное), связанное с тем, как человек воспринимает рекламу; эмоциональное (аффективное), которое определяет эмоциональное отношение к объекту рекламной информации; поведенческое (конативное), отражающееся в поведении человека [4, 5, 7].

Современные исследователи выделили основные психологические механизмы воздействия социальной рекламы на человека. Это механизмы убеждения, заражения, внушения и идентификации [8]. *Идентификация* – это процесс неосознаваемого отождествления себя с другим субъектом, группой, идеалом. *Убеждение* – это разъяснение правильности определенного поведения, недопустимости какого-то проступка. *Внушение* – целенаправленный процесс психического воздействия на человека, воспринимаемое им пассивно, с целью создать у него определенное состояние или побуждение к определенным действиям. *Заражение* – это бессознательная подверженность индивида определенным психическим состояниям.

Основная часть. На подготовительном этапе исследования были отобраны 16 видеороликов современной социальной рекламы, наиболее часто встречающейся на телевидении и в Интернете. Все они были подвергнуты экспертизе, целью которой было отобрать из имеющихся образцов ролики с выраженными ведущими механизмами воздействия: идентификации, внушения, убеждения и заражения. Каждый из четырех механизмов был описан с помощью набора индикаторов. Примеры индикаторов приведены в таблице 1. Степень выраженности каждого индикатора необходимо было оценить по пятибалльной системе. Данные образцы предоставлялись к просмотру экспертной группе, в качестве которой выступали пять подготовленных студентов-магистров специальности «Психология» Донецкого национального университета, которые уже слушали дисциплину «Психология рекламы». Средневзвешенная оценка по каждому механизму позволила выбрать 8 видеороликов, в которых те или иные психологические механизмы воздействия были наиболее выражены, по сравнению с другими, то есть явились ведущими. На каждый из механизмов воздействия было отобрано по два ролика.

Таблица 1.

Психологические механизмы воздействия и их индикаторы

Идентификация	Убеждение
<ul style="list-style-type: none"> – изображение в рекламе образа людей из того же социального слоя, на которых она направлена; – представление образа человека в повседневной, обычной жизни; – использование в рекламе образов представителей референтной группы целевой аудитории рекламы; – изображение в рекламе значимых (известных) людей для целевой аудитории. 	<ul style="list-style-type: none"> – аргументация; – доказательство; – обоснование; – опровержение; – дискуссия; – личное обращение к зрителю; – наличие явного преувеличения; – представление информации в контрасте, сравнении с другими
Идентификация	Заражение
<ul style="list-style-type: none"> – изображение в рекламе образа людей из того же социального слоя, на которых она направлена; – представление образа человека в повседневной, обычной жизни; – использование в рекламе образов представителей референтной группы целевой аудитории рекламы; – изображение в рекламе значимых (известных) людей для целевой аудитории. 	<ul style="list-style-type: none"> – высокая эмоциональная заряженность ролика; – сцены, вызывающие отвращение, неприязнь; – сцены агрессии, насилия; – демонстрация массового поведения людей; – яркое проявление эмоций героями; – наличие закадрового смеха, крика, плача.

Рассмотрим процедуру экспертной оценки более подробно, так как она помимо достижения поставленной цели, позволила определить, какие механизмы воздействия чаще используют разработчики социальной рекламы.

Средние оценки степени выраженности механизмов всех роликов показали, что в той или иной степени создатели роликов опирались на использование всех психологических механизмов воздействия, однако наиболее выраженным оказался механизм идентификации (13,20), затем механизм убеждения (12,63), следующим был механизм внушения (11,88) и последним – механизм заражения (9,83). По ведущему механизму 16 роликов распределились следующим образом: 8 (50 %) – идентификация, 4 (25 %) – убеждение и по 2 (12,5 % и 12,5 %) – внушение и заражение.

В дальнейшем исследовании приняли участие 60 человек: 31 испытуемый мужского пола и 29 испытуемых женского пола. Возраст испытуемых – от 18 до 28 лет. Образование – неполное высшее, базовое высшее, полное высшее.

Испытуемые смотрели восемь отобранных трехминутных видеороликов социальной рекламы (табл.3). Порядок показа роликов был рандомизирован. После просмотра каждого ролика испытуемые заполняли анкету, цель которой было изучение особенностей восприятия социальной видеорекламы. Анкета состояла из 26 вопросов со шкалой ответов от -2 до +2 баллов. Примерное время заполнения анкеты 5 минут.

Таблица 3

Результаты экспертной оценки

№ п/п	Название видеоролика	Ведущий механизм воздействия
1	«Здоровый образ жизни»	идентификация
2	«Вред алкоголя»	убеждение
3	«Влияние алкоголя на кишечник»	внушение
4	«Чадов о курящих женщинах»	убеждение
5	«Бросай курить»	внушение
6	«Ты шапку надел?»	идентификация
7	«Будьте ближе»	заражение
8	«Они сказали...»	заражение

Вопросы анкеты были направлены на изучение того, насколько выражены поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты воздействия социальной рекламы. Поведенческий компонент отражали вопросы анкеты, связанные с актуальностью проблемы, раскрытой в сюжете, с желанием поделиться роликом с друзьями, изменить что-то в себе. Когнитивный компонент раскрывался в вопросах понимания сюжета и смысла ролика, предлагалось выбрать из предложенных ответов концепцию сюжета ролика, а также дать характеристику ролику, выбрав из предложенных характеристик. Эмоциональный компонент включал вопросы, связанные с выраженностью и дифференциацией эмоций, испытываемых во время просмотра видео и после него.

Помимо этого, после просмотра всех роликов были заданы дополнительные вопросы, позволившие провести качественный анализ каждого ролика. Например, «Мне хорошо запомнился рекламный ролик. Особенно...», «Ролик произвел на меня положительное впечатление. Особенно...», «С чем у вас ассоциируется данный ролик?», «Какая социальная проблема освещена в каждом ролике?».

Остановимся сначала подробнее на анализе воздействия на испытуемых каждого ролика.

Результаты анкетирования показали, что наиболее эффективными видеороликами оказались 7,4,2. Средние значения оценки эффективности по выборке составили 19,28; 15,10 и 13,32 соответственно. К среднему уровню эффективности можно отнести видеоролики 8,5,3, которые набрали 10,82, 10,08 и 9,65 баллов соответственно. Наиболее низкие показатели эффективности по результатам исследования у роликов 6 и 1 (3,17 и 0,32 соответственно). Таким образом, оба ролика с ведущим механизмом воздействия убеждение оказались более эффективными, чем все другие, за исключением видеоролика с механизмом заражения, который занял первое место. Ролики с механизмом убеждения, а именно было больше всего, по эффективности оказались в конце рейтинга. Характеристика и выводы были бы неполными, если не остановиться на сюжете используемых видео.

Рассмотренные социальные проблемы, суть которых раскрывает социальный видеоролик, испытуемые характеризовали так:

№1 – «проблема здорового образа жизни в молодёжной среде», «презентация хипхоперов», «современной молодежи лучше уделить внимание своему образу жизни и заниматься спортом, чем шататься по подъездам, дискотекам и т.д.», «агитация вести здоровый образ жизни посредством увлечения новыми современными видами физической активности», «проблема того, чем занять себя молодежи в свободное время»;

№2 – «проблема злоупотребления алкоголем», «вред алкоголя, влияние алкоголя на мышление», «популярность алкоголя для лечения душевных ран и отказ от понимания серьезности последствий», «алкоголь как депрессант»;

№3 – «злоупотребление алкоголем», «влияние алкоголя на желудок», «тут больше личностная проблема, чем социальная»;

№4 – «курение среди женщин как порок общества», «курящие женщины, большое количество их», «курение среди женщин и его негативные последствия», «курение вошло в тренд, стало модным», «курение вредит здоровью».

№5 – «вред курения», «курение как вредная привычка, которую надо искоренять», «борьба с курением», «просьбы бросить курить»;

№6 – «проблема недоверия к информации о СПИДе», «СПИД. Родительская забота. Осмысленность, здравомыслие, самостоятельность молодежи», «об ответственности и защите», «предупреждение о возможном заражении СПИДом»;

№7 – «принимать людей такими, какими они есть. Инвалиды так же имеют право на полноценную жизнь, как и здоровые люди», «закрытость людей, холодность к окружающим», «нужно быть добрее, видеть ценность, получать удовольствие не только от материальных вещей», «гуманное отношение к неполноценным людям и людям вообще», «проблема одиночества и дружелюбия, необходимость быть эмоционально ближе»;

№8 – «борьба с наркоманией и курением», «вред алкоголя и наркотических веществ, быстрая зависимость», «тема наркотиков, тема отсутствия собственных мозгов», «влияние окружающих на распространение наркомании», «после наркотиков нельзя вернуться в нормальную жизнь».

В видеороликах 2 (алкоголь), 4 (курение женщин), 5 (курение) наиболее доступно раскрывается суть проблемы, на решение которой направлена социальная реклама.

Наиболее распространенной и часто встречающейся проблемой из освещенных в видеороликах является, по мнению испытуемых, проблема, которая рассмотрена в видеоролике 4 (курение женщин). Немного реже встречаются проблемы, освещенные в видеороликах 5 (курение) и 7 (инвалиды). Наименее встречающейся испытуемым показалась проблема, которую рассматривали в видеоролике 6 (СПИД) и 8 (наркотики).

Испытуемые утверждали, что социальная реклама 4 и 7 – намного лучше рекламы по аналогичным проблемам. А реклама 1 (здоровый образ жизни) – намного хуже других.

По мнению испытуемых, просмотрев видеоролики 4,7 и 8, люди могли бы пересмотреть свое поведение. Ролик 1, по мнению респондентов, абсолютно не привел бы к подобному эффекту.

Из просмотренных образцов социальной рекламы, наиболее запомнился видеоролик 7. Совсем не запомнился ролик 1. Положительно впечатление произвели видеоролики 2 и 7. Отрицательное впечатление произвели видеоролики 1, 3, 6.

Основной причиной, по которой испытуемые хотели бы поделиться социальным видеороликом 2 и 7, является то, что данные ролики являются познавательными; для роликов 3, 4, 8 – то, что они хорошо подходят для профилактики негативных социальных явлений; для ролика 4 – то, что он был бы полезным для просмотра их знакомых и друзей.

Видеоролик 7 вызвал у некоторых испытуемых желание что-либо изменить в своей жизни. Остальные видеоролики нейтральны в этом отношении.

Полный психологический анализ полученных результатов, к сожалению, выходит за рамки данной статьи.

Анализ полученных по результатам анкеты данных позволил сделать следующие выводы об эффективности социальных видеороликов с различными ведущими психологическими механизмами воздействия.

Средние результаты выраженности каждого компонента воздействия видеороликов и их эффективность представлены в таблице 4 и на рис. 1.

Таблица 4

Показатели компонентов рекламного воздействия и эффективности роликов

	Идентификация	Убеждение	Внушение	Заражение
Поведенческий	6,97	56,83	39,47	60,2
Когнитивный	9,02	10,08	10,17	12,85
Эмоциональный	4,72	4,85	5,35	7,65
Эффективность	1,74	14,21	9,87	15,05

Анализируя средние значения по показателям эффективности видеороликов социальной рекламы с различными психологическими механизмами воздействия, становится очевидным, что наиболее эффективным является механизм заражения и убеждения, средние значения которых равны 15,05 и 14,21 соответственно. Менее эффективным можно считать психологический механизм внушения (среднее значение эффективности 9,87). И значительно отстают от всех ролики с ведущим механизмом идентификации (среднее значение эффективности 1,74).

Наиболее эффективно поведенческий компонент выражен в роликах с ведущим психологическим механизмом заражения или убеждения. Следом за ними идут ролики с механизмом внушения и мало эффективны по воздействию на поведение образцы с ведущим механизмом идентификации.

Отметим, что более эффективен когнитивный компонент в видеороликах с ведущим механизмом заражения, достаточно эффективен в роликах, использующих внушение, убеждение и идентификацию в качестве ведущего механизма воздействия.

Наиболее эффективное воздействие на эмоциональную сферу оказывали видеоролики с ведущим механизмом «заражение» и немного менее эффективны в этом плане психологические механизмы внушения, убеждения и идентификации.

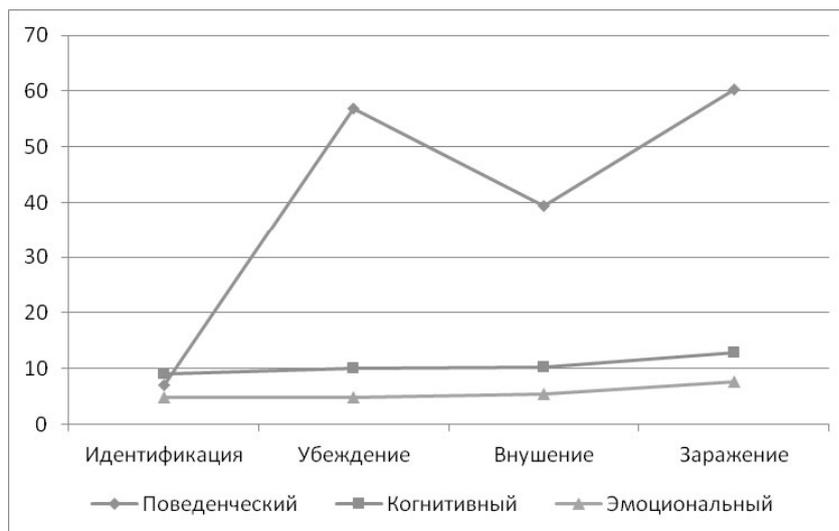

Рис. 1. Сравнение средних показателей компонентов рекламного воздействия видеороликов с разными ведущими механизмами

Заключение. Наиболее популярным психологическим механизмом воздействия в сфере производства социальной рекламы является механизм идентификации, он был ведущим в половине из 16 анализируемых роликов. Подобная реклама встречается на телевидении и в Интернете чаще остальных. На втором месте по использованию – психологический механизм убеждения, это четверть анализируемых роликов. На третьем месте по популярности использования – механизм внушения и заражения. Так как выбор видеороликов социальной рекламы носил случайный характер, можно предположить, что в современной рекламной индустрии наиболее эффективными считаются психологические механизмы идентификации и убеждения.

Результаты исследования эффективности воздействия роликов показали, что наиболее действенными оказались ролики с ведущими механизмами убеждения и заражения. Отметим, что таких роликов в сети меньше, чем видео, основанные на эффекте идентификации. Очевидно, что делать категорические выводы, основываясь на таком количестве роликов, будет неправильно. На эффективность воздействия влияет еще довольно много факторов, игнорировать которые мы не можем. Однако некоторые выводы из анализа сюжетов исследуемых роликов, можно сделать. Молодежь активно откликнулась на сюжеты, связанные с отношением к инвалидам в обществе, к женскому курению, проблема СПИДа и наркотиков ее волнует уже меньше. А позитивный видеоролик, в котором молодежь увлеченно рассказывает о своих увлечениях и демонстрирует достижения в паркуре, воркауте и спортивных танцах, не произвел большого впечатления и не остался в памяти после просмотра.

Сравнение выраженности эффективности воздействия рекламы по поведенческому, когнитивному и эмоциональному компонентам в зависимости от ведущего механизма выявили значимые различия ($p \leq 0,01$) только в поведенческом компоненте. Он менее выражен для рекламы, использующей механизм идентификации, и наиболее сильно выражен для роликов с механизмами убеждения и заражения.

Перспективами данного исследования видится расширение проблематики социальной рекламы, рассмотрение шоковой рекламы как одного из видов социальной рекламы, а также включение в число факторов, влияющих на эффективность воздействия рекламы, личностных особенностей испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дитятев Г.Г. Качественные исследования рекламы / Г.Г. Дитятев // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru> (дата обращения 19.09.2019).
2. Дмитриева Л.М. Социальная реклама / Л.М. Дмитриева – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 271 с.
3. Дыкин Р.В. Эффективность социальной рекламы: некоторые аспекты проблемы / Р.В. Дыкин // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 141–149.
4. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика / Г.Г. Николайшвили – Москва : Аспект-пресс, 2008. – 191 с.
5. Образцова А.Я. Влияние социальной рекламы на формирование социальной активности современной молодежи. Социогуманитарные технологии в методологическом и практическом измерениях / А.Я. Образцова // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://sht.odessa.ua/docs/Articles/Obraztsova.pdf> (дата обращения 22.09.2019).
6. Ученова В.В. Социальная реклама: вчера, сегодня, завтра: учеб. пособ. для студентов вузов / В.В. Ученова, Н.В. Старых. – Москва : ИндексМедиа, 2006. – 303 с.
7. Федотова Л.Н. Социология рекламы / Л.Н. Федотова. – Москва : Аванта, 1999. – 340 с.
8. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России / О.А. Феофанов. – СПб, 2000. – 364.

Поступила в редакцию 16.09.2019 г.

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF SOCIAL ADVERTISING INFLUENCE ON YOUTH

A.V. Gordeeva

The article discusses psychological mechanisms of the impact of social advertising on youth. The following four types of mechanisms are singled out: identification, persuasion, suggestion and infection. It has been established that the mechanism of identification is predominant in advertising. However, persuasion and infection proved to be more effective in terms of their impact. The behavioural, cognitive, and emotional components of the effectiveness of social advertising impact are analyzed

Key words: social advertising, advertising effectiveness, psychological mechanisms of influence, youth.

Гордеева Алла Валериановна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой психологии.

E-mail: a.valer@mail.ru

Gordeeva Alla Valerianovna.

Candidate of Psychology, Docent.

Donetsk National University.

Head of the Department of Psychology.

E-mail: a.valer@mail.ru

УДК 159.92+37.03

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

© 2019. С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению психологических аспектов детского чтения. Раскрыты возрастные особенности развития детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста. Проанализированы психологические особенности чтения в детском и подростковом возрасте. Представлены рекомендации по детскому чтению.

Ключевые слова: детское чтение, развитие личности, социализация, психологическое пространство чтения, психология детского чтения.

Введение. О важности чтения сказано немало слов, написано множество статей и разработана масса методических рекомендаций. Проблема детского чтения актуальна и по сей день. Интенсивно идет процесс трансформации читательских практик современных детей. Меняются основные характеристики детского чтения: статус чтения, характер, продолжительность, способы работы с печатными и электронными текстами, репертуар чтения детей, читательские предпочтения. В последние десятилетия реальность, окружающая ребенка, существенно изменилась. И значительная ее часть – виртуальна. Конечно, это находит свое отражение и в чтении детей. В жизни практически каждого ребенка есть всевозможные гаджеты, с помощью которых он познает окружающий мир: компьютер с его доступом к всемирной сети Интернет, всевозможные смартфоны, планшеты, дающие возможность в любой момент получить искомую информацию, посмотреть видео на интересующую тему. При этом от ребенка требуется минимум усилий – нажать пару кнопок и посмотреть/послушать то, что искал. Иногда может показаться, что время собственно чтения как такового ушло в прошлое. Однако оно неуклонно продолжает играть важнейшую роль в развитии психики ребенка. В данной статье речь пойдет именно о психологических аспектах детского чтения.

Основная часть. Чтение имеет огромное значение в формировании, нравственном воспитании личности, в обогащении человека знаниями. Чтение – одна из сложных и значимых форм психической деятельности человека, которая выполняет психологические и социальные функции. В настоящее время чтение рассматривается как целенаправленная деятельность, которая может изменять взгляды, углублять понимание, воссоздавать опыт, стимулировать интеллектуальный и эмоциональный рост, изменять поведение и через все это способствовать развитию богатой и устойчивой личности [7].

Многие исследователи рассматривали чтение с точки зрения его структуры и функции, его роли в обучении и воспитании детей в школе, а также формировании их личности и поведения. С точки зрения А.Н. Соколова, чтение является и процессом чувственного познания, и одновременно представляет собой опосредование речью отражения действительности, поскольку объектом восприятия является письменное речевое сообщение. А.Р. Лурия рассматривает чтение как процесс перешифровки символов одной системы – зрительных (графических) в другую систему символов –

устную речевую (артикуляторную). На основе этих сложных перешифровок и происходит процесс декодирования, понимания сообщения. По мнению С.Л. Рубинштейна, любой текст является лишь условием мыслительной деятельности: то, что объективно содержится в тексте, может обрести и субъективную форму в голове читателя, и эта субъективная форма существования есть результат собственной мыслительной деятельности читателя [2, 7].

Специфика чтения во многом обусловлена и возрастными особенностями личности. Остановимся на *психологических особенностях* маленьких читателей.

Дошкольный возраст – это период овладения социальным пространством человеческих отношений через общение с близкими взрослыми, а также через игровые и реальные отношения со сверстниками. У ребенка появляется потребность в сотрудничестве с другими детьми. Ведущей деятельностью становится игра как освоение норм поведения и деятельности людей. Именно в игре ребенок может «примерить» на себя различные роли и «прожить» некоторые ситуации из мира взрослых, которые он наблюдает в жизни. Включаясь в отношения с взрослыми и сверстниками, ребенок постепенно обучается рефлексии на другого человека. Через отношения со взрослым интенсивно развивается способность к идентификации с людьми, а также со сказочными и воображаемыми персонажами. Продолжает бурно развиваться речь, способность к замещению, к символическим действиям и использованию знаков, наглядно-действенное и наглядно-образное мышление, воображение и память. В дошкольном возрасте формируется иерархия мотивов, их соподчинение, развивается произвольность, отмечается первичное формирование Я-концепции и самооценки. Появляется понимание норм и правил социальных взаимоотношений. Немаловажное значение имеет и формирование готовности к школьному обучению.

Для младших школьников ведущей деятельностью является учебная. Именно в ходе овладения учением происходит развитие их психики. Очень важно осознание, позиционирование себя как школьников, формирование «внутренней позиции школьника». Претерпевает изменения мотивационная сфера, появляются мотивы социальные и в целом выстраивается иерархия мотивов. Мотивация социального статуса («я – ученик») очень сильна. Это период закладывания фундаментальных основ нравственного поведения. Формируется двигательная культура, что способствует как общему физическому развитию, так и снижению напряжения, выражению эмоциональности, социализации в целом. Начинает формироваться произвольность познавательных процессов. Пока же детям присуще преимущественно непроизвольное внимание; их привлекает все новое, яркое, интересное, необычное. Они склонны подражать, действовать по примеру. При этом важно помнить, что, хотя произвольность поведения уже должна быть развита, все же внимание детей легко отвлечь. Младшие школьники преимущественно мыслят образами, в начале обучения преобладает конкретное мышление и лишь начинает развиваться логическое, абстрактное.

Подростковый возраст характеризует прежде всего чувство взрослости. Взрослости не только физиологической, но и психологической. И пусть взрослые прекрасно понимают, что до собственно психологической зрелости еще далеко, – подросток чувствует себя взрослым и, как следствие, требует большей самостоятельности и снижения опеки со стороны взрослых (тот самый конфликт «отцов» и «детей»). Ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками – глубокое, близкое, личное. Это период начала романтических

отношений с противоположным полом и конфронтации со взрослыми. Познавательные процессы уже произвольны. Активно развивается логическое мышление, проявляется тенденция к выстраиванию логических цепочек. Подростки становятся более критичны к окружающим, прежде всего – ко взрослым, требуют аргументов и доказательств. Развивается рефлексивное мышление, склонность к размышлениям. Внимание избирательно. Подросткам часто присуща повышенная чувствительность и эмоциональность. Это период осознания себя, своей индивидуальности, стремления к самопознанию и самообразованию [4, 5, 6].

Соответственно, говоря о чтении, мы должны учитывать как минимум вышеописанные характеристики детей и подростков.

В целом детское чтение можно рассматривать как социализационный механизм приобщения к материальной и духовной культуре, включающий в себя содержательные и технологичные социальные практики [2].

Перейдем к психологическим аспектам детского чтения.

Роль чтения в развитии ребенка трудно переоценить. Чтение активизирует развитие когнитивной сферы ребенка – речи, в том числе расширение словарного запаса, воображения, памяти и мышления, тренирует произвольное внимания. Чтение способствует становлению эмоциональной сферы, приобретению опыта проживания и эмоционального реагирования. В процессе и результате чтения происходит развитие мотивации, становление иерархии ценностных ориентаций, открытие личностных смыслов. Можно сказать, что чтение и развитие личности в целом неразделимы.

Чтение знакомит подрастающее поколение с достижениями культуры и искусства, дает возможность читать произведения не только современных авторов, но и тексты, написанные авторами прошлых столетий, десятки веков назад. При помощи чтения дети и взрослые знакомятся с особенностями различных культур и субкультур, что развивает эстетический вкус, способствует взаимопониманию, снятию социальной напряженности, в конечном счете, способствует процессам интеграции в обществе [4].

В зависимости от психологических и социально-демографических особенностей личности на разных этапах развития доминируют различные функциональные установки, которые обуславливают отношение человека к чтению, выбор им вида издания, отрасли знания, жанра, конкретного литературного произведения. Все это определяет место чтения в общей структуре жизнедеятельности личности [2].

Чтение способствует социализации ребенка. Идентифицируя, уподобляя себя героям, ребенок учится понимать и других людей, и себя самого, открывает для себя мир взаимоотношений.

По мнению А.В. Мудрика, Е.А. Колосовой, социализация ребенка посредством чтения во взаимодействии с различными факторами и агентами происходит с помощью ряда механизмов, которые можно разделить на социально-психологические и социально-педагогические [2, 4]. Опишем их подробнее.

Социально-психологические механизмы социализации посредством чтения:

Импринтинг (запечатление) – фиксирование человеком на рецепторном и подсознательном уровнях особенностей воздействующих на него жизненно важных объектов (характерно для детей в возрасте от нескольких месяцев до 1-2 лет). Чтение ребенку книг родителями в этом возрасте способствует запечатлению в его памяти образов, увиденных на страницах книг, а также запоминанию ощущений при соприкосновении с фактурами различных материалов (бумажного текста книги, картинок из картона и других элементов, «встроенных» в современные книжки для самых маленьких) и т. п.

Подражание – следование какому-либо примеру, образцу. В данном случае это – один из путей произвольного или непроизвольного усвоения человеком социального опыта. Ребенок пытается копировать поведение героев – персонажей любимых сказок и других произведений.

Идентификация – процесс неосознаваемого отождествления человеком себя с другим человеком, группой, образцом. Дети в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями склонны идентифицировать себя с теми или иными героями, принимая свойственные им образцы поведения, стиль жизни и т. д.

Экзистенциальный нажим – овладение языком и неосознаваемое усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми лицами. Этот процесс происходит в возрасте 2-4 лет, когда ребенок уже может повторять прочитанный родителями текст (особенно детские стихи).

Рефлексия – внутренний диалог, в котором ребенок пытается рассмотреть, оценить, принять или отвергнуть те или иные ценности, нормы, образцы поведения, описанные на страницах книг. Рефлексия может представлять собой внутренний диалог нескольких видов: между различными Я человека или, например, с реальными или вымышленными лицами (героями или персонажами книг). С помощью рефлексии ребенок может формироваться и изменяться в результате осознания и переживания им той реальности, в которой он живет, своего места в этой реальности и себя самого. В большей мере это присуще уже лицам подросткового возраста.

К числу социально-педагогических механизмов социализации посредством чтения относят традиционный, межличностный, институциональный и субкультурный.

Традиционный механизм социализации в семье – усвоение человеком норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, заложенных в текстах книг и иллюстрациях. Этот процесс происходит, как правило, на неосознаваемом уровне с помощью запечатления, некритического восприятия господствующих стереотипов, правил, предпочтений в выборе книг, оценки значимости чтения, наличия и состава домашней библиотеки и пр.

Межличностный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия ребенка с субъективно значимыми для него лицами, мнения которых для него важны. Его основа – психологический механизм переноса благодаря процессам эмпатии, идентификации и т. д. В случае с детским чтением значимыми лицами могут быть родители, другие родственники, учитель, а также друг – сверстник своего или противоположного пола (в более старшем возрасте). Естественно, что значимые лица могут быть членами тех или иных организаций и групп, с которыми ребенок взаимодействует.

Институциональный механизм реализуется в процессе взаимодействия человека с различными организациями, как специально созданными для его воспитания (семья), образования, социализации (школа), так и обеспечивающими функции социализации посредством чтения параллельно с основными функциями (библиотеки, кружки, а также средства массовой информации). Средства массовой коммуникации как социальный институт (книги и периодические издания, радио, телевидение, мультимедиа, Интернет и др.) оказывают влияние на социализацию личности не только с помощью трансляции определенной информации, но и через представление определенных образцов поведения героев книг, кинофильмов, телепередач и т. п.

Субкультурный механизм социализации посредством чтения действует в рамках определенной возрастной или иной субкультуры. Он оказывает действие в подростковом возрасте и может накладываться и усиливать либо ослаблять действие

вышеописанных механизмов. Под субкультурой в общем виде понимается комплекс социальных норм и поведенческих проявлений, типичных для людей определенного возраста или культурного слоя, который создает определенный стиль жизни и мышления той или иной возрастной или социальной группы. Субкультура влияет на социализацию ребенка через ее носителей (это могут быть сверстники, одноклассники и проч.), то есть лица, мнение которых для него особенно значимо. При этом они могут восприниматься и как авторитетные личности в вопросах чтения [2, 4].

По мнению Е.А. Колосовой, социализация ребенка посредством чтения охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образованию. Социализация посредством чтения является важным этапом в жизни детей и подростков, во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни [2].

Перейдем к основным функциям детского чтения как одного из механизмов социализации, способствующему приобщению подрастающего поколения к материальной и духовной культуре современного общества.

Классификация социальных функций чтения как процесса коммуникации была предложена А.А. Леонтьевым. Автор подразделяет эти функции на два типа: собственно социальные, ориентированные на удовлетворение потребностей общества в целом, и социально-психологические, связанные с потребностями отдельных личностей – членов общества. Поскольку нас интересуют именно психологические аспекты чтения, остановимся на социально-психологических функциях чтения подробнее. К их числу относятся коммуникативная, самообразовательная и самовоспитательная, релаксационная, регуляционная и творческая функции.

Функция коммуникации представляет собой универсальный социокультурный механизм, ориентированный на взаимодействие социальных субъектов в процессе чтения, на воспроизводство и распространение социокультурных норм и образцов такого взаимодействия. Данная функция предполагает знакомство с процессами коммуникации, освоение новых явлений информационного пространства. При переходе в виртуальное пространство перед личностью открываются новые возможности взаимодействия с другими людьми, в том числе в процессе чтения или по вопросам, тесно связанным с данным феноменом.

Функция самообразования реализуется посредством самостоятельной, активной и творческой работы с книгой, позволяет детально проработать, прочно усвоить и зафиксировать в памяти полученные знания, навыки и умения. Если основой первоначального образования служит учебная литература, то в процессе непрерывного образования все большую роль приобретает специальная литература и специализированная периодика.

Самовоспитательная функция находит свое отражение в обращении детей к развивающей литературе. Как отмечает А.А. Леонтьев, это одна из форм познавательной деятельности человека, возникающей под влиянием внешних и внутренних факторов. Внешний стимул должен вызвать адекватный «внутренний побудитель» – мотив (стремление, интерес), в котором проявляется влияние объективного мира на человека, не только отражающегося в его сознании, но рождающего определенное отношение. Лишь то, что для самой личности представляется необходимым, ценным, значимым, закрепляется и утверждается в мотиве. Познавательный интерес, таким образом, является действенным мотивом самообразования и самовоспитания, вызывая определенные эмоциональные состояния, стремление к активному поиску знаний.

Функция релаксации выражается в возможностях чтения как формы проведения отдыха. Чтение можно совмещать с другими видами деятельности, связанными с релаксацией, например, перед отходом ко сну, на природе и пр. Актуальным остается чтение в транспорте при длительных поездках. Выбранная ребенком книга может доставить ему удовольствие и помочь расслабиться, погрузившись в мир сказочных персонажей и литературных героев.

Регуляционная функция детского чтения предполагает развитие навыков планирования и распределения своего времени.

Детское чтение реализует и творческую функцию, которая существенно усиливает разностороннее воздействие чтения на личность ребенка. Специфика текста, с которым работает читатель, безусловно, дает простор восприятию, не ограничивая его рамками места и времени. Именно при чтении книга из потенциальной опредмеченной ценности превращается в актуальную распределенную, осмысленную духовную ценность, становится книгой в полном смысле этого слова.

Социально-психологические функции чтения, непосредственно связанные с потребностями, интересами, целями, мотивами, увлечениями ребенка, в значительной мере, определяют круг его предпочтений и интересов, влияющих на процесс формирования личности в целом. От социальных установок личности, доминирующих при обращении к печати в огромной мере зависят выбор вида издания или конкретного произведения, предпочтение той или иной информации, характер и содержание воспринятого, оценка, степень влияния на процесс социализации личности [2].

Перейдем к психологическому пространству чтения. Книги должны быть доступны ребенку (в т. ч. находиться в поле зрения и с возможностью непосредственного доступа к ним). Важно обеспечить уютное место для чтения, с хорошим освещением, без отвлечений и навязывания. В последнем случае высок риск возникновения страха оценки – «Я плохой, если думаю не так».

Психологическое пространство чтения сложно представить только в виде помещения, без учета той атмосферы, которую могут создать только люди. Важны традиции чтения. И семейные традиции – в первую очередь [1, 3].

Электронные книги и всевозможные гаджеты заполнили наше пространство. Однако роль бумажной книги трудно переоценить. Она дает ребенку целый спектр ощущений: зрительных, тактильных, обонятельных и пр. Ее можно нюхать, перелистывать страницы, слушая их шелест, возвращаться к понравившейся. Можно открыть на любом месте и, прочитав несколько строк, фантазировать, о чём она или что будет дальше.

Книги с качественными иллюстрациями, безусловно, приятно держать в руках и очень интересно рассматривать (что тем важнее, чем младше ребенок). Однако книги без картинок в большей мере способствуют развитию воображения, не ограничивая представления ребенка фантазией художника.

Целесообразным, на наш взгляд, будет остановиться на некоторых *рекомендациях* по детскому чтению.

❖ Чтение должно быть в удовольствие. Это – не подневольный труд, а удовольствие, радость от встречи с книгой и ее героями.

❖ Важно учитывать потребности ребенка, задачи возраста. Интересна будет книга, в которой поднимаются актуальные проблемы для ребенка. А для этого нужно интересоваться самим ребенком, знать, чем он живет, что его волнует, что ему интересно.

❖ В героях книги ребенок должен обнаруживать, узнавать самого себя. Соответственно, и героями должны быть такие персонажи, с которыми ребенок может себя отождествить, похожие на него самого. Это даст возможность наполнить текст своими переживаниями, чувствами, мыслями, образами, картинками воображения.

❖ Важнейшее в детском чтении – не информация как таковая, а – проживание, переживание сюжета (как в жизни), выражение эмоций.

❖ Незаменимую роль играют сказки. Сказка в иносказательной, метафоричной, не прямой форме помогает донести основную идею, которую взрослые могут «прямым текстом» безуспешно пытаться донести ребенку. Сказка же может быть неоценимым помощником при работе с детскими страхами. Чтение дает и опыт преодоления разных ситуаций.

❖ Чтение вместе. Чем младше ребенок, тем больше должно быть чтения вместе. Это и сказка на ночь, и чтение по ролям, и обязательно обсуждение прочитанного. Причем обсуждение не в форме бездумного пересказа, а с попыткой задуматься, понять – а как эта история ребенку? Какие струнки в нем она задевает? Прав ли герой? Как бы ребенок поступил на его месте?

❖ Взрослый, конечно же, может дать и свою оценку ситуации в книге, расставить акценты, но главное – подвести ребенка, помочь ему раскрыть себя через прочитанную историю. Таким образом, мы даем ребенку понять: он – ценен; его мнение – важно. Соответственно, и читать – не только нужно, но и интересно и хочется.

❖ Замечательно, если есть возможность сочетать чтение с лепкой, рисованием, проигрыванием ситуаций, подвижными играми.

❖ Прерывание чтения на интересном месте дает возможность придумать – а что же дальше? – и только потом, после появления разных вариантов продолжений, дочитать до конца. Таким образом мы рождаем желание услышать продолжение, завершить незавершенное действие. И способствуем развитию воображения, способности к прогнозированию, предвосхищению событий.

❖ Сочинение же продолжения истории вообще создает широчайшее поле для фантазии ребенка. И тут также можно варьировать: сочиняем вместе с ребенком, каждый из детей сочиняет сам и потом делится... Также на помощь придут рисование, создание аппликаций, вообще разнообразных поделок из подручного материала, игра, лепка.

❖ Если речь идет о чтении книги ребенку, важно качество чтения. Слова необходимо произносить четко. Читать – выразительно, меняя интонации, добавляя выразительности – голосом, интонацией, паузами. Последние особенно важны. Дети мыслят образами, соответственно, чтение должно быть не быстрым, у ребенка должно быть достаточно времени, чтоб образ услышанного успел возникнуть. И при этом неосознанно запоминается: чтобы образ возник – нужна книга.

❖ Объяснять буквально каждое слово не нужно. Должна оставаться какая-то странность, тайна, загадка, которую ребенок будет открывать в течение жизни. Это, однако, не снимает необходимости учитывать возрастные возможности.

❖ Чтение вместе должно быть регулярным. Даже если взрослым некогда, пусть это будет хоть 10 минут и несколько страниц, но – желательно ежедневно.

❖ Положительное подкрепление чтения, безусловно, важно. Читать «в наказание» какое-то количество страниц или, напротив, из тех же соображений лишать чтения – безусловно, неверное решение. Только и подкрепление должно быть не материальным, а, скорее, быть признанием – достижений ребенка, его сил, прогресса в развитии и т.п.

❖ Подросткам могут быть очень интересны разнообразные квесты по книге. Квест же может стать замечательной идеей и для групповых занятий, в т.ч. и школьных уроков.

❖ Со временем у каждого ребенка складывается «своя библиотека» – любимые, зачитанные до дыр книги. И даже если они электронные – все равно любимые. Важно, чтоб всегда была возможность обратиться к ним в нужный момент. В наше беспокойное время с обостряющимися военными действиями для ребенка – это еще одна отдушина и возможность окунуться с головой в мир фантазии.

Заключение. Чтение, без преувеличения, играет одну из ключевых ролей в процессе социализации и становления личности ребенка. При этом стоит помнить, что важнейшей задачей книги и детского чтения в целом является не столько нагрузить ребенка знаниями/информацией, сколько – заронить интерес, развить желание и тягу к чтению, научить познавать, проживать и осмысливать истории жизни. И, конечно же, открывать себя через книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб. : ООО «Речь», 2000. – 310 с.
2. Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования / Е.А. Колосова. – М. : РГДБ, 2011. – 118 с.
3. Лабиринт души. Терапевтические сказки / под ред. Хухлаевой О.В., Хухлаева О.Е. – М. : Академический проект, 2001. – 224 с.
4. Мудрик А.В. Социализация человека / А.В. Мудрик. – М. : Академия, 2006. – 304 с.
5. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов / В.С. Мухина. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.
6. Тихомирова И.И. Психология детского чтения от А до Я: Методический словарь-справочник для библиотечарей / И.И. Тихомирова. – М.: Школьная библиотека, 2004. – 248 с.
7. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление / Л.С. Цветкова. – М.: Юристь, 1997. – 256 с.

Поступила в редакцию 16.09.2019 г.

CHILD READING PECULIARITIES: PSYCHOLOGICAL ASPECTS AND RECOMMENDATIONS

S.V. Rudenko

This article addresses psychological aspects of children's reading. The age-related peculiarities of the development of children of preschool, primary school and adolescence are revealed. The psychological characteristics of reading in childhood and adolescence are analyzed. Recommendations for children's reading are suggested.

Key words: children's reading, personality development, socialization, psychological reading space, psychology of children's reading.

Руденко Светлана Викторовна.
Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

Rudenko Svetlana Viktorovna.
Candidate of Psychological Sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
E-mail: Rudenko_SV@mail.ru.

УДК 159.9

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИНЯТИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2019. *Н.А. Картузова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлены результаты исследования стилевых особенностей саморегуляции учебной деятельности у студентов с разным уровнем принятия неопределенности. Установлено, что студенты с высоким уровнем принятия неопределенности имеют тенденцию к более сформированному стилю саморегуляции учебной деятельности. Студенты с разным уровнем принятия неопределенности используют автономный стиль саморегуляции, но разных типов, что в свою очередь влияет на особенности выполнения учебных действий.

Ключевые слова: учебная деятельность, особенности саморегуляции, стилевая саморегуляция, принятие неопределенности.

Важность изучения особенностей саморегуляции учебной деятельности современных студентов определяется достаточным непостоянством окружающей субъекта социальной среды и необходимостью выбора способов реализации своей активности, в том числе, через постановку учебных целей, опираясь на свои индивидуальные особенности и с учетом разнообразных условий действительности. В учебной деятельности саморегуляция представляет собой психологическую основу для осознания значимости приобретаемой профессии психолога, постановки учебных целей, возможности увидеть пути дальнейшего профессионального совершенствования. Это обуславливает актуальность выявления стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности во ее взаимосвязи со способностью принимать напряжение в сложных и неопределенных для субъекта ситуациях обучения в высшей школе. Выявление роли элементов личностного потенциала, в который входит такой компонент как принятие неопределенности, представляется особенно актуальным как для прояснения теоретической модели предпосылок эффективной саморегуляции учебной деятельности, так и для практического осмысления эффективности обучения.

Цель исследования: выявить стилевые особенности саморегуляции в учебной деятельности у студентов с разным уровнем принятия неопределенности.

Гипотеза: стилевые особенности учебной деятельности будут отличаться в группах студентов с разными уровнями принятия неопределенности.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие **методики:** опросник «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М» Моросановой В.И., Цыганова И.Ю.; опросник толерантности к неопределенности Корниловой Т.В.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 46 студентов-психологов, средний возраст испытуемых – 18 лет.

Анализ результатов. В ходе анализа результатов исследования были выделены группы студентов с разными уровнями показателя принятия неопределенности. Данные представлены на рис. 1.

Рис. 1. Данные по показателям принятия/непринятия неопределенности

Как видно из рис. 1, у большинства студентов (56 %) преобладает высокий уровень принятия неопределенности. Такие студенты ощущают в себе стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовности предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений, отмечают восприятие новых, незнакомых, рискованных ситуаций как стимулирующих деятельность. Следует обратить внимание, что 33 % студентов имеют средний уровень выраженности принятия неопределенности, что означает, что неопределенные ситуации могут восприниматься ими как источник угрозы, реагировать беспокойством и замыканием в себе на неясные ситуации, иметь потребность к категоризации и структурированию. В свою очередь 11 % испытуемых характеризуются низким уровнем, т.е. в значительной степени имеют стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, им присуще дихотомическое разделение правильных и неправильных способов достижения цели, мнений и ценностей, представление о главенствующей роли правил и принципов.

Соответственно первая группа студентов с более высокими показателями принятия неопределенности составила 26 человек, вторая группа с относительно более низкими показателями – 20 человек.

Обработка результатов опросника «Стиль саморегуляции учебной деятельности» (ССУД) В.И. Моросановой показала (табл. 1), что в группе студентов с высокими показателями принятия неопределенности 46 % имеют средний уровень сформированности индивидуального стиля саморегуляции учебной деятельности. При этом 31 % попадают в группу с высоким уровнем развития саморегуляции и 23 % студентов имеют низкий уровень показателя общей саморегуляции учебной деятельности.

В группе студентов со средними и низкими показателями принятия неопределенности у 40 % студентов выражен низкий уровень саморегуляции учебной деятельности. В группу со средним и высоким уровнем развития саморегуляции учебной деятельности попадают по 30 % студентов соответственно.

Таблица 1

Распределение студентов в зависимости от общего уровня саморегуляции

Группы	«Низкий»	«Средний»	«Высокий»
Студенты с высоким принятием неопределенности» (1 группа)	23 %	46 %	31 %
Студенты со средним и низким принятием неопределенности (2 группа)	40 %	30 %	30 %

Для выявления частоты встречаемости уровневых показателей саморегуляции в исследуемых группах был использован критерий углового преобразования Фишера (φ-критерий Фишера). Установлено, что в группе студентов со средним и низким уровнем

принятия неопределенности низкий уровень сформированности индивидуального стиля регуляции учебной деятельности встречается статистически чаще, нежели в первой группе ($\varphi^*_{эмп} = 1,66$, $p \leq 0,05$). Это указывает на то, что непринятие неопределенности, потребность в высокой степени категоризации и структурировании окружающей действительности, в частности учебной, может служить препятствием для формирования индивидуального стиля саморегуляции.

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа исследуемых групп студентов по показателям индивидуального стиля саморегуляции учебной деятельности.

Таблица 2

Сравнение групп студентов по шкалам методики ССУД (U-критерий Манна-Уитни)

Шкалы ССУД	Значения средних шкал ССУД в группах		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости
	1 группа («высокий уровень принятия неопределенности»)	2 группа («низкий уровень принятия неопределенности»)		
«Планирование»	5,19	4,70	232	0,532
«Моделирование»	6,57	4,99	200,5	0,09
«Программирование»	5,84	4,50	167,5	0,038*
«Оценка результатов»	3,61	3,95	246,5	0,762
«Гибкость»	4,26	4,45	234	0,558
«Самостоятельность»	6,23	4,45	132,5	0,004*
«Надежность»	4,23	4,15	252	0,857
«Ответственность»	4,07	4,35	245,5	0,746
«Общий уровень»	31,67	28,20	192	0,08

* – различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Сравнение показателей опросника ССУД у групп студентов позволило установить следующее. В группе студентов с высоким уровнем принятия неопределенности достоверно выше такие компоненты индивидуального стиля саморегуляции как «программирование» и «самостоятельность». Это указывает на то, что студенты, принимающие неопределенность, склонны в большей степени быстро включаться в учебную деятельность, переключаться с одного вида деятельности на другой, иметь более гибкую программу учебных действий в условиях индивидуальной и групповой работы, на обычных занятиях и в ситуациях экзамена, нежели студенты с низким уровнем принятия неопределенности. Также такие студенты склонны в большей степени самостоятельно выдвигать учебные цели, осуществлять программы учебных действий в процессе подготовки к занятиям, во время ответа и выполнения учебных заданий, независимо от внешних обстоятельств формировать индивидуальные критерии оценки результатов своих действий. Также у первой группы по компонентам «моделирования» и общего уровня саморегуляции выявлена статистическая тенденция к значимости на 5 % уровне ($p \approx 0,05$). Студенты с высоким показателем принятия неопределенности имеют тенденцию в большей степени ориентироваться в меняющейся ситуации и выбирать соответственно условиям учебную тактику и тактику поведения с преподавателем, а также иметь устойчивость этих процессов в условиях высокой психической напряженности. Соответственно из-за регуляторных звеньев, которые статистически выше, нежели в группе у студентов с низким принятием неопределенности, первая группа имеет тенденцию к более сформированному стилю саморегуляции учебной деятельности.

На рис. 2 представлен обобщенный профиль саморегуляции учебной деятельности в исследуемых группах студентов.

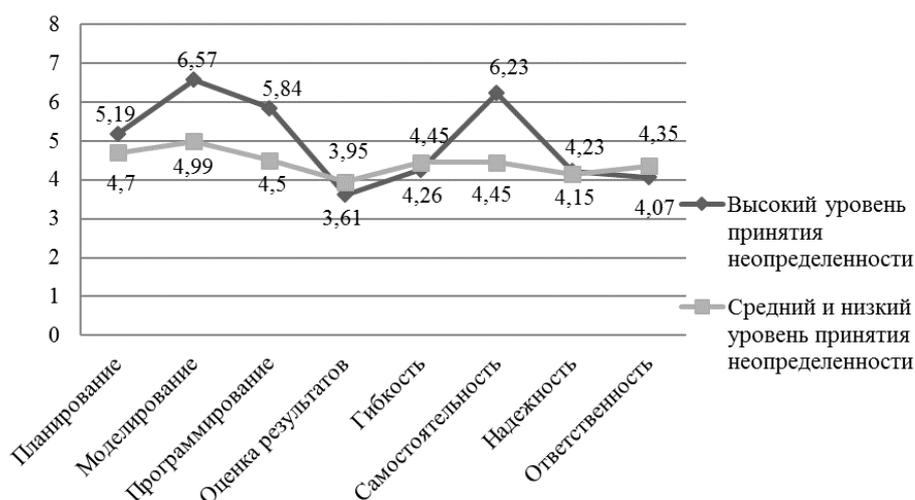

Рис. 2. Структура профилей саморегуляции учебной деятельности исследуемых групп

Анализ данного профиля, отражающего степень сформированности компонентов индивидуального стиля саморегуляции, свидетельствует о том, что группы студентов обладают достаточно развитой системой осознанной регуляции учебной деятельности. Наиболее хорошо у первой группы студентов сформированы такие составляющие как «моделирование», «программирование» и «самостоятельность». Перечисленные компоненты системы саморегуляции оказывают большое влияние на успешность выполнения учебной деятельности. Они позволяют студентам осознанно выдвигать цели и выделять комплекс наиболее значимых условий, необходимых для их достижения, четко детализировать исполнительские действия и обозначать алгоритм их реализации с опорой на конкретные условия среды, проявлять некоторую регуляторную автономию и независимость системы саморегуляции от влияний других людей. Во второй группе, в свою очередь, более выражены показатели «оценки результатов» и «ответственности». Данные компоненты дают возможность студентам на достаточном уровне оценивать итоги осуществляемых действий и поступков, поддерживать саморегуляцию своей активности через осознание значимости деятельности для себя и для других.

Полученные результаты были сопоставлены со стилями саморегуляции учебной деятельности (табл. 3).

Таблица 3

Распределение студентов в зависимости от стилей саморегуляции учебной деятельности

Стиль	Тип	Группы	
		1 группа («высокий уровень принятия неопределенности»)	2 группа («низкий уровень принятия неопределенности»)
«Автономный»	«Организованный»	42 %	40 %
	«Контрольно-корректирующий»	11,5 %	15 %
«Оперативный»	Оп «№1» – «Гибкий учет значимых условий учебной деятельности»	11,5 %	25 %
	Оп «№2» – «Оперативность построения программ учебных действий»	27 %	15 %
«Устойчивый»		8 %	5 %

Анализируя полученные результаты можно отметить, что в группах студентов в большей степени сформирован «автономный» стиль саморегуляции учебной деятельности организованного типа. Такие студенты склонны в большей степени планировать учебную деятельность, что в свою очередь компенсирует функциональную недостаточность процесса оценки результатов. Т.е. учебные цели являются достаточно осознанными и самостоятельными, при этом у студентов недостаточно сформированы критерии успешности учебной деятельности. Исходя из этого, учебные ситуации заранее планируются, продумываются, в зависимости от ситуации подбирается та или иная учебная тактика. Следует отметить, что менее выраженным стилем в обеих группах выступает «устойчивый» стиль, который определяет слабую развитость процессов моделирования и их компенсацию посредством контрольно-коррекционных процессов. Иначе говоря, группы студентов не характеризуются строгостью и устойчивостью критериев успешности в сложных учебных ситуациях, предпочитают приспосабливаться к учебным ситуациям, выбирая соответственно условиям учебную тактику.

Рассматривая различия стилей саморегуляции в исследуемых группах, стоит отметить, что группы различаются по преобладающему после «автономного» стилю саморегуляции учебной деятельности. Студенты с высоким уровнем принятия неопределенности предпочитают оперативность построения программ учебных действий. Деятельность таких студентов характеризуется высокой развитостью программирования, гибкости их перестройки. Трудности ориентации и учета условий в учебных ситуациях компенсируются оперативностью построения и перестройкой программ учебных действий. Студенты со средним и низким уровнями принятия неопределенности предпочитают оперативный стиль с гибким учетом значимых условий учебной деятельности. Их слабой стороной является низкая самоорганизация процесса обучения, трудности, связанные с построением программ учебных действий, их недостаточная детализация. Это обозначает, что некоторая неосознанность и неустойчивость учебных целей компенсируется легкостью приспособления к требованиям преподавателя и условиям учебной ситуации – т.е. адаптацией к созданной внешней структуре.

Используя критерий углового преобразования Фишера (ф-критерий Фишера), установлено, что в группе студентов с высоким принятием неопределенности оперативный стиль саморегуляции учебной деятельности второго типа встречается статистически чаще, нежели в первой группе ($F^*_{эмп} = 1,84$, $p \leq 0,05$) и наоборот. Это может указывать на то, что принятие неопределенности формирует более оперативную позицию выполнения учебных действий, посредством перестройки программ исполнительских действий. В свою же очередь студенты со средним и низким уровнями принятия неопределенности предпочитают приспосабливаться к внешним требованиям, не изменяя при этом программу учебных действий.

Выводы. Проведенное исследование и анализ полученных данных показали, что большинство студентов психологов имеют достаточно развитую систему компонентов саморегуляции учебной деятельности. Анализируя общий показатель саморегуляции учебной деятельности, стоит отметить, что непринятие неопределенности, потребность в категоризации и структурировании окружающей действительности, в частности учебной, может выступать препятствием для формирования индивидуального стиля саморегуляции. Сравнение групп показало достоверно более высокий уровень развития по показателям «программирования» и «самостоятельности» у группы студентов с высоким уровнем принятия неопределенности. Также по компонентам «моделирования» и общего уровня

саморегуляции выявлено различие на уровне тенденции к значимости на 5% уровне ($p \approx 0,05$). Соответственно первая группа имеет тенденцию к более сформированному стилю саморегуляции учебной деятельности. Студенты способны осознанно выдвигать учебные цели, детализировать учебные действия с опорой на конкретные условия среды и проявлять независимость системы саморегуляции. Студенты со средним и низким уровнями принятия неопределенности в большей степени поддерживают саморегуляцию своей активности через осознание значимости деятельности для себя и для других.

Выделение конкретных стилей саморегуляции учебной деятельности позволило сделать вывод о том, что студенты с разным уровнем принятия неопределенности используют один стиль саморегуляции, но разных типов. Принятие неопределенности формирует более оперативную позицию выполнения учебных действий, посредством перестройки программ исполнительских действий. В свою же очередь неприятие неопределенности формирует позицию приспособления к внешним требованиям, однако, с меньшей долей самостоятельности студентов и изменения ими программ учебных действий.

В целом, результаты проведенного исследования могут помочь в переосмыслении эффективности обучения студентов и построении обучения, которое будет способствовать развитию более эффективной системы саморегуляции студентов в учебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронова Е.А. Саморегуляция и самосознание субъекта / Е.А. Аронова, В.И. Моросанова // Психологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 14–22.
2. Гусев Е.И. Толерантность к неопределенности: проблематика исследований / Е.И. Гусев // Практична психология та соціальна робота. – 2007. – № 8. – С. 75–80.
3. Морозова И.С. Личность и саморегуляция деятельности – Кемерово : Кемеровский госуниверситет, 2000. – 80 с.
4. Моросанова В.И. Диагностика саморегуляции человека / И.Н. Бондаренко, В.И. Моросанова – М. : Когито-Центр, 2015. – 304 с.

Поступила в редакцию 15.09.2019 г.

STYLE FEATURES OF SELF-REGULATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AMONG STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY

N.A. Kartuzova

The article presents the results of the study of the style features of students' educational activities self-regulation with different levels of tolerance to uncertainty. The paper analyzes the differences in the styles of self-regulation of educational activity among students with high and low levels of tolerance to uncertainty.

Key words: educational activities, features of self-regulation, style of self-regulation, tolerance to uncertainty.

Картузова Надежда Александровна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры психологии.
E-mail: kri-dae@mail.ru

Kartuzova Nadezhda Aleksandrovna.
Donetsk National University.
Assistant of the Department of Psychology.
E-mail: kri-dae@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4-8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»;
при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пуниша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5-33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10-17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		

Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@gambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2019. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 30.09.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 13,06
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.